

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2020
№ 3(15)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 3(15)
2020**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2020
№ 3
(15)

**Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

**Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год**

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

***Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии
с требованиями для авторов, установленными редакцией.***

***Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими
мотивированный отказ в опубликовании.***

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2020
№ 3
(15)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ПРОШЛОЕ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- М.Л. Шуб*
Прошлое в структуре европейской картины мира XVII в.:
между «золотым веком» и «мглой древности»8
- И.В. Сидорчук*
Политика памяти и конструирование повседневности:
большевистский опыт 1920-х гг. 19

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- Иоасаф Вишняков (игумен), И.Н. Паршукова*
Повседневность монастырей Русского Севера
во второй половине XVII в. (на примере Ферапонтова
Богородице-Рождественского монастыря)36
- О.А. Балабейкина, Е.А. Карасева, А.Д. Радкевич*
Церковный приход как центр средоточия
повседневной жизни адептов Государственной
Христианской церкви Англии (вторая половина XIX в.)46

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- И.Г. Бочило*
Этнические меньшинства Беларуси в малых жанрах фольклора56
- С.А. Захаркевич*
Деятельность Комиссии по осуществлению
национальной политики ЦИК БССР
в отношении этнических меньшинств в 1920–1930 гг.70

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- М.С. Трегубова*
«Мужская профессиональная занятость»
во второй половине XIX – начале XX в.
на страницах дворянских мемуаров83

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- В.И. Кулаков*
Макеты деталей погребального инвентаря
в обряде эстиев и пруссов 100

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И.Г. Иванцов, И.В. Дубинин*
«Я поставил себе священным долгом ознакомить с краем
и войском августейшего путешественника...»111

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И.Ю. Васильев

Казачья повседневность конца XIX – начала XX в.:
размышления над книгой Е.В. Годовой «Повседневная жизнь
российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.»
(СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020)..... 122

В.А. Верременко

Новое слово в историографии повседневной жизни
российского казачества. Рецензия на книгу: Годовова Е.В.
Повседневная жизнь российского казачества
во второй половине XIX – начале XX вв. [науч. ред. П.С. Кабытов].
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 464 с., ил..... 126

Сведения об авторах 132

Contents

THE PAST IN EVERYDAY LIFE

- Mariya L. Shub*
The past in the structure of the XVII century European picture
of the world: between "golden age" and "haze of antiquity" 8
- Il'ya V. Sidorchuk*
The politics of memory and the construction of everyday life:
the Bolshevik experience of the 1920s..... 19

RELIGIOUS EVERYDAY LIFE

- Ioasaf Vishnyakov (abbot), Irina N. Parshukova*
Everyday life of monasteries of the Russian North in the second
half of the XVII century (on the example of St. Ferapont Nativity
of the Mother of God Monastery) 36
- Ol'ga A. Balabeikina, Ekaterina A. Karaseva,
Alina D. Radkevich*
The parish as the center of the daily life of adherents
of the Church of England (second half of the XIX century) 46

ETHNIC EVERYDAY LIFE

- Irina G. Bochilo*
Ethnic minorities of Belarus in small genres of folklore 56
- Stepan A. Zakharkevich*
Activity at the Commission for the Implementation
of National Policy under the Central Executive Committee
of the BSSR in relation to ethnic minorities in 1920s–1930s. 70

EVERYDAY LIFE OF INDIVIDUAL SOCIAL GROUPS

- Marina S. Tregubova*
«Male professional employment» in the second half of the XIX –
early XX century on the example of the nobility memoirs 83

SOURCE STUDY OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Vladimir I. Kulakov*
Models of details of burial implements in the rite of the Aestians
and Prussians 100

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>Igor' V. Dubinin, Igor' G. Ivantsov</i> «I set myself a sacred duty to acquaint the August traveler with the region and the army...»	107
---	-----

THE REVIEWS AND REVIEWS

<i>Igor' Y. Vasil'ev</i> Cossack everyday life of the late XIX – early XX centuries: reflections on the book by E.V. Godovova "Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX centuries" (SPb.: DMITRY BULANIN, 2020).....	118
<i>Valentina A. Veremenko</i> A new word in the historiography of everyday life of the Russian Cossacks. Book review: E.V. Godovova "Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX centuries" (SPb.: DMITRY BULANIN, 2020)	122
About Authors	134

ПРОШЛОЕ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(4)"16"

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

М.Л. Шуб

Прошлое в структуре европейской картины мира XVII в.: между «золотым веком» и «мглой древности»*

В статье предпринята попытка осмысления специфики образа прошлого, сложившегося в европейской культуре XVII в. Его главной чертой стала противоречивость – сосуществование двух наиболее значимых векторов восприятия прошлого и интерпретации его роли в истории и современности. Первый вектор, наиболее востребованный в консервативной университетской среде, сообществах антиквариатов и коллекционеров, был ориентирован на прославление прошлого как «золотого века», как ориентира для актуального развития. Вторым, поддерживаемым новоевропейскими учеными и мыслителями, трактовал прошлое как помеху на пути прогресса, как «мглу древности», препятствующую новациям и позитивным изменениям. Противоречивость такого восприятия прошлого была несколько нивелирована на рубеже XVII–XVIII вв. достижением относительного социального консенсуса, «позволившего» искусству (прежде всего, в рамках стиля классицизма и внестилевой линии) почитать и превозносить достижения минувших эпох, а науке – критически относиться к ним, пропагандируя идеи прогресса и ценности настоящего.

Ключевые слова: прошлое, образ прошлого, европейская культура XVII в.

Mariya L. Shub

The past in the structure of the XVII century European picture of the world: between "golden age" and "haze of antiquity"

The article is devoted to comprehension of the image of the past specifics that has developed in the European culture of the XVII century. Its main feature was its inconsistency – the coexistence of the two most significant vectors of perception of the past and interpretation of its role in history and modernity. The first vector, which is most in demand in the conservative university environment, antiquary and collector communities, was focused on glorifying the past as a "golden age", as a guideline for

© Шуб М.Л., 2020

© Shub Mariya L., 2020

* Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс МД-2020), проект «Культура памяти индустриальных городов российской провинции: мемориальные стратегии региональной идентичности».

current development. The second, supported by modern European scientists and thinkers, interpreted the past as an obstacle on the path of progress, as the "haze of antiquity" that impedes innovation and positive change. The inconsistency of this perception of the past was somewhat leveled at the turn of the XVII–XVIII centuries by the achievement of a relative social consensus, which "allowed" art (primarily within the framework of the classicism style and outside the style line) to honor and extol the achievements of past eras, and science to critically treat them, promoting ideas of progress and values of the present.

Key words: past, image of the past, European culture of the XVII century.

В современной гуманитарной риторике феномен прошлого и осмысление его места в историко-культурной ретроспективе и актуальном пространстве занимают чрезвычайно важное место. С одной стороны, по мысли Г. Люббе, «необыкновенное внимание к артефактам прошлого и активное участие в ритуалах, организуемых вокруг них, объясняется тем, что усилиями исторического сознания компенсируется утрата чувства знакомого в культуре, утрата, обусловленная темпом изменений. Необходимость таких усилий увеличивается прямо пропорционально процессу модернизации» [1, с. 98]. П. Нора связывает все более актуализирующийся интерес к прошлому с кризисом идентичности и утратой коллективной памяти как инструмента ее формирования и поддержания: «Все говорят о памяти, потому что памяти больше нет» [2, с. 15].

Ж.-Ш. Шурек, однако, убежден, что востребованность темпоральной проблематики детерминирована «разрывом с традиционными типами сообщения о прошлом. Семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, живших под одной крышей, сменилась его сокращенной передачей, в которой преобладали как приобретенные знания, так и различные области производства памяти, поскольку речь идет именно о производстве» [3, с. 16].

Так или иначе, в современном поле гуманитарных исследований фреймы прошлого и актуальности связаны чрезвычайно прочно, а мысль о том, что восприятие современности во многом детерминировано ретроспективной саморефлексией считается практически аксиоматичной.

Осмысление восприятия прошлого в европейской культуре XVII в. востребовано еще и в связи с тем, что именно в этом историческом периоде многие исследователи находят метафорические параллели с

современной культурой. Так, по мнению Х.Р. Де Вентоса, актуальность можно смело интерпретировать как эпоху необарокко, которая отличается отсутствием авторитетного теоретического обоснования, склонностью не к целостному, а дробному и фрагментированному восприятию, к пантеизму и динамике, к многополярности и фрагментации [4, с. 179] – всему тому, что Э. Д'Орс назвал типичными чертами барочного мировоззрения [5, с. 101]. Именно в идеологии «трагического гуманизма» XVII в. Ж. Бодрийяр видел источник современного симулятивного сознания, Г. Дебор – общества спектакля, Ж. Баландье – театрократии.

Образ прошлого, формируемый в эпоху Нового времени, в целом может быть назван противоречивым. И если его противоречивость, рожденная еще социальной дифференциацией средневекового общества, была несколько нивелирована, то разнообразие позиций в рамках одной социальной группы (условно говоря, интеллектуальный образ прошлого) возрастало с каждым новым витком истории. Кроме того, XVII в. был наполнен большим количеством поворотных, революционных в прямом и переносном смысле событий, каждое из которых вносило существенные коррективы в отношении к минувшим эпохам. Новое время было эпохой динамичной, совпадавшей с парадигмальными сдвигами, которые неизбежно влекли за собой и сдвиги в восприятии различных модусов времени. Это значительно осложняет конструирование монолитного (хотя бы относительно) во времени и пространстве образа прошлого. Более того, такую задачу можно назвать практически неразрешимой. «Каким образом, – писал П. Шоню, историк “Школы Анналов”, крупнейший исследователь культуры эпохи Просвещения, – заключить в систему глобального объяснения, которую мы отваживаемся назвать “метаструктурой”, судьбу 500 млн человек, принадлежащих множеству разных культурных миров, наверное, сотне не сводимых друг к другу хронотопов, 500 млн человек, из которых, надо признать, только элиты по-настоящему обладают общностью истории» [6, с. 22]. Мнение историка подтверждается и практически полным отсутствием исследований, касающихся решения обозначенной задачи. Поэтому реконструкция образа прошлого, характерного для европейской культуры начала Нового времени, может быть осуществлена лишь в общих чертах, с обозначением наиболее существенных тенденций.

XVII в. для истории Европы стал эпохой, с одной стороны, переходной от Средневековья к Новому времени, а с другой – временем раскола некогда относительно монолитной карты Европы сразу по нескольким векторам (политическому, экономическому, социальному, религиозному и художественному), в основании которых лежало восприятие новаций (прогресса, обновления и пр.) как новой стратегии развития общества. Европа оказалась разделенной на два лагеря, один из которых (Англия, Голландия) пошел по пути системного обновления (усиление влияния буржуазии как доминирующей социальной группы, ограничение королевской власти, развитие капиталистических отношений, принятие протестантизма и пр.), другой (Италия, Испания, отчасти Франция) всеми силами стремился к консервации наличествующего порядка.

Линия раскола неизбежно прошла и по мировоззренческим установкам европейской культуры, оказав влияние на формирование различных образов прошлого.

В тех европейских странах, где были сильны протестантские религиозные взгляды (Англия и Голландия, прежде всего), где национальные церкви одержали верх над Римской католической церковью, где доминирующей социальной силой стала буржуазия, а экономической основой – капитализм, прошлое вновь обрело статус «золотого века», становясь главным модусом времени: с одной стороны, источником построения новой национальной идентичности, с другой – прочной основой, проверенным временем кладезем истин. Идея Страшного суда, которая аксиологизировала будущее в средневековой теологии, «отходит на задний план, и второе пришествие начинает связываться с установлением господства на всей земле истинно христианского общества» [7, с. 32]. Кальвинизм, например, в качестве идеала рассматривал далекое прошлое, совпадающее со временем существования раннехристианских общин, а события последних веков интерпретировал как время «папского безумия». Интересно восприятие прошлого, отраженное в трудах английских, шотландских и ирландских антиквариев. Для них также первые века христианской истории выступали сакральным, священным периодом, «чистым и совершенным образцом истории народа, в котором государство и общество развиваются в лоне не искаженной внешними посредниками апостольской христианской традиции... где собственная традиция проти-

востояла иноземному учению, привнесенному позднее последователями епископа города Рима» [8, с. 230]. Римская церковь (Ватикан) признавалась «зловещим детищем империи» (имеется в виду римской), призванным уничтожить национальное своеобразие Англии, Шотландии и Ирландии.

При этом шотландские и ирландские антиквариисты современность воспринимали как время начала восстановления утраченной гармонии, а их английские коллеги настоящему отводили роль источника дальнейшего упорядочивания доставшихся от прошлого институтов. Таким образом, в отличие от архаического понимания развития, выстраиваемого от будущего через обесцененное настоящее к «золотому», сакральному прошлому, антиквариисты с Британских островов придавали ему иной вектор движения: от прошлого, служащего истоком и основанием всего существующего, моделью национальной идентичности через настоящее, призванное усовершенствовать доставшееся наследие, к будущему. В итоге прошлое для них было своеобразным зеркалом, «к которому следует обращаться, чтобы распознать в вихре противостояний и компромиссов дня сегодняшнего неизменно повторяющуюся схему развития событий» [8, с. 244].

Аналогичный пиетет к прошлому демонстрировали и английские университеты, почитавшие античных мыслителей как непререкаемых авторитетов, и английские писатели, например У. Темпл и Дж. Свифт. Последний в работе «Битва книг» сравнивает современность с пауком, который приобрел некоторые знания и умения в науках и искусстве, но отказывается признавать за собой ответственность за созданное и потому испускает изнутри себя ядовитую паутину. Древних же Дж. Свифт отождествляет с пчелами, несущими человечеству «сладость и свет» [9, с. 228].

В сфере художественной культуры, в частности в эстетической концепции стиля классицизма, также провозглашалось величие прошлого, главным образом античного. Теоретик стиля Н. Буало признавал, что именно Античности нет и не может быть равных в эпосе, ораторском искусстве, элегии и сатире. Архитекторы классицизма за эталон приняли греческую ордерную систему, а крупнейший живописец французского классицизма Н. Пуссен воспроизводил в своих картинах римские руины, одевал героев своих произведений в античные одеж-

ды, а апостолы в его «Тайной вечере» возлежали в древнеримском триклинии (пиршественный зал).

В европейских странах с мощными реакционными социально-политическими и религиозными силами (Италия, Испания, Германия) отношение к прошлому было достаточно сложным и неоднозначным, как и господствующая там мировоззренческая система барокко.

С одной стороны, барокко было неразрывно связано с прошлым и устремлено, скорее, в минувшее, чем в настоящее и будущее. Консервативные круги «барочных» стран стремились хотя бы на время отсрочить любые изменения, а в идеале даже повернуть историю вспять. Ярким примером в этом смысле выступало движение Контрреформации, направленное силами иезуитов и выразительным инструментарием стиля барокко вернуть былое величие католической церкви. Кроме того, зародившись в Италии, барокко еще испытывало на себе мощное влияние художественного наследия, главным образом, эпохи Ренессанса, а через него и Средних веков, и Античности, а потому культивировало уважительное отношение к прошлому. Иллюстрируя эту мысль на примере барочной поэзии, Ю. Виппер пишет: «К Возрождению восходят во многом и господствующая структура лирических и эпических жанров, и продолжающееся усиленное обращение к античной мифологии как к кладезю сюжетов и образов, и воздействие канонов петраркизма в любовной лирике, и влияние, какое оказывают на развертывание поэтической мысли законы риторики. Барочные писатели к тому же широко используют восходящие к средневековой культуре символы, эмблемы и аллегории, воплощают свои умонастроения с помощью традиционных библейских образов, вдохновляются зачастую идеалами, почерпнутыми из рыцарских романов» [10, с. 83].

С другой стороны, образ прошлого, сложившейся в Италии, Испании и Германии и отраженный в искусстве барокко, не был наполнен чувствами пиетета, благодарности и восхищения, как в Англии, не ассоциировался с метафорами «золотого века», фундамента последующих преобразований, как в Шотландии или Ирландии. Обращение к прошлому осуществлялось, скорее, по инерции, чем в рамках какой-либо сознательной идеологической или эстетической программы: «Насколько далеко барокко отстоит от привязанности гуманизма к образцам прошлого. Нет холодного расчета, классической ясности

форм, их очертания расплылись, стали размытыми, раздробились, переплелись» [11, с. 318].

М. Барг назвал барокко стилем «мышления и поведения людей “растерявшейся эпохи”, разуверившейся во всем унаследованном и вместе с тем еще не нашедшей почвы для нового символа веры» [11, с. 317]. Разочарование в идеалах Возрождения, настроения «трагического гуманизма» вносили в барочное мировоззрение черты драматического и даже трагичного переживания взаимосвязи человека и общества, человеческой свободы, судьбы и внешних законов природного и социального развития, прошлого и настоящего.

Иррационалистическая основа мировоззрения барокко, его мрачное восприятие настоящего в противовес ренессансному упоению актуальностью были реакцией не только на кризисные явления и общественные катаклизмы XVII в., но и на то, что Д. Лоуэнталь назвал «нарождающимся во Франции и Англии духом науки» [12, с. 211]. Развитие науки и порожденные им прогрессивистские настроения изменили во многом восприятие прошлого: эмпирические наблюдения продемонстрировали превосходство над умозрительным познанием античных философов, географические открытия – невежество древних путешественников и географов. Один из английских ученых, Н. Биггз, считавший прошлое тормозом прогресса, писал: «Излишне большое почтение к Древности – это ошибка, в исключительной степени губительная для развития науки...» [Цит. по: 12, с. 161]. Ф. Бэкон в «Новом Органоне» обвинял древних ученых в поспешности делаемых ими выводов, «ибо открытие новых вещей должно искать от света природы, а не от мглы древности» [13, с. 72]. Греки, по его словам, писали басни и небылицы, а не исторические труды.

И хотя тот же Ф. Бэкон осознавал важность накопленного предшественниками опыта и призывал не превозносить современность, равно как и не отказываться от достижений прошлого, тем не менее, борьба против традиции (в самом широком смысле этого слова) в XVII в. только набирала силу.

Одним из выразителей этой борьбы с «теньями» прошлого был Э. Кларендон, английский государственный деятель, автор первого труда об истории Английской революции 1640–1653 гг.: «Оборачиваясь назад и предписывая самим себе правила, почерпнутые из древности, мы затормаживаем и сокращаем наше влечение даже к тому,

чего легко было бы достичь... Нет...большого препятствия на пути разыскивания истины или совершенствования знания, нежели излишнее восхищение теми, кто прошел этим путем прежде, подобно тому, как овцы ступают след в след за идущими впереди» [14, с. 163]. Интересно, что эту мысль он адресовал английским университетам, которые ввели практику взимания пени со студентов, не цитирующих дословно в своих устных и письменных выступлениях Аристотеля.

В этой связи не удивительной является и позиция Р. Декарта, критиковавшего инструменты познания прошлого, которые способны сформировать лишь неопределенные картины истории, не проверяемые опытным путем: «Я полагал, что отдал уже достаточно времени языкам, а также и чтению книг древних с их историями и небылицами. Беседовать с писателями других веков – почти то же, что путешествовать... Но тот, кто слишком много времени тратит на путешествия, становится в конце концов чужим в своей стране, а слишком большая любознательность по отношению к событиям прошлых веков обыкновенно порождает весьма большую неосведомленность в делах своего века. Кроме того, вымыслы вселяют веру в возможность таких событий, которые совсем невозможны...» [Цит. по: 11, с. 318].

Р. Коллингвуд свел все аргументы Р. Декарта против истории к четырем основным: во-первых, историк живет вне своего времени, путешествуя по другим темпоральным мирам; во-вторых, исторические повествования не могут считаться достоверным источником знания о прошлой реальности в силу их неverifiedируемости; в-третьих, на основании предыдущего аргумента их можно назвать бесполезными; в-четвертых, история, будучи сферой игры писательского воображения, при любых обстоятельствах искажает, «приглаживает» прошлое [15, с. 59]. По мнению М. Барга, Р. Декарт критиковал историю не как таковое совокупное знание о прошлом, а ее состояние и используемые ею методы (схоластичные) на момент высказывания этой критики [11, с. 322].

Действительно, традиция историописания XVII в. не отвечала требованиям, которые стали предъявлять к науке, – рациональности, verifiedицированности и доказательности знания. Она была исключительно повествовательной, морализаторской, компилятивной, некритичной, дискретной, не вписывающейся в сложившийся гносеологический контекст «смены исторических эпох, когда старое на глазах рушилось, а новое пугало неизвестностью...начавшейся научной рево-

люции, перечеркнувшей старые представления о мироздании и унаследованные познавательные методы...» [11, с. 321].

Свой вклад в «дискредитацию» прошлого внесло и книгопечатание. Во-первых, оно предоставило возможность сравнивать труды древних авторов, различные варианты которых нередко содержали ошибки, допущенные при их рукописном копировании, не совпадали друг с другом, а потому бросали тень на «непогрешимость» самого автора. «Раскрытие несметного числа подделок и транскрипционных ошибок, – писал Д. Лоуэнталь, – углубило недоверие к свершениям прошлого, превозносимым рукописными текстами» [12, с. 159]. Во-вторых, современник, обладавший доступом к древним текстам и возможностью учитывать все имеющееся наследие, опыт ошибок и заблуждений, чувствовал на этом основании свое превосходство над своими предшественниками: «Мы в долгу перед древними за то, что они исчерпали практически все ложные теории, какие только могли быть» [16, с. 165].

Таким образом, можно говорить о более чем противоречивом и разрозненном образе прошлого начала Нового времени. С одной стороны, в протестантской идеологии и даже отчасти в католической, в трудах британских писателей и антиквариетов, в деятельности крупнейших европейских университетов прошлое обозначалось в качестве незыблемого авторитета, источника вечных истин, недостижимых свершений и основы национальной идентичности. С другой стороны, с точки зрения развивающейся системы рационального научного знания прошлое рассматривалось как препятствие на пути прогресса, как собрание непроверенных, а порой откровенно лживых данных, которые лишь в силу традиции воспринимаются истинными и непреложными.

Противоречие это не было преодолено полностью, но было несколько нивелировано достижением относительного консенсуса между настоящим и прошлым, в основе которого лежала идея превосходства: первого в сфере науки, а второго – в сфере искусства: «Такова природа науки, что современники должны одержать верх над древними, и такова природа искусств, что они должны им уступить» [12, с. 165]. К слову сказать, в художественной сфере выразителем такого баланса прошлого и настоящего стала вневременная линия, которая, с одной стороны, обращалась к проверенным временем высоким жанрам, востребованным и классицизмом, и барокко (религиозный, ми-

фологический, исторический, парадный портрет), а с другой стороны, осуществляла их «снижение», привнося в живопись интерес к новым веяниям эпохи (производство предметов быта, витражей, тканей) и к реальности как таковой, свободной от груза античного и ренессансного наследия.

Список литературы

1. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // *Вопр. философии*. – 1994. – № 4. – С. 94–107.
2. Нора П. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 333 с.
3. Шурек Ж.-Ш. Память и тоталитаризм: французские дебаты // *Неприкосновенный запас*. – 2002. – № 2 (22). – С. 14–27.
4. Ильин И. И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 714 с.
5. Дёмин Р.Н. Философ как «метафизик обыденного» (традиция философствования в античности и концепция «внесения метафизики» в «хронику жизни» испанского мыслителя д'Орса) // IX Вишняковские чт.: Вузовская наука – образованию и промышленности: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–18 июня 2006. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – С. 101–103.
6. Шоню П. Цивилизация просвещения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 688 с.
7. Савельева И.М., Полетаев А.В. Феномен прошлого. – М.: ГУВШЭ, 2005. – 866 с.
8. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2010. – С. 226–245.
9. Свифт Дж. Полная и правдивая повесть о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймской библиотеке. – Л.: Худож. лит., 1987. – 494 с.
10. Виппер Ю.Б. О западноевропейских литературах XVI – первой половины XIX века. – М.: Худож. лит., 1990. – 552 с.
11. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
12. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004. – 624 с.
13. Бэкон Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
14. Сильюнас В. Кларедон и Английская революция: от факта к факту. – СПб.: Вектор, 2000. – 488 с.
15. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 485 с.
16. Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. – М.: Мысль, 1979. – 305 с.

Reference

1. *Lyubbe G. V nogu so vremenem. O sokrashchenii nashego prebyvaniya v nastoyashchem* [Keeping pace with the times. On shortening our stay in the present]. – Questions of Philosophy. – 1994. – No 4. – Pp. 94–107.
2. *Nora P. Franciya-pamyat'* [France-memory]. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999.

3. *SHurek ZH.-SH. Pamyat' i totalitarizm: francuzskie debaty* [Memory and Totalitarianism: The French Debate] – Emergency Reserve. 2002. – Vol. 2 (22). – Pp. 14–27.
4. *Il'in I.I. Postmodernizm ot istokov do konca stoletiya: evolyuciya nauchnogo mifa* [Postmodernism from the Origins to the End of the Century: Evolution of Scientific Myth]. – Moscow: Intrada, 1998.
5. Dyomin R.N. Filosof kak «metafizik obydenogo» (tradiciya filosofstvovaniya v antichnosti i koncepciya «vneseniya metafiziki» v «hroniku zhizni» ispanskogo myslyatelya d'Orsa) [Philosopher as a “metaphysician of the ordinary” (the tradition of philosophizing in antiquity and the concept of “introducing metaphysics” into the “chronicle of life” of the Spanish thinker D'Ors)]. *IX Vishnyakovskie chteniya. Vuzovskaya nauka – obrazovaniyu i promyshlennosti* [X Vishnyakov readings. University science – education and industry]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg, June 14–18, 2006. – St. Petersburg: LGU, 2006. Pp. 101–103.
6. *SHonyu P. Civilizaciya prosveshcheniya* [Shonyu P. Civilization of education]. – Yekaterinburg: U-Factoria, 2008.
7. *Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. – Moscow: GUVSHE, 2005.
8. *Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Proshloe krupnym planom: temporal'nye izmeneniya v antikvarnom diskurse* [Temporal dimensions in antique discourse]. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad* [Time images and historical representations: Russia – East – West]. – Moscow: Krug, 2010. – Pp. 226–245.
9. *Sviift Dzh. Polnaya i pravdivaya povest' o razrazivshejsya v proshluyu pyatnicu bitve drevnih i novyh knig v Sent-Dzhejmskoj biblioteke* [The Complete and True Tale of Last Friday's Battle of Ancient and New Books in St. James's Library]. – Leningrad: Hudozhestvennaya literature, 1987.
10. *Vipper YU.B. O zapadnoevropejskih literaturah XVI – pervoj poloviny XIX veka* [About Western European Literatures of the 16th – first half of the 19th century]. – Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1990.
11. *Barg M.A. Epohi i idei: Stanovlenie istorizma* [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]. – Moscow: Mysl', 1987.
12. *Louental' D. Proshloe – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. – St. Petersburg: Vladimir Dal', Russkij Ostrov, 2000.
13. *Bekon F. Sochineniya* [Works]. – Moscow: Mysl', 1972.
14. *Silyunas V. Klaredon i Anglijskaya revolyuciya: ot fakta k faktu* [Claredon and the English Revolution: from fact to fact]. – St. Petersburg: Vektor, 2000.
15. *Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. – Moscow: Nauka, 1980.
16. *Fontenel' B. Rassuzhdeniya o religii, prirode i razume* [Discourses on Religion, Nature and Reason]. – Moscow: Mysl', 1979.

И.В. Сидорчук

**Политика памяти и конструирование повседневности:
большевистский опыт 1920-х гг.***

Целью статьи является рассмотрение трансформации повседневности в послереволюционный период в контексте перестройки массовых представлений о прошлом. В задачи автора входило выявление основных путей обращения к истории повседневности в рамках выстраивания властью политики исторической памяти и описание особенностей их реализации. Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати, публицистических изданий, касающиеся вопросов перестройки быта, а также различных фондов ЦГА СПб и ЦГАИПД СПб.

В послереволюционных условиях повседневная жизнь человека оказывалась оцениваемой в том числе и в контексте ее соотнесения с прошлым. Символический отказ от него стал составной частью строительства нового мира, что требовало дискредитации дореволюционной эпохи, ее высмеивания и очернения. Автор приходит к выводу, что успехи советской политики памяти во многом были связаны именно с принципиально иным отношением к истории – как к составляющей социальных преобразований, важной части, охватившей буквально все сферы общества культурной революции. Человек был не свободен от истории и волеизъявлением ежедневно демонстрировал свое отношение к ней через привычки, общение с другими людьми, одежду, различные досуговые практики.

Ключевые слова: история повседневности, политика памяти, история досуга, городская история, историческая символика.

Il'ya V. Sidorchuk

**The politics of memory and the construction of everyday life:
the Bolshevik experience of the 1920s**

The purpose of the article is to consider the transformation of everyday life in the post-revolutionary period in the context of the restructuring of mass ideas about the past. The author's task was to identify the main ways to address the history of everyday life in the framework of building the Bolsheviks policy of historical memory and describe the features of their implementation. Source database of the research is presented by the materials of the periodical press, journalistic publications devoted to the restructur-

© Сидорчук И.В., 2020

© Sidorchuk Il'ya V., 2020

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32017. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32017.

ing of everyday life, and various funds of Central state archive of Saint Petersburg and Central state archive of historical and political documents of Saint-Petersburg.

In post-revolutionary situation, the daily life of a person was evaluated including the context of its correlation with the past. Opposition to the past and its symbolic rejection have become integral parts of a “new world” building. This required discrediting the pre-revolutionary era, ridiculing it, denigrating it, and forming a picture of the “gloomy past”. The author comes to the conclusion that the success of the Soviet policy of memory was largely due to a fundamentally different attitude to history – as a component of social transformations, an important part of the Soviet cultural revolution that covered literally all spheres of society. Man was not free from history, and willing or not daily demonstrated his attitude to it through habits, communication with other people, clothing, and various leisure practices.

Key words: history of everyday life, politics of memory, history of leisure, urban history, historical symbols.

В настоящее время отмечается пристальное внимание государства к политике в области управления наследием, исторической памяти, оценке ключевых событий политической истории. Происходит их широкое освещение и вырабатываются национальные стратегии мемориализации. Традиционно востребованным остается обращение к истории вне рамок сугубо научных дискуссий при формировании международной повестки. Сложность работы с исторической памятью и историческим сознанием в значительной степени объясняется множественностью источников их комплектования. Это далеко не только «экспертные тексты» (учебная и научная литература, документальные фильмы, специализированные интернет-ресурсы и пр.), но и подчас случайные символы, которые человек выхватывает из повседневного пространства. Грамотное интегрирование в это поле желательных образов прошлого способствует искусственному созданию «мест памяти» и легитимации предлагаемой концепции истории. Все это делает актуальным обращение к историческому опыту использования исторической символики в повседневном пространстве, включающем в себя исследование государственного заказа, анализ механизмов ее конструирования и оценку общественной реакции на подобные действия власти.

Одна из особенностей политики памяти в СССР 1920–1930-х гг. – встраивание в нее не только «революционно-героической версии прошлого» [1, с. 268], но «бессобытийной истории», повседневных символов: одежды, поведенческих паттернов, привычек потребления, досуговых практик, корпоративных трудовых традиций, фольклора и

т. д. Данный опыт обращения к истории повседневности в рамках выстраивания государством политики исторической памяти, согласно выдвигаемой в настоящей работе гипотезе, качественно изменил ее, сузив возможность игнорирования обществом новой идеологии и способствуя изъятию позитивной памяти о прошлом. Целью статьи является рассмотрение трансформации повседневности в послереволюционный период в контексте перестройки массовых представлений о прошлом. В задачи автора входит выявление основных путей обращения к истории повседневности в рамках выстраивания властью политики исторической памяти, описание особенностей их реализации и возникавших при этом трудностей.

Тема исторической символики в пространстве ранней советской повседневности традиционно попадает в сферу внимания исследователей, занимающихся изучением вопросов, связанных с большевистской культурной революцией и социальной историей, а также особенностей интеграции новых норм и ценностей в советское общество. Во всех из них отмечается важность для властных идеологов и адептов нового строя выстраивания в массовом сознании дихотомии тогда/сейчас. На это, в частности, обращают внимание авторы работ, касающихся различных коммеморативных практик и организации массовых советских праздников, среди которых стоит выделить труды М. Рольфа [2; 3]. А. Коэн в своей работе исследовал отличия в политике памяти о Первой мировой войне в Советской России и среди белой эмиграции. Он обратил внимание на попытки большевистской власти разрушить коллективную память о ней, в том числе и путем отказа от создания мест памяти [4]. С.Б. Ульянова пришла к выводу, что противопоставление прошлого настоящему было составной частью хозяйственно-политических кампаний, и события прошлого актуализировались для решения насущных задач, «превращались в составную часть модели сегодняшнего дня» [5, с. 89–90; 7]. Специалисты подчеркивают, что схожие установки на очернение использовались и при освещении новых норм культуры, должны радикально отличаться от традиций и практик прошлого: принципов воспитания и образования [7], условий нового быта [8], гендерной политики [9, р. 656; 10, р. 483; 11]. К. Шоу на основе исследования деятельности Парка культуры и отдыха им. М. Горького отметила важность для его создателей противопоставить новый тип парков как идеального досугового простран-

ства советского человека дореволюционным, являвшимся местами бесцельных народных гуляний, праздности, пьянства, хулиганства и разврата [12, р. 332]. Упоминания роли исторической памяти встречаются в исследованиях, касающихся агитационно-пропагандистской политики власти в отношении различных категорий населения: детей, студенчества, рабочих и пр. [13].

Интерес также представляют работы, связанные с изучением исторической памяти на постсоветском пространстве, так как их выводы могут быть использованы и при анализе вопроса, рассматриваемого в настоящей статье. В частности, речь идет о феномене ностальгии по СССР, получившем распространение уже в 1990-е гг. и характерном не только для России, но и для республик, где власти выступают за последовательное дистанцирование от советского прошлого [14; 15]. Исследователи приходят к выводу, что эта ностальгия связана с неудовлетворенностью жизнью [16], а ее символами являются вовсе не политический строй или исторические персонажи, а во многом именно элементы повседневной жизни: продукты, вещи, торговые марки, фильмы. Н. Клумбите, изучившая популярность продуктов с брендом «советский» в Литве, метко названную ей «советским колбасным ренессансом», показывает, что рынок – это политическая арена, на которой формируются ценности, идеологии, идентичности и история [17]. Е.Ю. Зубкова, комментируя данные «Левада-центра» об отношении граждан к советскому прошлому, подчеркнула, что в современной России наблюдается «снижение доли политических (утрата принадлежности к великой державе) и экономических (разрушение единой экономической системы) мотиваций и увеличение удельного веса аргументов, связанных с условиями жизни и отношениями людей внутри социума» [18, с. 3–4]. В. Калкина обратила внимание на практики создания электронных визуальных архивов, репрезентирующих советское прошлое и являющихся символом ностальгии по нему и путем его мифологизации [19, р. 104]. При этом у части исследователей подобная избирательность, как и амнезия, обеляющая советское прошлое и позволяющая забыть о тоталитаризме, репрессиях, дефиците и других неприглядных сторонах советской истории, вызывают настороженность [20]. Таким образом, исследования об особенностях памяти о СССР в постсоветских обществах демонстрируют невозможность победы государства над общественной ностальгией по прошлому без

девальвации притягательных образов его повседневности. Еще более важным решением этого вопроса было для большевиков. Их стремление изжить позитивную память о дореволюционной России наталкивалось на недовольство населения советскими реалиями и, прежде всего, низким уровнем жизни. И если в постсоветских условиях связанная с недовольством настоящим ностальгия приводит к перемещению «золотого века» из непонятного будущего в стабильное прошлое [21, с. 91–92], то в первые советские десятилетия она могла вести от борьбы за коммунистическую утопию к дореволюционному царизму и капитализму, что категорически не устраивало власть.

Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные материалы. В первую очередь, внимание было обращено на советскую периодическую печать – наиболее массовые издания Петрограда/Ленинграда 1920-х гг., в которых могли рассматриваться вопросы культурной революции («Ленинградская правда», «Красная газета»), издания, освещавшие различные проблемы трансформации повседневности («Трезвость и культура», «За новый быт», «Красный спорт»), а также заводские многотиражные газеты («Электросила», «Балтиец», «Красный треугольник»). Кроме этого, использовались отдельные публицистические издания, освещавшие вопросы перестройки быта. Неопубликованные источники представлены материалами фондов Ленинградского областного совета профессиональных союзов и Ленинградского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, а также фонда Партийного комитета Ленинградского государственного университета, расположенного в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга.

При написании работы использовались визуальные методы анализа истории и антропологии и истории повседневности, а также устоявшаяся терминология и исследовательский инструментарий, выработанные в области *memory studies*, для которых характерна исследовательская междисциплинарность. Активно применялись методы «новой культурной истории», исторической антропологии и кросс-культурных исследований. Привлекались междисциплинарные практики, позволяющие существенно улучшить работу с источниками и раскрыть феномен культуры повседневности и досуга. Применительно к

исследованию реакции общества на навязывание властью тех или иных исторических символов актуальным было обращение к методике изучения повседневности, разработанной А. Людке.

Отказ от символов, норм и ценностей, нравов и привычек прошлого по замыслу советских пропагандистов должен был стать неотъемлемым рефреном культурной революции. Не представлялось возможным строить будущее со старой психологией, ведь «революция призвана не только по-новому устроить мир, но и создать новых людей, очистить человека от всего того, что пристало к нему, в него проникло от долгих столетий подневольного существования» [22, с. 58]. Предполагалось, что с годами вопрос будет становиться все более актуальным, ведь «чем дальше, тем больше социалистическому строительству д о з а р е з у нужен будет этот новый человек» [22, с. 60]. «Старый мир в боях разбит, / Но в быту он ноет. / Новый быт на старый быт / Выходи войною!» [23] – подобными агитчастушками печать подбадривала население, однако борьба с прошлым на этом фронте предполагалась еще более продолжительной, чем на полях Гражданской. Можно было сколько угодно призывать разрушить старый мир с наскока, чапаевской конной атакой, однако в реальности это было сделать невозможно. Требовалась последовательная, многолетняя и продуманная кампания: «Новое борется со старым. Старый быт не отдает без боя ни одной позиции. Новое наступает и отступает. Завоевывается шаг за шагом завод, фабрика, район, семья» [24, с. 10].

Повседневная жизнь человека впервые оказывалась оцениваемой в том числе и в контексте ее соотнесения с прошлым. Говоря о визуальных символах нового городского пространства, обычно упоминают монументальную пропаганду, повсеместные лозунги, политизированные массовые мероприятия и пр. При этом не менее важным был, например, внешний вид самих горожан, способных стать как свидетелями победы нового, так и ее активными участниками. Одежда отныне могла подчеркивать не только социальный статус человека, его вкус и индивидуальность, но и давать понять о его выборе в пользу настоящего или прошлого. В вузах оппозиционно настроенное студенчество демонстративно использовало при обращении друг к другу слово «коллега» и носило дореволюционную форму [25]. После чистки 1924 г. стало заметно преобладание красного студенчества, и это можно было установить хотя бы по их внешнему облику. Схожая ситу-

ация наблюдалась и на предприятиях, где инженеры носили форменные фуражки, подчеркивая свой высокий по сравнению с рабочими статус. Активная борьба с подобной традицией развернулась в период первой пятилетки. Так, газета ленинградского завода «Электросила» в 1929 г. сообщала: «Форма в ВУЗе отменена, исчезли “студенческие” куртки с погонями и прочими атрибутами, исчезла отличительная форма горняка от путейца, политехника и т.д. Но все живет и продолжает здравствовать фуражка, – фуражка инженера и техника, которая создает своим отличием от другого головного убора грань между рабочими и инж.-техн. персоналом» [26]. Там же приводилось письмо неравнодушного сотрудника завода: «По-моему следует помимо отмены этих форменных фуражек, составляющих пережиток царской эпохи, стремившейся отделять касты привилегированных от прочих смертных, узаконить гражданское слово “товарищ”, тщательно избегаемое этой же группой. Для них – назвать инженера “товарищ” и обратиться к нему с этим революционным званием – не “этично”. Этот умирающий пережиток бывшей дворянской этики надо изжить и на всякого трудящегося смотреть, как на товарища» [27]. Подчеркивалось, что унаследованное с дореволюционных времен «вы и мы» во многом и создается из таких мелочей, как ношение шляпы [28].

Не меньшей символикой обладала и женская одежда. Независимая советская женщина завязывала концы косынки на затылке, а не под подбородком, как делали смиренные жертвы патриархата прошлого. Разумеется, приветствовался красный цвет, по крайней мере в новые праздничные дни. Так, на заседании делегатов от работниц и служащих Ленинградского университета было принято решение явиться в красных платках на первомайскую демонстрацию 1924 г. [29]. Лингвист И.М. Дьяконов, вспоминая свое обучение в том же университете в начале 1930-х гг., писал: «...шляпки носили только некоторые “барышни” с языковедческого, которых мы все за то и презирали, – настоящие девушки ходили в беретах или платках» [30, с. 283]. Доставалось и простым работницам, которых за шляпки и прочие наряды, косметику и украшения обвиняли в несознательности и мелкобуржуазности.

Одновременно проводилась большая работа, направленная на освобождение женщины, ее эмансипацию и просвещение. Воспоминания о прошлом включали в себя не только описания многочасового

рабочего дня, отсутствия детских садов и низкой, в сравнении с мужчинами, оплаты труда, но и повседневного презрения со стороны мужчин и начальства. Отныне случаи насмешек в адрес работниц, приставаний, бросания «реплик», свиста, советов выйти замуж, а не заниматься мужским трудом в цеху, резко осуждались [31]. Одинаково неприемлемыми новой моралью признавались как обращение «барышня», так и «баба» («И кличка “бабы” позабыта, / Товарищ нам она теперь») [32]. Принятые раньше отношения между полами требовали переосмысления. В буржуазном обществе женщина признавалась «самкой», а у рабочего и крестьянина – «рабочей скотиной и родильной машиной». Новая общественность же «стирает старые перегородки и в том числе половую между мужчиной и женщиной», идет против идеологии, «прививаемой им уходящими из жизни бабушками, дедушками» [33].

Унизительным для женщины признавался и обычай целовать руку, который «в буржуазно-мещанском обществе» «считается хорошим тоном»: «Совслужащим надо проникнуться чувством серьезного отношения к женщине и не унижать ее, целуя руку. Надо относиться к ней как к равному, как к товарищу. Целование ручки – устаревший обычай, и его надо бросить. Сознательной женщине он никакого удовольствия дать не может, а что он вреден в гигиеническом отношении, в этом нет сомнения» [34].

Упоминание гигиены является весьма показательным. Борьба за нее была едва ли не важнейшей составляющей процесса аккультурации населения, начатого большевистской властью. О необходимости соблюдения правил личной гигиены, правильного питания, мытья тела и проветривания жилых помещений сообщалось в печати, с трибун на собраниях, с пропагандистских плакатов. Больное и нездоровое тело становилось еще одним символом дореволюционной повседневности и актуальной для постреволюционных условий проблемой: «Предшествовавшие условия жизни и труда пролетариата, порожденные капиталистической эксплуатацией, настолько глубоко расшатали здоровье рабочего класса и трудового крестьянства, что перед Республикой самой неотложной задачей встает вопрос об исправлении этих серьезных повреждений» [35]. Возрождению здоровья советского человека должны были способствовать спорт и физкультура. При этом этот процесс нельзя было предоставлять «произволу близоруких, а иной

раз вредящих (прививающих советской физкультуре традиции буржуазного спорта) специалистов-дельцов от физкультуры» [36]. Показательными были «дискуссии о чемпионстве», на которых осуждали унаследованный от «буржуазных чемпионов» индивидуализм и борьбу за рекорды, что шло в ущерб коллективизму и духу товарищества [37].

Традиции прошлого пагубно сказывались на здоровье не только взрослых, но и детей, которым не уделялось должного внимания. Правильный уход за ними предполагался в яслях, к которым некоторые матери относились настороженно. Журнал «За новый быт» представил возможный разговор у станка двух матерей с Трехгорной мануфактуры, противницы и сторонницы яслей:

«– Нет, Маша, росла я у своих и сядешь бывало за стол, начнут выпивать, а отец и мне нальет, пей мол, крепче будешь... И верно, ведь не померла...

– Эх, Дарья, Дарья... не складно говоришь ты: детей-то раньше рожали, кормили чем попало, а у детей животы вздувало, да ножки кривые, небось у всех аглицкая болезнь была¹... А в яслях и уход, и кормежка как следует...» [38].

В данном случае критика прошлого включала в себя не только пренебрежение к здоровью ребенка, но и упоминание самого распространенного порока – пьянства. Спаивание народа было традиционным обвинением в адрес царизма, а алкоголь признавался одним из пережитков: «В течение столетий господствующие слои русского общества спаивали широкие народные массы. Водка для укрепления трех китов, на которых держался строй азиатской деспотии Романовых: самодержавие, православие и народность – водка была необходима, как вода для рыбы. Пьяный царь, пьяные царские опричники, под гнусавое пение пьяных же попов цепями и батогами держали в “страхе божьем” полупьяные миллионы» [39]. Жизнь дореволюционного труженика была буквально пропитана горькой: «Рождается человек – пьют, женится – пьют, пришла получка – пьют, день отдыха – пьют и умирает – пьют. От колыбели до могилы учили пить миллионы людей» [24, с. 10]. Начало продажи водки и возрождение пьянства в условиях нэпа трактовалось как возврат к прошлому, символом чего становилось возобновление работы старых значных заведений: «Шинки и

¹ Рахит.

притоны снова выросли в последнее время на своих старых довоенных местах» [40].

Пьянство было неотъемлемым спутником праздников, в частности церковных, чем советская пропаганда активно пользовалась: «Сначала долгие недели поста, воздержания, а потом несколько дней буйного обжорства, пьяного разгула. Так в старину праздновали “св. пасху”» [41]. Подобная связь пьянства с религией позволяла объявить их одинаково неприемлемыми дикими традициями прошлого, которые должны отмереть: «Но до сих пор еще живут старые привычки в быту, до сих пор держится праздничная пьянка, нанося великий ущерб хозяйству пролетарской страны. <...> Мы должны бороться с этим пьяным наследием дикарского прошлого. Мы не можем мириться с существованием пьянства, освещаемого религией во имя интересов нэпманов и кулаков, в целях торможения социалистической стройки» [42]. Церкви припоминали и поддержку белых в Гражданской войне: «Мы помним, как попы и сектанты организовали “христовы батальоны” у Колчака и слали меткие пули в своих “любимых ближних” – в восставших рабочих и крестьян» [43].

С прошлым связывались и всевозможные другие распространенные девиации. Хулиганство и матерщина – «худшее наследие капиталистического строя» [44]. Курение, отравляющее «юношество с 10–12-летнего возраста» – пережиток «старого быта» [24, с. 7]. «Неряшливость и распущенность», «сквернословие» – «гримасы культурной отсталости некоторой части наших рабочих» [45]. В старом мире должна была остаться и проституция с сопровождаемыми ее наркоманией и венерическими болезнями: «От водки к “марафету”, / От триппера к “дурной”. / Надежды больше нету, / Конец! Конец? Поймай / Ужели все, как прежде? / Ужель в эс-эс-эс-эр / Нет для нее надежды? / Ведь есть же диспансер!» [46]. Примечательно, что при разработке агитационных и культурных мер по борьбе с проституцией указывалось, что занимающиеся ею органы «должны бороться против старой двойственной морали» [47, л. 1].

Если постараться найти одно ключевое слово, которым большевистская власть описывала повседневность прошлого, то им могло бы стать «грязь». В частности, именно к нему обратился В.И. Ленин, объясняя делегатам Всероссийского съезда профессиональных союзов 20 января 1919 г. особенности строительства нового общества: «Ра-

бочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно» [48, с. 449]. «Грязью» объявлялись «индивидуализм, мещанство, обывательщина, чиновничество, бюрократизм, бытовая распущенность, несознательное отношение к труду, отсутствие трудовой культуры» [22, с. 62], постепенно же появляющиеся ростки нового сознания – золотом: «Новое рассыпано золотыми зернами в людских песках городов и деревень. <...> Через людской поток, пропускаемый в кино и театрах республики, проходит культурный электрический ток. Часто аудитория раскалывается на несколько непримиримых лагерей. Старое кажется более мерзким и отвратительным, чем когда бы то ни было» [24, с. 16]. При этом символическая «грязь» должна была существовать вместе с самой настоящей. Как показал В. Маяковский в пьесе «Клоп», в «затхлых матрацах времени» «обывателиус вульгарис» должен остаться вместе с «клопус нормалис», а условием построения прекрасного будущего является ликвидация не только мещанства, но и насекомых-паразитов. Не зря новые дома для рабочих воспевались такими стихами: «Прощайте грязь и тучи пыли. / Адью блоха, прусак и клоп / Вам приготовил крепкий гроб / Товарищ наш жилстройкооп!» [49].

Противопоставление прошлому, символический отказ от него стали составными частями строительства нового мира, что требовало дискредитации дореволюционной эпохи, ее высмеивания и очернения. Сделать это лишь путем включения в список очевидных исторических символов вроде фигуры Николая II и его предков, известных думских депутатов, каких-либо абстрактных «черносотенцев» и двухглавого орла с коронами было недостаточно. Царизм и капитализм должны были ассоциативно связываться с грязью, зловонием, преступлениями, болезнями, насилием и безнравственностью, формировавшими, по утверждению пропаганды, ежедневный мир жителя старой России. Если описания революционной борьбы, гротескные образы монархов и угнетателей использовались для мобилизации праведного гнева, ненависти к ним и возмущения царившей несправедливо-

стью, то повседневность – для вызова презрения, отвращения, брезгливости и омерзения.

Советская политика памяти, основные механизмы формирования которой были сформированы в 1920–1930-х гг., как и советская пропаганда в целом, смогла добиться значительных успехов. Косвенно об этом свидетельствует и сохраняющаяся до сих пор ностальгия по советскому прошлому, избирательность памяти о нем, зачастую предпочитающая сохранять его позитивный образ. Осмелимся предположить, что эти успехи во многом были связаны именно с принципиально иным отношением к истории как составляющей социальных преобразований, важной части культурной революции, охватившей буквально все сферы общества. Человек был не свободен от истории и волей-неволей ежедневно демонстрировал свое отношение к ней: через ношение дореволюционной форменной фуражки или «буржуазных» нарядов, занятие физкультурой, использование обращения «товарищ» к лицу противоположного пола и т. д. В рамках советской пропаганды повседневность не существовала без памяти о прошлом, а память о прошлом – без повседневности.

Список литературы

1. Кознова И.Е. Прошлое в пространстве советской культуры и политики // Ярославский пед. вестн. – 2016. – № 4. – С. 266–271.
2. Rolf M., Klohr C. Soviet mass festivals, 1917–1991. – University of Pittsburgh Press, 2003. – 336 p.
3. Rolf M. The Soviet mass festival under Stalinism (1932–1941) [Das Sowjetische massenfest im Stalinismus (1932–1941)] // Geschichte und Gesellschaft. – 2006. – Vol. 32. – No. 1. – P. 69–92.
4. Aaron J. Cohen Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union // Slavic Review. – 2003. – Vol. 62. – No. 1. – P. 69–86.
5. Ульянова С.Б. «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921–1928 гг. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2006. – 529 с.
6. Ульянова С.Б. Первое десятилетие Октября в системе советской пропаганды // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2. История. – 2007. – Вып. 2. – С. 157–162.
7. Сидорчук И.В. Институт народов Севера в контексте проблемы институционализации новых научных учреждений в 1920-х гг. // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 10 (33). – С. 39–47.
8. Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // Social History. – 1992. – Vol. 17. – No. 2. – P. 189–201.
9. Gorsuch A.E. “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // Slavic Review. – 1996. – Vol. 55. – No. 3. – P. 636–660.
10. Kravets O., Sandikçi Ö. Marketing for Socialism: Soviet Cosmetics in the 1930s // The Business History Review. – 2013. – Vol. 87. – No. 3. – P. 461–487.

11. Сидорчук И.В. От «декольтированных фей» до «друга и товарища»: к истории женского политехнического образования в России // История политехнического образования в России: тр. Всерос. науч.-образовательной конф. с междунар. участием, С.-Петербург, 28 февр. 2019 г. – СПб.: Политех-пресс, 2019. – С. 91–98.
12. Shaw C. “A fairground for ‘building the new man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. – 2011. – Vol. 38. – No. 2. – P. 324–344.
13. Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 // *Journal of Social History*. – 1996. – Vol. – 30. – No. 1. – P. 97–128.
14. Melchior I. On the Margins of History: Good Old Soviet Times // Melchior I. *Guardians of Living History. An Ethnography of Post-Soviet Memory Making in Estonia*. – Amsterdam University Press, 2020. – P. 129–162.
15. Cusco A. The “Politics of Memory” and “Historical Policy” in Post-Soviet Moldova // Miller A. and Lipman M. (Eds.) *Convolutions of Historical Politics*. – Central European University Press, 2012. – P. 155–198.
16. Klumbyté N. Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania // *Journal of Baltic Studies*. – 2010. – Vol. 41. – No. 3. Special Issue: Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States – Rethinking the Relationship. – P. 295–313.
17. Klumbyté N. The Soviet Sausage Renaissance // *American Anthropologist*. – 2010. – Vol. 112. – No. 1. – P. 22–37.
18. Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // *Рос. история*. – 2019. – № 5. – С. 3–14.
19. Kalkina V. Soviet memory on the Internet: online visual archives of the Soviet past // *New Zealand Slavonic Journal*. – 2013–2014. – Vol. 47/48. – P. 103–124.
20. Khapaeva D. Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // *Social Research*. – 2009. – Vol. 76. – No. 1. – P. 359–394.
21. Шлегель Е.В. Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z // *Вестн. Гуманитар. ун-та*. – 2019. – № 3(26). – С. 87–93.
22. Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. – 2-е изд. – М.; Л.: Мол. гвардия, 1928. – 140 с.
23. С.Т. Про здрав'ячейку. Частушки // *За новый быт*. – 1925. – № 1. – С. 5.
24. Рафаил М. За нового человека. – Л.: Прибой, 1928. – 64 с.
25. Андреев Д.А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // *Новое лит. обозр.* – 2008. – № 2(90). – С. 45–61. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizaczii-vysshej-shkoly.html>
26. Электросила. – 1929. – № 10(88). – 29 апр. – С. 4.
27. Н. Молчаливый. Покончить с пережитками дворянства // *Электросила*. – 1929. – № 10(88). – 29 апр. – С. 4.
28. Е. В шляпе ли дело? // *Электросила*. – 1929. – № 10(88). – 29 апр. – С. 4.
29. Протокол № 2 Заседания делегатов от работниц и служащих ЛГУ от 24 апреля 1924 г. // ЦГА ист.-полит. документов Санкт-Петербурга. Ф. 984. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.
30. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. – СПб.: Европейский Дом, 1995. – 770 с.
31. Одна из двух. Сильна старая привычка // *Красный треугольник*. – 1929. – № 10(49). – 4 марта. – С. 3.
32. Листок рабкора «Ленинградской правды». – 1924. – № 25. – 31 мая. – С. 4.
33. Кондурушкин И. Половая проблема // *Красная газета (вечерн. вып.)*. – 1925. – № 26(714). – 31 янв. – С. 4.

34. Железнодорожник. Не унижайте женщину! // Листок рабкора «Ленинградской правды». – 1925. – № 5(58). – 1 февр. – С. 4.
35. Берзин. Да здравствует физкультура! // Красный спорт. – 1924. – 20 авг. (экстр. вып.). – С. 1.
36. Тезисы по докладу «Состояние и основные задачи работы профсоюзов по физической культуре» // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. Р-6276. Оп. 51. Д. 79. Стенографический отчет I областной межсоюзной физкультурной конференции 15, 16 и 17 марта 1930 г. Л. 2.
37. Диспут «Нужны ли нам чемпионы в физкультуре?» 23 апреля 1928 г. В доме Профпросвещения // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 51. Д. 17. Л. 13–20 об.
38. Завкор Ершов. На Трехгорной мануфактуре. (Разговоры у станка) // За новый быт. – 1925. – № 2. – С. 11.
39. Гров. В поход на алкоголь // Красный треугольник. – 1929. – № 122. – 31 декабря. – С. 4.
40. На борьбу с пьянством // Ленингр. правда. – 1926. – № 25. – 31 янв. – С. 4.
41. Наш праздник 1-ое мая // Электросила. – 1928. – № 6. – 13 апр. – С. 2.
42. Инцертов Н. Духовная и физическая сивуха // Трезвость и культура. – 1928. – № 6. – С. 2.
43. М.Д. Рождественские колокола заглушим гулом машин // Электросила. – 1929. – № 54 (132). – 24 дек. – С. 1.
44. Листок рабкора. – 1924. – № 24. – 24 мая. – С. 1.
45. На суд общественности // Балтиец. – 1929. – № 12(122). – 5 апр. – С. 2.
46. Самет С.М. К новому быту // За новый быт. – 1928. – № 6. – С. 13.
47. Протокол междуведомственного совещания по борьбе с проституцией от 18 августа 1922 г. // ЦГА СПб. – Ф. 1000. Оп. 6. Д. 126. Л. 1–2.
48. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // ПСС. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – С. 435–453.
49. За новый быт. – 1929. – № 5–6. – С. 10.

References

1. Koznova I.E. *Proshloe v prostranstve sovetskoj kul'tury i politiki* [The Past in the space of Soviet culture and politics] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin]. – 2016. – No. 4. – P. 266–271.
2. Rolf M., Klohr C. *Soviet mass festivals, 1917–1991*. – University of Pittsburgh Press, 2003. – 336 p.
3. Rolf M. *The Soviet mass festival under Stalinism (1932–1941)* [Das Sowjetische massenfest im Stalinismus (1932–1941)] // *Geschichte und Gesellschaft*. – 2006. – Vol. 32. – No. 1. – P. 69–92.
4. Aaron J. Cohen *Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union* // *Slavic Review*. – 2003. – Vol. 62. – No. 1. – P. 69–86.
5. Ul'janova S.B. *«To na skaku, to na boku»: Massovye hozjajstvenno-politicheskie kampanii v petrogradskoj/leningradskoj promyshlennosti v 1921–1928 gg.* [“Now on the gallop, now on the side”: Mass economic and political campaigns in the Petrograd / Leningrad industry in 1921–1928]. – St. Petersburg: Izd-vo politehn. un-ta, 2006. – 529 p.
6. Ul'janova S.B. *Pervoe desjatiletie Oktjabrja v sisteme sovetskoj propagandy* [The First decade of October in the system of Soviet propaganda] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorija* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Ser. 2. History]. – 2007. – No. 2. – P. 157–162.

7. Sidorchuk I.V. *Institut narodov Severa v kontekste problemy institucionalizacii novyh nauchnyh uchrezhdenij v 1920-h gg.* [Institute of the peoples of the North in the context of the problem of institutionalization of new scientific institutions in the 1920s.] // *Rossija v global'nom mire* [Russia in the global world]. – 2017. – No. 10 (33). – P. 39–47.

8. Gorsuch A.E. Soviet youth and the politics of popular culture during NEP // *Social History*. – 1992. – Vol. 17. – No. 2. – P. 189–201.

9. Gorsuch A.E. “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921-1928 // *Slavic Review*. – 1996. – Vol. 55. – No. 3. – P. 636–660.

10. Kravets O., Sandikçi Ö. Marketing for Socialism: Soviet Cosmetics in the 1930s // *The Business History Review*. – 2013. – Vol. 87. – No. 3. – P. 461–487.

11. Sidorchuk I.V. *Ot «dekol'tirovannyh fej» do «druga i tovarishha»: k istorii zhenskogo politehnicheskogo obrazovanija v Rossii* [From “fairies in decolletage” to “friend and comrade”: the history of women's Polytechnic education in Russia] // *Istorija politehnicheskogo obrazovanija v Rossii: trudy Vserossijskoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, S.-Peterburg, 28 fevralja 2019 g.* [History of Polytechnic education in Russia: proceedings of the all-Russian scientific and educational conference with international participation, St. Petersburg, February 28] – St. Petersburg: Politeh-press, 2019. – P. 91–98.

12. Shaw C. “A fairground for ‘building the new man’”: Gorky Park as a site of Soviet acculturation // *Urban History*. – 2011. – Vol. 38. – No. 2. – P. 324–344.

13. Konecny P. Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924–38 // *Journal of Social History*. – 1996. – Vol. – 30. – No. 1. – P. 97–128.

14. Melchior I. *On the Margins of History: Good Old Soviet Times* // Melchior I. *Guardians of Living History. An Ethnography of Post-Soviet Memory Making in Estonia*. – Amsterdam University Press, 2020. – P. 129–162.

15. Cusco A. The “Politics of Memory” and “Historical Policy” in Post-Soviet Moldova // Miller A. and Lipman M. (Eds.) *Convolutions of Historical Politics*. – Central European University Press, 2012. – P. 155–198.

16. Klumbyté N. Memory, Identity, and Citizenship in Lithuania // *Journal of Baltic Studies*. – 2010. – Vol. 41. – No. 3. Special Issue: Memory and Democratic Pluralism in the Baltic States – Rethinking the Relationship. – P. 295–313.

17. Klumbyté N. The Soviet Sausage Renaissance // *American Anthropologist*. – 2010. – Vol. 112. – No. 1. – P. 22–37.

18. Zubkova E.Ju. *Sovetskaja zhizn' kak predmet istoricheskoj rekonstrukcii* [Soviet life as a subject of historical reconstruction] // *Rossijskaja istorija* [Russian history]. – 2019. – No. 5. – P. 3–14.

19. Kalkina V. Soviet memory on the Internet: online visual archives of the Soviet past // *New Zealand Slavonic Journal*. – 2013-2014. – Vol. 47/48. – P. 103–124.

20. Khapaeva D. Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society // *Social Research*. – 2009. – Vol. 76. – No. 1. – P. 359–394.

21. Shlegel' E.V. *Nostal'gija po neprozhitomu: privlekatel'nost' mifa o sovetskom proshlom dlja pokolenija Z* [Nostalgia for the unlived: the appeal of the myth of the Soviet past for generation Z] // *Vestnik gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Humanities University]. – 2019. – No. 3(26). – P. 87–93.

22. Bobryshev I. *Melkoburzhuaaznye vlijanija sredi molodezhi. Izd. 2-e.* [Petty-Bourgeois influences among youth. 2nd ed.] – Moscow; Leningrad: Molodaja gvardija, 1928. – 140 p.

23. S.T. *Pro zdrav'jachejku. Chastushki* [Pro zdrav'jachejku. Chastushki] // *Za novyj byt* [For a new mode of life]. – 1925. – No. 1. – P. 5.

24. *Rafail M. Za novogo cheloveka* [For a new man]. – Leningrad: Priboj, 1928. – 64 p.
25. *Andreev D.A. «Krasnyj student» i politika proletarizacii vysshej shkoly* [“Red student” and the politics of proletarianization of higher education] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. – 2008. – No. 2(90). – P. 45–61. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/krasnyj-student-i-politika-proletarizaczii-vysshej-shkoly.html>
26. *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 10(88). – 29 aprilja. – P. 4.
27. *N. Molchalivij. Pokonchit' s perezhitkami dvorjanstva* [Do away with the remnants of the nobility] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 10(88). – 29 aprilja. – P. 4.
28. *E. V shljape li delo?* [Is it in the hat?] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 10(88). – 29 aprilja. – P. 4.
29. *Protokol № 2 Zasedanija delegatov ot rabotnic i sluzhashchih LGU ot 24 aprilja 1924 g.* [Minutes # 2 of the Meeting of delegates from workers and employees of LSU from April 24, 1924] // *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central state archive of historical and political documents of Saint-Petersburg]. F. 984. Op. 1. D. 91. L. 1.
30. *D'jakonov I.M. Kniga vospominanij* [Book of memories]. – St. Petersburg: Evropejskij Dom, 1995. – 770 p.
31. *Odna iz dvuh. Sil'na staraja privychka* [One of the two. Strong old habit] // *Krasnyj treugol'nik* [Red triangle]. – 1929. – No. 10(49). – 4 marta. – P. 3.
32. *Listok rabkora “Leningradskoj pravdy”* [Sheet of rabkor “Leningradskaya Pravda”]. – 1924. – No. 25. – 31 maja. – P. 4.
33. *Kondurushkin I. Polovaja problema* [Sexual problem] // *Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk* [The red paper. Evening edition]. – 1925. – No. 26(714). – 31 janvarja. – P. 4.
34. *Zheleznodorozhnik. Ne unizhajte zhenshhinu!* [Railway Worker. Don't humiliate a woman!] // *Listok rabkora “Leningradskoj pravdy”* [Sheet of rabkor “Leningradskaya Pravda”]. – 1925. – No. 5(58). – 1 fevralja. – P. 4.
35. *Berzin. Da zdravstvuet fizkul'tura!* [Long live physical education!] // *Krasnyj sport* [Krasny sport]. – 1924. – 20 avgusta (jektivnyj vypusk). – P. 1.
36. *Tezisy po dokladu “Sostojanie i osnovnye zadachi raboty profsojuzov po fizicheskoj kul'ture”* [Theses on the report “State and main tasks of trade unions in physical culture”] // *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb)* [Central state archive of Saint Petersburg (CSA SPb)]. F. R-6276. Op. 51. D. 79. L. 2.
37. *Disput «Nuzhny li nam chempiony v fizkul'ture?» 23 aprilja 1928 g. V dome Profprosveshhenija* [Debate “Do we need champions in physical education?”] // *CGA SPb* [CSA SPb]. F. 6276. Op. 51. D. 17. L. 13–20 ob.
38. *Zavkor Ershov. Na Trehgornoj manufakture. (Razgovory u stanka)* [At the Trekhgornaya manufactory. (Conversations at the machine)] // *Za novyj byt* [For the new mode of life]. – 1925. – No. 2. – P. 11.
39. *Grov. V pohod na alkogol'* [In an attack on alcohol] // *Krasnyj treugol'nik* [The red triangle]. – 1929. – No. 122. – 31 dekabnja. – P. 4.
40. *Na bor'bu s p'janstvom* [On the fight against drunkenness] // *Leningradskaja Pravda* [Leningradskaya truth]. – 1926. – No. 25. – 31 janvarja. – P. 4.
41. *Nash prazdnik 1-oe maja* [Our holiday on May 1] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1928. – No. 6. – 13 aprilja. – P. 2.
42. *Incetov N. Duhovnaja i fizicheskaja sivuha* [Spiritual and physical booze] // *Trezvost' i kul'tura* [Sobriety and culture]. – 1928. – No. 6. – P. 2.

43. *M.D. Rozhdestvenskie kolokola zaglushim gulom mashin* [Christmas bells drown out the hum of cars] // *Jelektrosila* [Electric power]. – 1929. – No. 54 (132). – 24 dekabreja. – P. 1.

44. *Listok rabkora* [Rabkor sheet]. – 1924. – No. 24. – 24 maja. – P. 1.

45. *Na sud obshhestvennosti* [On the court of the public] // *Baltiec* [Baltiets]. – 1929. – No. 12(122). – 5 aprilja. – P. 2.

46. *Samet S.M. K novomu bytu* [To a new mode of life] // *Za novyj byt* [For the new mode of life]. – 1928. – No. 6. – P. 13.

47. *Protokol mezhduevdomstvennogo soveshhanija po bor'be s prostituciej ot 18 avgusta 1922 g.* [Protocol of the interdepartmental meeting on the fight against prostitution of August 18, 1922] // *CGA SPb* [CSA SPb]. F. 1000. Op. 6. D. 126. L. 1–2.

48. *Lenin V.I. Doklad na II Vserossijskom s'ezde professional'nyh sojuzov 20 janvarja 1919 g.* [Report on the II all-Russian Congress of trade unions on January 20, 1919] // *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 37. Ijul' 1918 – mart 1919* [Complete works. Volume 37. July 1918–March 1919]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. – P. 435–453.

49. *Za novyj byt* [For the new mode of life]. – 1929. – No. 5–6. – P. 10.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.12)"16":27-788

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX в.)

Иоасаф Вишняков (игумен), И.Н. Паршукова

Повседневность монастырей Русского Севера во второй половине XVII в. (на примере Ферапонтова Богородице-Рождественского монастыря)

В статье на основе архивных материалов, дореволюционных и современных произведений научной литературы характеризуются бытовые условия насельников и особенности ведения хозяйства в Ферапонтовом монастыре во второй половине XVII в. Объект исследования – Ферапонтова обитель, в рассматриваемый период представляла собой типичный средний монастырь Русского Севера. В качестве основного источника эмпирических материалов для статьи послужили описные монастырские документы, хранящиеся в фондах архивов Вологодской области и Санкт-Петербурга.

В исследовании подробно рассматривается структура управления монастырем, дается описание круга обязанностей его игумена и монахов, занимавших важные должности. В динамике представлено изменение численного состава монастырской братии, отмечаются тенденции к его сокращению. Обозначаются прочие разнообразные факты, свидетельствующие об общем упадке в монастырском хозяйстве, что было характерно для десятилетий, предшествовавших кардинальным церковным реформам. На основании материалов описных документов реконструированы многие особенности ведения хозяйства в монастыре, перечислены основные промыслы и ремесла, которыми занималась братия.

Делается вывод о том, что повседневная жизнь монастыря оказывала существенное влияние на окружающее население. В то же время и окружающий социум во многом определял ее течение, так как его представителями пополнялась братия, с ними реализовывались хозяйственные, торговые, трудовые и иные виды отношений.

Ключевые слова: монастырская повседневность, Ферапонтов монастырь, Русский Север, игумен, монастырское хозяйство, монастырские опись

Ioasaf Vishnyakov (abbot), Irina N. Parshukova

Everyday life of monasteries of the Russian North in the second half of the XVII century (on the example of St. Ferapont Nativity of the Mother of God Monastery)

In the article, based on archival materials, pre-revolutionary and modern works of scientific literature, the characteristics of the living conditions of the inhabitants and the peculiarities of housekeeping in the Ferapont Monastery in the second half of the

XVII century are given. The object of study is the Ferapont monastery, which was a typical monastery of the Russian North in the period under review. Descriptive monastic documents stored in the archives of Vologda region and St. Petersburg served as the main source of empirical materials for the article.

The study examines in detail the management structure of the monastery, provides a description of the range of responsibilities of its abbot and monks who held important positions. The change of the number of monastic brethren is showed in dynamics, as well as the tendencies for its reduction. Other facts are indicated, testifying general decline in the monastery economy, which was characteristic of the decades preceding the cardinal church reforms. Based on the materials of the described documents, many features of the monastery economy were reconstructed, the main trades and crafts that the brethren were engaged in were listed.

The paper concludes that the daily life of the monastery had a significant impact on the surrounding population. At the same time, the surrounding society largely determined its course, since its representatives were the main source for new members of the monastic brethren, and economic, trade, labor and other types of relations were implemented with them.

Key words: monastic daily life, Ferapont monastery, Russian North, abbot, monastic economy, monastic inventory.

В качестве объекта исследований монастыри Русского Севера выступают нередко и по праву занимают существенное место в отечественной науке [1; 2]. Предметные области, связанные с изучением их основания и развития, культурного, политического, хозяйственного значения и т. д., исследуются не только историей, но и рядом смежных наук – исторической географией [3] культурологий, искусствоведением и др.

Еще до XIV–XV вв. на берегах озер и озерных островах территории, которую принято именовать Русским Севером, было основано несколько крупных монастырей – Спасо-Преображенский Валаамский, Рождество-Богородицкий Коневецкий, Палеостровский и Спасо-Каменный. На архипелаге Белого моря возник Соловецкий монастырь. В дальнейшем благодаря развитию традиции монастырского строительства, уже выходцами из крупных монастырей как Севера, так и других, более отдаленных территорий, изначально мотивированных поисками скитского уединения, в итоге основывались новые обители. В глубинных частях региона на берегах сравнительно небольших озер стали появляться все новые и новые монастыри. По такому принципу был основан в самом конце XIV в. Ферапонтов Рождество-Богородицкий монастырь, получивший широкую известность благодаря уникальным фрескам Дионисия и часто упоминаемый в научной литературе в качестве первоначального места ссылки опального патриарха Никона.

Обитатели составляли опорный каркас средневекового государства на северных землях, в том числе маркируя его границы. Они были не только центрами духовной православной жизни, ориентированной на укрепление традиции монашества, но и социально-культурными доминантами, оказывавшими влияние на ментальность русского населения, распространение образования, книжного дела, развитие архитектурных стилей и различных видов церковно-прикладного искусства. Благодаря реализации хозяйственной деятельности монастырей в освоение вовлекались обширные территории. Кроме того, ученое монашество чутко реагировало на общественные трансформации и оказывало непосредственное влияние на политические процессы и укрепление государственных устоев.

Обозначенные выше факторы являются определяющими в том, что духовному, политическому, культурообразующему [4; 5], историко-архитектурному значению монастырей Русского Севера в отечественной историографии уделяется довольно много внимания. Гораздо реже исследователи обращаются к вопросам, так или иначе отражающим монастырскую повседневность в ретроспективном аспекте, хотя в последние десятилетия вектор научных интересов смещается в эту сторону [6; 7]. Непосредственно обозначенная тематика на примере обитателей Вологодской области была подробно раскрыта в рамках диссертационного исследования Н.В. Стикиной [8], однако оно ограничивается хронологическими рамками – второй половиной XIX – началом XX в.

Между тем обращение к более ранним периодам региональной монастырской повседневности позволит полнее реконструировать характер организации внутренней жизни монастырей и выявить степень их значения для населения и окружающего пространства. Данный вопрос актуализировался в наше время, когда сеть объектов культовой инфраструктуры, в том числе монастырей, растет, а вопросы, связанные с организацией их внутренней жизни и выстраиванием взаимоотношений с внешним миром, требуют своего решения.

Цель статьи – представить характеристику монастырской повседневности Русского Севера второй половины XVII в. на примере Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря.

Хронологический период исследования и его объект выбраны случайно – в это время в Московском государстве происходили суще-

ственные общественно-политические трансформации, в том числе связанные с жизнью Церкви, а Ферапонтов монастырь стал одним из фигурантов этих событий, поскольку был избран как место ссылки опального патриарха Никона. К тому же, к XVII в. он представлял собой типичный средний монастырь Русского Севера, обладавший обширными вотчинными владениями, куда входили два погоста, четыре села, 57 деревень (из них три незаселенных), рыбные ловли на расположенных рядом реках и озерах.

К основным источникам, отражающим в ретроспективе повседневную жизнь Ферапонтова монастыря, можно отнести описные, переписные, отписные книги, которые в научном историческом обороте принято называть описями [9]. Именно в них содержатся сведения о вотчинах, численности и составе братии, служках, основных видах хозяйственной деятельности и состоянии хозяйства, подсобных строениях, состоянии и внутреннем убранстве храмов, богослужебных книгах и многом другом.

Всего на данный момент в архивных фондах Москвы, Санкт-Петербурга и Вологодской области обнаружено 15 описей Ферапонтова монастыря, относящихся к периоду XVII–XVIII вв. Самая ранняя из них – опись казны, была составлена в 1626 г. [10], а непосредственно опись монастырского имущества впервые датируется 1665 г. [11].

Внутренняя жизнь монастыря определяется характером и структурой управления в нем, поэтому в Ферапонтовом монастыре она была типичной для Русского Севера. Обитель находилась в ведении удельного князя в финансовых и судебных вопросах, а под управлением епархиального архиерея – в круге проблем, связанных с храмо-строительством, церковной дисциплиной, каноническим правом и т. д. Со временем влияние епархиального начальства на жизнь монастыря усиливалось. Кроме того, в рассматриваемый период Ферапонтов монастырь, как и другие обители на Руси, зависел еще и от преобразованного в 1649 г. административного судебного органа над духовенством, который назывался Монастырским приказом.

Внутренняя жизнь монастыря, когда это не касалось компетенции епархиального архиерея, в хозяйственном, духовном, дисциплинарном проявлениях определялась решениями и распоряжениями игумена. При нем были так называемые соборные старцы. Согласно монастырским уставам высшим органом управления в монастыре являлся

собор. Следует различать собор, куда входили только соборные старцы, и «черный собор», включавший в себя всю братию. Решения собора должны были быть обязательны для братии и крестьян принадлежавших монастырю вотчин.

Если говорить о составе и иерархии братии, то в документах, касающихся Ферапонтова монастыря, фигурируют, помимо игумена, строитель, эконо́м, келарь, подкелярник, казначей, иеромонахи, ризничий, служебные старцы (конюший, житник, хлебовареный, хлебной, повара, пивовар), больничные, монастырские слуги, подьячие и др. У каждого насельника, занимавшего значимую должность на определенном послушании, был свой круг обязанностей и ответственности. Например, келарь был ближайшим помощником игумена в хозяйственных делах, в том числе когда они касались вотчинных владений.

В описи 1665 г. представлен перечень монастырского имущества, которое передается под ответственность назначенному недавно келарю Митрофану Нечаеву с указанием круга его дисциплинарно-властных полномочий по отношению к братии монастыря и трудящимся в нем: «ему келарю впредь Ферапонтов монастырь ведать и строить, а братья, и служкам, и служебником, и крестьяном приказал иво келаря старца Митрофана Нечаива во всем слушать и быть у него в послушании и почитать также, как и в прочих монастырех властей почитают» [11, л. 1].

Если в ведении келаря были запасы продовольствия, хранящиеся в погребах, кладовых и т. д., а также вотчины, так как они осуществляли поставки продуктов, то за хранение денежных средств монастыря, а также имущество ризниц и «казенных келий», нес ответственность старец-казначей.

Старец-житник отвечал за житницы монастыря и принадлежащих ему вотчин, контролировал работу мельниц, вел учет зерна и муки, хранящихся в амбарах. Так, согласно материалам описи 1665 г. в Ферапонтовой обители числится три мельницы: «Да за монастырем же мелница да толчея на одной запруде <...> За Паским озером на речке на Паске мелница, два анбара. По той же по речке пониже мелница два ж анбара [11, л. 59 об.].

Известный дореволюционный краевед и богослов И.И. Бриллиантов написал первое фундаментальное исследование, касающееся истории обители. Проанализировав содержание описи Ферапонтова мо-

настыря 1673 г., он приводит сведения о составе монастырской братии, которую на тот год составляли игумен, келарь, казначей, житник, конюший, два иеромонаха, 40 монахов, 18 служек, 61 служебник. Вотчинных крестьян и бобылей числилось 383 человека [12, с. 93]. Получается, что большую часть братии Ферапонтова монастыря составляли монахи, не имеющие священного сана. У них не было определенной сферы ответственности и крупных обязанностей. Они должны были нести послушания, выполняя поручения старцев – игумена, келаря, житника, конюшенного. Братию монастыря нельзя назвать многочисленной, а его хозяйство особенно крупным. Именно поэтому в рассматриваемый период, когда в монастыре пребывал в ссылке патриарх Никон, существенная часть материальных и трудовых затрат по содержанию его, его приближенных, а также довольно многочисленной охраны, была частично возложена на окрестные монастыри [13].

Большое значение для насельников монастыря имела богатая по тем временам монастырская библиотека, известная уже в XV–XVI вв. Книги, хранящиеся в специальной книгохранильнице, монахи могли использовать не только при богослужениях, но и для чтения или работы над богословскими трудами.

Неотъемлемая часть повседневной жизни Ферапонтова монастыря – ежедневные богослужения, очевидно, были чередными, т.е., в дни, не совпадающие с воскресными или большими церковными праздниками, когда литургия совершается соборно, а присутствует на ней вся братия, их возглавляли в установленном порядке по очереди насельники из священнослужителей. В описи за 1665 г. поименно перечисляются трое иеромонахов – Варфоломей, Варлаам и Дионисий [11, л. 59 об.].

В целом на протяжении второй половины XVII в. миряне по численности всегда превосходили монашескую братию. Так, в 1665 г. в монастыре подвизался 51 монах и пребывало 54 бельца (дворовые и мастеровые) [14, л. 60 об.]. Опись 1673 г. говорит уже о 42 монахах и 79 мирских людях. Далее численность монашествующих сокращается, а прислуживающих из числа людей мирских увеличивается. Согласно данным описи 1692 г. в Ферапонтовом монастыре было 40 монахов и 128 мирян [14, л. 83]. Обозначившиеся во второй половине XVII в. тенденции к сокращению монашеской братии сохраняются и в дальнейшем.

Неотъемлемая часть монастырской жизни – труд, который должен быть сопряжен с молитвой. Устав Ферапонтова монастыря был общежительным, а его братия должна была обеспечивать все необходимое, занимаясь земледелием и тесно связанным с ним животноводством, ремеслами, промыслами, а также рыбной ловлей. Урожай, улов и доход от ремесел распределялись на содержание братии и слуг, хотя монастырь занимался и продажей хлеба в долг. Так, в описи 1665 г. упоминаются 96 хлебных хабал [11, л. 59].

Монашеский рацион, согласно требованиям церковного Устава, состоял в основном из пищи растительного происхождения и рыбы. Для обеспечения братии пищей в монастыре возделывались огороды, но перечень выращиваемых культур в рассматриваемый период практически нигде не упоминается. Зато рыба была незаменима в монастырском рационе. Ее обеспечивали рыбные ловли и заготавливали впрок разными способами – вяленьем, соленьем, копчением.

Мясную пищу монахи употреблять не могли, скот использовался в качестве тягловой силы, а продукция скотоводства могла идти в качестве сырья для кожевенного производства. Для понимания монастырской повседневности примечательно описание конюшенного и скотного дворов при монастыре, которые являлись функциональными узлами монастырского хозяйства и включали в себя комплекс построек. Дворы находились за пределами монастырских стен. Конюшенный двор представлял собой пространство, обнесенное стеной с воротами. С одной стороны двора стояла горница на подклете с сенями и чуланом, с другой – сеновалы, сараи, денники, где кормили лошадей овсом, хлевы, стойла. Все постройки были бревенчатыми, рублеными, покрытыми желобьем.

Скотный двор был обнесен рубленным тыном (забором). За ним стояли бревенчатая келья с сенями, скотская изба, а напротив ее – клеть, хлевы, сараи. Среди братии не было отдельной должности управляющего скотным двором. Этим занимались монастырские слуги и служебники. Монастырские стада состояли из коров, лошадей, овец. Очевидно, что в монастыре было развито кожевенное производство из собственного сырья, а также осуществлялся пошив кожаной одежды и обуви, так как фраза «платье, изготовляемое из скота монастырского» находит упоминание в описях. Ассортимент продукции кожевенных дел мастера характеризует опись 1692 г.: «Козлина деланая по-

овчинному с шерстью, другая козлиная деланая на ирешное дело. Кожа яловичная дубленая мегилная, шесть жеребьячин, девятнадцать телятинок поднорядных, ворот яловишной, ворот конинной мячильные. Башмаки да четверы рукавицы дубленные новые. Пять гужей моржевых <...> Восмьдесят две овчины деланых. Да неделаных тритцать восьм овчин. Шесть козлин сырых, шесть воротов подошевных яловичьих и конинных <...> Три полы кож сыромятных болших. Три телятины ирешные» [14, л. 74 об.–76].

Кожа использовалась при изготовлении книг, мебели, предметов церковного убранства (кожаные аналои), кузнечных мехов, транспортных повозок и т. д.

Помимо этого, в Ферапонтовом монастыре во второй половине XVII в. изготавливались на продажу вяляльные изделия, холст, деревянная посуда, книги, развивалась иконопись.

Несмотря на столь разнообразные виды деятельности и обширность вотчинных владений, исследователи отмечают, что упадок в хозяйстве монастыря начался именно со второй половины XVII в. [15].

Большая часть монастырских бытовых построек были деревянными, а каменные храмы и палаты требовали ремонта, к тому же обитель с большим трудом восстанавливалась после пожара 1666 г. Со второй половины XVII в. Ферапонтов монастырь, до этого времени переживавший периоды подъема и расцвета, начинает постепенно угасать, пока в результате реформ не был обращен в приходской храм.

Ферапонтов монастырь относился к духовным корпорациям общежительного типа, для которых характерно содержание своего натурального хозяйства, включавшего земледелие, животноводство, промыслы, ремесло и кредитную деятельность и сочетавший феодальное и мелкое крестьянское хозяйства. Его повседневная жизненная организация, с одной стороны, впитывала в себя нормы окружающего его социума, с другой, являясь проводником православных ценностей, оказывала существенное влияние на духовную и хозяйственную жизнь за стенами обители.

Список литературы

1. Камкин А.В. Православная Церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. – Вологда, ВГПИ, 1992. – 162 с.
2. Пономарев Д.А. Малые монастыри Русского Севера: к постановке проблемы // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2018. – № 2 (10). – С. 80–91.

3. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения Северо-Запада России: Московский этап (XVI–XVII в.) // Псковский регионолог. журн. – 2017. – № 2 (30). – С. 61–73.

4. Шульгина Д.П., Шульгина О.В. Историческая обусловленность формирования уникального культурного наследия Русского Севера // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. Серия: Исторические науки. – 2020. – № 1(37) – С. 32–40.

5. Адаменко О.Н., Башнин Н.В. Структура монастырской собственности и политическое развитие Кубено-Заозерья в XV–XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы – 2012. – № 1. – С. 61–69.

6. Гусева О.В. Монастырь как феномен повседневности // Совр. о-во: вопросы теории, методологии, методы социал. исслед. – 2017. – Т. 1. – С. 76–80.

7. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. – М.: Мол. гвардия, 2002. – 327 с.

8. Стикина Н.В. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии: дис. ... канд. ист. наук. – Вологда, 2007. – 276 с.

9. Описание Ферапонтова монастыря 1673 года // Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (КБИАХМЗ). Оп. РК 91.

10. Описание казны Ферапонтова монастыря 1626 года // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) ДА. АИ-335/1.

11. Описание Ферапонтова монастыря июль 1665 года // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 883 (собр. Н.И. Суворова). Оп. 1. Д. 40.

12. Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона: К 500-летию со времени его основания 1398–1898: с прил. оч. «Патриарх Никон в заточении на Белеозере». – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1899. – 247 с.

13. Успенский Н.П. Несколько новых данных о заточении патриарха Никона // Христианское чт. – 1903. – № 9. – С. 362–388.

14. Описание Ферапонтова монастыря декабрь 1692 года // ГАВО. Ф. 883 (ф. Н.И. Суворова). Оп. 1. Д. 78.

15. Серебрякова М.С. Памятники архитектуры Ферапонтова монастыря по архивным документам XVII–XX веков. – URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2155>

References

1. Kamkin A.V. *Pravoslavnaya Cerkov` na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g.* [The Orthodox Church in the North of Russia: essays on history before 1917]. – Vologda, VGPI, 1992. – 162 p.

2. Ponomarev D.A. *Maly`e monasty`ri Russkogo Severa: k postanovke problemy* [Small monasteries of the Russian North: to the problem statement] // *Paleorossiya. Drevnyaya Rus`: vo vremeni, v lichnostyax, v ideyax* [Paleoasia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas] – 2018. – № 2 (10). – P. 80–91.

3. Marty`nov V.L., Sazonova I.E. *Istoricheskaya geografiya putej soobshheniya Severo-Zapada Rossii: Moskovskij e`tap (XVI–XVII v.)* [Historical geography of communication routes in the North-West of Russia: The Moscow stage (XVI–XVII c.)] // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionological journal]. – 2017. – № 2 (30). – P. 61–73.

4. Shul`gina D.P., Shul`gina O.V. *Istoricheskaya obuslovlennost` formirovaniya unikal'nogo kul'turnogo naslediya Russkogo Severa* [Historical conditionality of the formation of the unique cultural heritage of the Russian North] // *Vestnik Moskovskogo городского педагогического университета. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the

Moscow city pedagogical University. Series: Historical Sciences] – 2020. – № 1(37). – P. 32–40.

5. Adamenko O.N., Bashnin N.V. *Struktura monasty`rskoj sobstvennosti i politicheskoe razvitie Kubeno-Zaozer'ya v XV–XVI vv.* [The structure of the monastery property and political development Cubano-Zaozerie in the XV-XVI centuries] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Yearbook on agricultural history of Eastern Europe]. – 2012. – № 1. – P. 61–69.

6. Guseva O.V. *Monasty`r` kak fenomen povsednevnosti* [Monastery as a phenomenon of everyday life] // *Sovremennoe obshchestvo: voprosy` teorii, metodologii, metody` social'ny`x issledovanij* [Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research] – 2017. – T. 1. – P. 76–80.

7. Romanenko E.V. *Povsednevnyaya zhizn` russkogo srednevekovogo monasty`rya* [Everyday life of a Russian medieval monastery]. – M.: Molodaya gvardiya, 2002. – 327 p.

8. Stikina N.V. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo pravoslavnogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX – pervoj chetverti XX vv.: na materialah Vologodskoj eparhii: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Everyday life of the Russian Orthodox monastery in the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries: on the materials of the Vologda diocese: dis. ... candidate of historical Sciences]. – Vologda, 2007. – 276 s.

9. *Opis` Ferapontova monasty`rya 1673 goda* [An inventory of the Ferapontov monastery 1673] // Kirillo-Belozersky historical, architectural and art Museum-reserve (KBIAXMZ). OPI. RK 91.

10. *Opis` kazny` Ferapontova monasty`rya 1626 goda* [An inventory of the Treasury of the Ferapontov monastery in 1626] // Department of manuscripts of the Russian national library (OR RNB). DA. All-335/1

11. *Opis` Ferapontova monasty`rya iyul` 1665 goda* // State archive of the Vologda region (GAVO). F. 883 (sobranie N.I. Suvorova). Op. 1. D. 40.

12. Brilliantov I.I. *Ferapontov Belozerskij ny`ne uprazhnenny`j monasty`r`, mesto zatocheniya patriarxa Nikona: K 500-letiyu so vremeni ego osnovaniya 1398–1898: S pril. ocherka "Patriarx Nikon v zatochenii na Beleozere"* [Ferapontov Belozersky now abolished monastery, the place of imprisonment of Patriarch Nikon: to the 500th anniversary of its Foundation 1398-1898: With ADJ. essay "the Patriarch Nikon in prison at Beloozero]. – Sankt-Peterburg: tip. A.P. Lopuxina, 1899. – 247 p.

13. *Uspenskij N.P. Neskol'ko novy`x danny`x o zatochenii patriarxa Nikona* [Some new information about the imprisonment of Patriarch Nikon] // *Xristianskoe chtenie* [Christian reading]. – 1903. – № 9. S. 362–388.

14. *Opis` Ferapontova monasty`rya dekabr` 1692 goda* [An inventory of the Ferapontov monastery Dec 1692] // GAVO. F. 883 (f. N.I. Suvorova). Op. 1. D. 78.

15. Serebryakova M.S. *Pamyatniki arxitektury` Ferapontova monasty`rya po arxivny`m dokumentam XVII–XX vekov* [Architectural monuments of the Ferapontov monastery according to archival documents of the XVII–XX centuries] // <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2155>

О.А. Балабейкина, Е.А. Карасева, А.Д. Радкевич

**Церковный приход как центр средоточия повседневной жизни
адептов Государственной Христианской церкви Англии
(вторая половина XIX в.)**

В статье на основе разнообразных англо- и русскоязычных источников, в том числе содержания богослужбных книг Государственной Христианской церкви Англии (ГХЦА) XIX в., выявляются характер и степень влияния вероучительной доктрины и института Церкви на различные аспекты повседневной жизни англикан в обозначенный период. В фокусе внимания авторов церковный приход как церковно-административная единица, духовенству которой государством был делегирован целый ряд полномочий, касающихся регистрации актов гражданского состояния. Приход был и доминирующим в ареале проживания людей социально-культурным центром, откуда исходят ценностные установки, во многом определяющие характер поведения, быт и нравы населения. Привлечение современных данных ежегодной финансовой отчетности отдельных епархий ГХЦА позволяет утверждать, что специфика влияния деятельности приходов на различные категории людей существенно трансформировалась. В отличие от ситуации, характерной для второй половины XIX в., акценты с богослужбных практик, которые находили отражение в повседневном религиозно обусловленном поведении, смещены в сторону реализации социальной ответственности. Но при этом фундамент для современных тенденций был заложен именно во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Церковь Англии, церковный приход, англиканство, религиозная повседневность, социальная деятельность Церкви.

Ol'ga A. Balabeikina, Ekaterina A. Karaseva, Alina D. Radkevich

**The parish as the center of the daily life of adherents of the Church
of England (second half of the XIX century)**

Based on a wide range of English and Russian sources, including the content of liturgical books of Church of England of the XIX century, the article analyzes the nature and degree of influence of the doctrine of the faith and institution of Church of England on various aspects of the daily life of Anglicans in the designation period. The focus of the authors' attention is the ecclesiastical parish as a church-administrative unit, the clergy of which was delegated by the state a number of powers related to registration of acts of civil status. The parish was the dominant social and cultural center in the area where people lived, where do the value attitudes originate, which largely determine the nature of behavior, life and customs of the population. Using modern data from financial statements of individual dioceses of Church of England allows to assert that the speci-

ficity of the impact of the parish activities on various categories of people has been significantly transformed. In contrast to the situation typical for the second half of the XIX century, the accents from liturgical practices, which were reflected in everyday religiously conditioned behavior, are shifted towards the implementation of social responsibility. However, at the same time, the foundation for modern trends was laid precisely in the second half of the XIX century.

Key words: Church of England, ecclesiastical parish, Anglicanism, religious daily life, social activities of the Church.

В круге научных интересов отечественных специалистов тематика, связанная с функционированием церковных приходов в ретроспективе и современности, существенно обозначилась в постсоветские десятилетия. Так, в условиях общественно-политических трансформаций были опубликованы исследования, в контексте истории повседневности раскрывающие специфику модели поведения представителей купеческого сословия в геоконфессиональном пространстве [1], организацию семейного быта приходского духовенства в отдельных регионах нашей страны [2], будни сельских приходов в предреволюционные десятилетия [3] и т.д. В советский же период подобного рода разработки были табуированы или существенно искажены в содержании антирелигиозно направленной идеологией. Между тем, как раз рассмотрение в ретроспективном аспекте влияния религиозных организаций на повседневную жизнь населения может позволить создать ее полноценную историческую реконструкцию, что и продемонстрировали в своих работах такие ученые, как П.В. Филатов [4], Е.Д. Сулова [5], П.В. Крылов [6] и др. Последний из названных авторов подчеркивает, что «деятельность, имеющая религиозное измерение», выступает в качестве существенной формирующей повседневной жизни, даже если ее значение не осознается верующими и их окружением в качестве таковой [6, с. 30]. Религиозная составляющая интегрирована в повседневность и находит выражение в обусловленных нравственно-этическими предписаниями нормах бытового поведения, элементах интерьера жилища, употреблении в повседневной речи религиозной терминологии, рационе питания, распорядке дня и многом другом.

Роль церковных приходов – низовых единиц церковно-административного устройства в социальных процессах в прошлом была огромна. Именно вокруг них сосредоточивалась жизнь людей в условиях клерикальных государств, каковыми в рассматриваемый в

представленной работе период являлись и Российская империя, и большая часть иностранных государств.

Изучение вопросов, связанных с организацией приходской жизни, актуализировалось в наши дни, когда в России восстанавливается структура конфессионального пространства, а роль всех его элементов в общественных процессах проявляется все существеннее [7]. Причем, это касается как православия, преобладающего по числу адептов и густоте сети объектов культовой инфраструктуры, так и других религий и конфессий, представленных в нашей стране. С повседневной жизнью последователей религиозного учения, а также категорий людей, в меньшей степени погруженных в религиозную среду, наиболее тесно связан такой элемент церковно-административной структуры, как приход, на практике представляющий собой молитвенное помещение (храм), вокруг которого под руководством священника объединяется община верующих.

Понимание современных трансформационных процессов, которые характеризуют современное конфессиональное пространство, невозможно без обращения к его изучению в ретроспективном аспекте. Причем, внимания специалистов в этом плане заслуживает не только опыт Российской империи, но и зарубежных стран, особенно в случаях, когда модель государственно-церковных отношений направлена на конструктивное взаимодействие, религиозные традиции не прерывались грубым вмешательством политических процессов, а церковный приход преобладающей в стране христианской конфессии был и остается одной из социально-культурных доминант для населения. К такому справедливо будет отнести приходы Государственной Христианской церкви Англии.

Цель исследования – выявить и представить степень и особенности влияния церковных приходов ГХЦА на повседневную жизнь ее адептов во второй половине в XIX в.

Современные реалии таковы, что ГХЦА сохраняет в Англии правовой статус государственного религиозного института, а также доминирующее положение в конфессиональной структуре региона, насчитывая на его территории более 12 тыс. приходов, сеть которых покрывает ее сплошным ареалом, а также охватывая более 25 млн адептов [8, с. 91, 9].

Мероприятия, с устоявшейся определенной периодичностью реализуемые на современных приходах ГХЦА, выходят далеко за рамки богослужебной деятельности, они стали неотъемлемой частью жизни их участников. Так, согласно данным ежегодных епархиальных отчетов ГХЦА [10] и ее отдельных епархий [11; 12], публикуемых в открытом доступе, на отдельных приходах организованы курсы, обучающие самым разным видам рукоделия, курсы английского языка для иммигрантов, регулярно предоставляется помощь в приготовлении домашних заданий для детей иммигрантов, проводятся самые разнообразные лекции и семинары, объединяющие семейные мероприятия (спортивные игры, концерты и т. д.). На данный момент в деятельности приходов акценты существенно смещены с богослужебной практики в область реализации социальной ответственности. Кроме того, усиливается влияние Церкви на жизнь тех, кто не является ее вероисповедными адептами (например, мигранты из традиционно мусульманских стран и их дети). Получается, что приходы ГХЦА в своей деятельности максимально стремятся ответить на постоянно меняющиеся социальные запросы современного общества, что подтверждает перечень основных статей финансирования в отдельных епархиях [13].

Если исходить из исторической ретроспективы, обнаруживается несколько иная картина приходской жизни, хотя многие современные тенденции, характеризующие ее, обозначились именно в XIX в. Объективное представление о численности приверженцев ГХЦА и посещаемости ими приходских храмов во второй половине XIX в. дает обращение к сведениям, отраженным в переписи населения, которая проходила в Англии 30 марта 1851 г. На тот момент на обозначенной территории проживало 17,96 млн чел., а сама она в церковно-административном отношении подразделялась на 11 728 англиканских приходов с 13 854 храмовыми зданиями [14, с. 13–14]. Данные эти вполне сопоставимы с современными и мало отличаются от них. Получается, что современная сеть первичных административно-территориальных единиц ГХЦА сложилась к середине XIX в.

День, когда проводилась перепись, был воскресным, когда всем верующим христианам предписывается обязательное посещение церковного богослужения. Согласно представленным данным, храмы ГХЦА 30 апреля 1851 г. посетило с этой целью около 4,3 млн чел.

(около 30% населения). Причем, больше всего верующих было на утренней службе (2,5 млн чел.), а днем и вечером по 1,89 млн и 860 тыс. чел. соответственно. В попытке проследить тенденции, отражающие степень участия в богослужениях ГХЦА жителей Англии второй половины XIX в., следует учитывать, что представленные сведения нельзя считать абсолютно репрезентативными – даже исходный документ содержит примечание, говорящее о том, что более тысячи церковных приходов не предоставили соответствующей информации. Но и с учетом этого факта становится ясно, что еженедельное посещение богослужений в рассматриваемый период было неотъемлемой частью ритма повседневной жизни для значительной части людей.

Вся жизнь адептов англиканства неизбежно сосредоточивалась вокруг приходского храма уже потому, что на церковный институт была возложена функция регистрации актов гражданского состояния – рождение, смерть, брак, путем совершения соответствующих религиозных таинств и обрядов, а также документального фиксирования этого факта [15, с. 40; 16, с. 532, 749]. Кроме того, воскресные и праздничные богослужения собирали жителей прихода в храмовом здании, создавая коммуникационную ситуацию и способствуя развитию социальных контактов. Важные объявления, касающиеся государственно-общественной жизни, тоже обычно оглашались в храме.

Многие элементы, регламентировавшие тогда и по сей день во многом определяющие повседневную жизнь англиканских приходов, содержатся в сборнике богослужебных текстов, который называется «*The Convocation Prayer Book and The Book of Common Prayer*» (CPB) [17] (в дословном переводе – Книга общей молитвы). В CPB, датированной 1888 г. [17], представлен перечень утренних и вечерних молитв, которые должны совершаться в храме или в часовне священнослужителем ежедневно, а также указаны определенные на каждый день года отрывки из Священного Писания. Получается, что все главы Священного Писания должны прочитываться за двухгодичный цикл богослужений. Порядок и содержание этих богослужебных текстов в ГХЦА сохранился без изменений до наших дней. Повседневная жизнь прихода была и остается неразрывно связанной с ежедневным совершением определенного молитвенного правила, обязательного для приходского священника. Прихожане могли участвовать в таких богослужениях по будним дням по возможности и желанию, которые в рас-

сма­три­вае­мый пе­ри­од на­хо­ди­ли про­яв­ле­ние край­не ред­ко. Бо­лее то­го, уже с XVIII в. об­оз­на­чи­лись и кре­пли тен­ден­ции пренебрежительно­го от­но­ше­ния к еже­днев­ным бо­го­слу­же­ни­ям да­же сре­ди ду­ховенства, на­иболее бла­го­че­стивые пред­ста­ви­тели ко­то­рого слу­жи­ли толь­ко по сре­дам и пят­ни­цам, а сре­ди обы­чных при­хо­жан, как от­ме­чает А.П. Ло­пу­хин «Са­мая мы­сль о не­об­хо­ди­мо­сти еже­днев­ного бо­го­слу­же­ния по­чти вы­мер­ла» [18, с. 10]. При­хо­ды, где со­хра­ня­лась прак­тика еже­днев­ного со­вер­ше­ния бо­го­слу­же­ний, бы­ли ред­ко­стью.

Для при­хо­жан прак­ти­кой ан­гли­кан­ской Церк­ви обя­за­тель­но пред­пи­сы­ва­лось со­вер­ше­ние до­машней (ин­ди­ви­ду­аль­но или в се­мей­ном кру­гу) ут­рен­ней и/или ве­че­рней мо­лит­вы, форма и об­ъем ко­то­рой не об­оз­на­че­ны в СРВ, что пред­по­ла­гает сво­бод­ное на­пол­не­ние им­про­ви­зи­ро­ван­ны­ми мо­лит­восло­ви­я­ми, от­рыв­ка­ми из Св. Пи­са­ния и т. д. Вы­пол­не­нию еже­днев­ного мо­лит­вен­ного пра­вила при­да­ва­лось бо­ль­шее зна­че­ние: по­зи­ци­о­ни­ро­ва­лось, что оно приз­вано ока­зы­вать бла­го­твор­ное влия­ние на весь день ве­ру­ю­ще­го, сле­до­ва­тель­но, на всю жизнь.

В бы­ту ан­гли­кан та­же на­хо­ди­ли вы­ра­же­ние эле­мен­ты, сви­де­тель­ство­ва­вшие о при­над­ле­ж­но­сти к Церк­ви и ее ве­ро­уче­нию. Это мо­гло ка­саться, на­при­мер, укра­ше­ния жи­лища в опре­де­лен­ные пе­ри­оды цер­ков­ного ка­лен­да­ря. Мно­го­днев­ных обя­за­тель­ных для со­блю­де­ния все­ми ве­ру­ю­щи­ми ре­ли­ги­оз­ных по­стов в ан­гли­кан­ской тра­ди­ции нет, но 4-не­дель­ный пе­ри­од Ад­вен­та рас­сма­три­вал­ся и рас­сма­три­ва­ется как время ду­хов­ной под­го­тов­ки к празд­нику Ро­ж­дес­тва Хри­сто­ва. В это время обе­ден­ный стол мо­г укра­шаться зе­ле­ным вен­ком с че­ты­рь­мя свеча­ми, ко­то­рые по оче­ре­ди за­жи­га­лись во время се­мей­ного чте­ния Еван­ге­лия.

Де­я­тель­ность, на­прав­лен­ная на ре­али­за­цию со­ци­аль­ной от­вет­ствен­но­сти, столь по­пу­ляр­ная на при­хо­дах ГХЦА в наше время, по­лу­чила ос­нов­ной им­пульс к раз­ви­тию имен­но во вто­рой по­ло­вине XIX в. Это было свя­зано с тем, что с 1850-х гг. жен­щи­нам в Ан­глии впер­вые от­кры­лась воз­мож­ность по­лу­чить опла­чи­вае­мую ра­боту в Церк­ви, и восполь­зо­ва­лись ею сна­ча­ла пре­иму­щес­вен­но пред­ста­ви­тель­ницы сре­днего клас­са [19, с. 656], на­правив свою де­я­тель­ность на ор­га­ни­за­цию бла­го­творитель­ных и куль­тур­но-об­ра­зо­ва­тель­ных ме­ро­прия­тий, ока­за­ние пер­вич­ной ме­ди­цин­ской по­мо­щи, пре­по­да­ва­ние в вос­крес­ных шко­лах и т. д.

Именно жестко организованная церковно-территориальная система Церкви Англии с ее делимитированными в границах приходами и фиксированным числом проживающих в их пределах прихожан позволила адресно направлять благотворительную деятельность в сторону наиболее нуждающихся слоев населения. Постепенно это стало неотъемлемой частью приходской жизни, начавшись с деятельности Ассоциации приходских женщин-миссионеров, одним из инициаторов которой выступила Кэролайн Джейн Тальбот. Эта организация находит упоминание в ежегодном сборнике Церкви Англии за 1883 г. [20, с. 70–71].

Одним из принципов миссионерской работы являлась как раз причастность к приходской системе Церкви Англии. Ассоциация нанимала женщин из рабочего класса в качестве миссионеров, в задачи которых входило посещение домов прихожан, где они должны были обучать хозяек приемам экономного ведения хозяйства, а также уборке жилища и способам поддержания чистоты. Краткое описание одного из примеров реализации такой деятельности, связанное с женщиной по имени Элизабет, трудившейся в одном из приходов Лондона, приводится историком Сарой Флю в монографии, где исследовались вопросы церковной благотворительности в XIX в. [21]. Данное описание, с одной стороны, демонстрирует нищету и отсутствие соблюдения правил гигиены, характерные для прихожан из бедных слоев во второй половине XIX в., но, с другой – подтверждает результативность организованной приходами миссионерской деятельности: дома, куда приходила для помощи с уборкой Элизабет, со временем приобретали черты ухоженности.

Во второй половине XIX в. церковный приход для адептов Церкви Англии был социально-культурным центром, откуда исходили многие определявшие повседневный быт и нормы поведения ценностно-ориентационные установки. Это касалось как моментов, связанных с непосредственным выражением религиозной принадлежности (утренние и вечерние молитвы, регулярное посещение богослужений), так и аспектами жизнедеятельности, которые не относятся к прямым проявлениям религиозно обусловленного поведения. Именно в рассматриваемый период стала формироваться основа для организации социальной деятельности ГХЦА, которая является одной из приоритетных для обозначенного религиозного института на данный момент.

Список литературы

1. Акользина М.К. Влияние церковных институтов на социально-корпоративные связи торгово-промышленного населения городов аграрной губернии в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 10. – С. 160–169.
2. Фот А.Т. Семья приходского священника Оренбургской епархии в контексте реалий бытовой повседневности // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии – 2015. – № 14 (369). – С. 144–152.
3. Самойлова О.А. Будни сельского прихода конца XIX – начала XX в.: история возникновения, традиции, люди (с. Кариан-Воронцовка Кариановской волости Тамбовского уезда // *Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки.* – 2007. – № 11 (55). – С. 300–304.
4. Филатов П.В. Маленький человек сельского церковного прихода первой половины XIX века: казус повседневности // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* – 2012. – № 2 – С. 61–64.
5. Сулова Е.Д. Церковный приход: средоточие социальной и духовной жизни крестьянского сообщества в Карелии раннего Нового времени // *CARELICA.* – 2016. – № 2 (16). – С. 50–63.
6. Крылов П.В. Религиозная повседневность финнов-лютеран Санкт-Петербурга и Ленинградской области: православное влияние и секуляризация // *История повседневности.* – 2017. – № 2 (4). – С. 30–42.
7. Зубанова С.Г., Степанов И.И., Патюлина Н.Д., Рузанова Н.П. Социальное служение Русской Православной Церкви: вопросы истории, теории, практики. – М.: Лица, 2013. – 463 с.
8. Балабейкина О.А., Лавхаева Д.Н. Англиканская Церковь: экономический, правовой, территориальный аспекты деятельности в Великобритании // *Журн. правовых и экон. исслед.* – 2018. – № 1. – С. 91–98.
9. Балабейкина О.А., Карасева Е.А. Государственная Христианская Церковь Англии как конфессиональная доминанта региона: епархия Дерби // *Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сб. науч. ст. по итогам II Всерос. науч. конф. с междунар. участием.* – СПб.: СПбГЭУ, 2020. – С. 213–216.
10. The Church of England: research and statistics for mission 2018 // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.churchofengland.org/sites/default/files/201910/2018StatisticsForMission_0.pdf- (дата обращения: 8.10.2020).
11. Social Responsibility in the Diocese of Leicester. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.leicester.anglican.org/content/pages/documents/1565188033.pdf> (дата обращения: 09.10.2020).
12. Together Leicester: Annual Report and Accounts for the period 23 August 2017 to 31 December 2018 // [Электронный ресурс]. – URL: http://apps.charitycommission.gov.uk/Accounts/Ends57/0001175357_AC_20181231_E_C.PDF (дата обращения: 03.10.2020).
13. Ministry costs 2019 of Southwell & Nottingham Diocese [Электронный ресурс]. – URL: https://southwell.anglican.org/wpcontent/uploads/2019/07/SD_2019MinistryCosts_WEB.pdf P. 2 (дата обращения: 08.10.2020).
14. Great Britain. Census Office, Horace Mann Census of Great Britain, 1851: Religious Worship in England and Wales // Harvard University. – G. Routledge, 1854. – 142 p. – URL: <http://www.archive.org/details/censusgreatbrit00manngoog>
15. J.E.G. de Montmorency Divorce law in England. London, England, 1926. – 49 p. – URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8123&context=penn_law_review

16. The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 1857. – p. 824. – URL: <https://books.google.ru/books?id=hIVDAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

17. The Convocation Prayer Book and The Book of Common Prayer. – London: John Murray, 1880. – 472 p.

18. Лопухин А.П. История христианской церкви в XIX веке: в 2 т. – Пг.: Изд. А.П. Лопухина, 1900–1901. Т. 1: Инославный христианский Запад. – 588 с.

19. Daggers J. The Victorian Female Civilising Mission and Women's Aspirations towards Priesthood in the Church of England // *Women's History Review*. – 2001. – V. 10. – P. 651–670.

20. Church of England The Official Year-book of the Church of England // Society for Promoting Christian Knowledge. – 1883. – P. 840. – V. 1. – URL: <https://archive.org/details/officialyearboo05britgoog/mode/2up>

21. Flew S. *Philanthropy and the Funding of the Church of England, 1856–1914*. – Routledge, 2015. – 272 p.

References

1. Akolzina M.K. *Vliyanie cerkovnyh institutov na socialno-korporativnye svyazi torgovo-promyshlennogo naseleniya gorodov agrarnoj gubernii v XIX v.* [Influence of church institutes on social corporate affairs of trade industrial population of the cities of the agrarian province in the XIX century] // *Socialno-ekonomicheskie yavleniya i process* [Social and economic phenomena and processes]. – 2014. – № 10. – P. 160–169.

2. Fot A. T. *Semya prihodskogo svyashennika Orenburgskoj eparhii v kontekste realij bytovoj povsednevnosti* [The family of an Orenburg eparchy parish priest in the context of household daily life realities] // *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology] – 2015. – № 14 (369). – P. 144–152.

3. Samojlova O.A. *Budni selskogo prihoda konca XIX – nachala XX v.: istoriya vzniknoveniya, tradicii, lyudi (s. Karian-Voroncovka Karianovskoj volosti Tambovskogo uezda* [Everyday life of a rural parish at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: history of origin, traditions, people] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Human sciences] – 2007. – № 11 (55). – P. 300–304.

4. Filatov P.V. *Malenkij chelovek selskogo cerkovnogo prihoda pervoj poloviny XIX veka: kazus povsednevnosti* [The little man of a rural parish of the first half of the XIX century: an incident of daily life] // *Aktualnye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. [Actual problems of the humanities and natural sciences] – 2012. – № 2 – P. 61–64.

5. Suslova E.D. *Cerkovnyj prihod: sredotochie socialnoj i duhovnoj zhizni krestyanskogo soobshestva v Karelii rannego Novogo vremeni* [Church parish as the center of social and spiritual life of peasant community in early modern Karelia] // *CARELICA*. – 2016. – № 2 (16). – P. 50–63.

6. Krylov P. V. *Religioznaya povsednevnost finnov-lyuteran Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti: pravoslavnoe vliyanie i sekulyarizaciya* [Religious daily routine of the Finnish-Lutheran in Saint-Petersburg and Leningrad region: the Orthodox influence and secularization] // *Istoriya povsednevnosti* [history of everyday life]. – 2017. – № 2 (4). – P. 30–42.

7. Zubanova S.G., Stepanov I.I., Patyulina N.D., Ruzanova N.P. *Socialnoe sluzhenie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: voprosy istorii, teorii, praktiki* [Social ministry of the Russian Orthodox Church: questions of history, theory, practice]. – M.: Lika, 2013. – 463 p.

8. Balabejkina O.A., Lavhaeva D.N. *Anglikanskaya Cerkov: ekonomicheskij, pravovoj, territorialnyj aspekty deyatel'nosti v Velikobritanii* [Anglican church: economic, legal, spatial dimensions of religious activities in Great Britain] // *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij* [Journal of Legal and Economic Research]. – 2018. – № 1. – P. 91–98.

9. Balabejkina O.A., Karaseva E.A. *Gosudarstvennaya Hristianskaya Cerkov Anglii kak konfessionalnaya dominanta regiona: eparhiya Derbi* [The Church of England as the region's denominational dominant: diocese of Derby] // *Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni: sbornik nauchnyh statej po itogam II Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Human sciences and challenges of our time: collection of scientific articles on the results of the II All-Russian scientific conference with international participation]. – SPb.: SPBGEU, 2020. – P. 213–216.

10. The Church of England: research and statistics for mission 2018 // [Electronic resource]. Access mode: https://www.churchofengland.org/sites/default/files/201910/2018StatisticsForMission_0.pdf (data obrashcheniya: 08.10.2020).

11. Social Responsibility in the Diocese of Leicester. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.leicester.anglican.org/content/pages/documents/1565188033.pdf> (data obrashcheniya: 09.10.2020).

12. *Together Leicester: Annual Report and Accounts for the period 23 August 2017 to 31 December 2018* // [Electronic resource]. Access mode: http://apps.charitycommission.gov.uk/Accounts/Ends57/0001175357_AC_20181231_E_C.PDF (data obrashcheniya: 03.10.2020).

13. Ministry costs 2019 of Southwell & Nottingham Diocese // [Electronic resource] Access mode: https://southwell.anglican.org/wpcontent/uploads/2019/07/SD_2019MinistryCosts_WEB.pdf P.2 (data obrashcheniya: 08.10.2020).

14. Great Britain. Census Office, Horace Mann Census of Great Britain, 1851: Religious Worship in England and Wales // Harvard University. – G. Routledge, 1854. – 142 p. – URL: <http://www.archive.org/details/censusgreatbrit00manngoog>

15. J.E.G. de Montmorency Divorce law in England. London, England, 1926. – 49 p. – URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8123&context=penn_law_review

16. The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 1857. – p. 824. – URL: <https://books.google.ru/books?id=hIVDAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

17. The Convocation Prayer Book and The Book of Common Prayer. – London: John Murray, 1880. – 472 p.

18. Lopuhin A.P. *Istoriya hristianskoj cerkvi v XIX veke: v 2 t.* [History of the Christian Church in the XIX century in 2 volumes]. – Petrograd: izdanie A. P. Lopuhina [edition A.P. Lopuhina], 1900–1901. T. 1: *Inoslavnyj hristianskij Zapad* [Unorthodox Christian West]. – P. 588.

19. Dagers J. The Victorian Female Civilising Mission and Women's Aspirations towards Priesthood in the Church of England // *Women's History Review*. – 2001. – V. 10. – P. 651–670.

20. Church of England The Official Year-book of the Church of England // Society for Promoting Christian Knowledge. – 1883. – P. 840. – V. 1. – URL: <https://archive.org/details/officialyearboo05britgoog/mode/2up>

21. Flew S. *Philanthropy and the Funding of the Church of England, 1856–1914*. Routledge, 2015. – 272 p.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 323.1(476):398

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX вв.);

03.17: История Белоруссии

И.Г. Бочило

Этнические меньшинства Беларуси в малых жанрах фольклора

С давних времён на белорусских землях происходили интенсивные процессы межэтнической коммуникации. Особенное географическое положение способствовало появлению здесь ещё в эпоху Средневековья и Нового времени представителей таких крупных этнических групп, как поляки, татары, евреи, русские, цыгане и т. д. Опыт взаимодействия белорусского этноса с ними нашёл своё выражение в различных произведениях устного народного творчества, в частности в малых жанрах фольклора. Пословицы и поговорки охватывают все стороны существующей действительности, в то время как песни, сказки, былины посвящены, как правило, определённым эпизодам, случаям, они затрагивают отдельные стороны истории, жизни людей. Основным источником возникновения пословиц и поговорок были народные наблюдения. Последние часто велись на основе антиномии «мы – они», «свои – чужие».

В статье отмечается, что образ чужого формируется как общие знания относительно материальной, духовной и социальной культуры представителей различных этнических общностей, живущих рядом с белорусами. Так, вся совокупность произведений малых жанров фольклора, связанных с темой этнических меньшинств, условно разделена на две группы. Каждая группа пословиц и поговорок рассматривается отдельно. Специальное внимание обращено на причины того, что чаще всего героями белорусских пословиц и поговорок становились евреи и цыгане, реже – русские, поляки, украинцы. Отмечается, что в фольклорных произведениях конфессиональный признак часто идентифицируется с признаком этничности. В заключение подчеркивается актуальность и возможность использования фольклорных жанров в исследовании проблемы этнических меньшинств в Беларуси.

Ключевые слова: этнические меньшинства, белорусы, малые жанры фольклора, пословицы, поговорки.

Irina G. Bochilo

Ethnic minorities of Belarus in small genres of folklore

Intensive processes of inter-ethnic communication took place in the Belarusian lands since the ancient times. The special geographical location contributed to the appearance of representatives of such large ethnic groups as Poles, Tatars, Jews, Russians, Gypsies, etc. in the Middle ages and Modern times. The experience of interaction of the Belarusian ethnic group with them has found its expression in various

© Бочило И.Г., 2020

© Bochilo Irina G., 2020

works of oral folk art, in particular in small genres of folklore. Proverbs and sayings cover all aspects of the existing reality, while songs, fairy tales, epics are usually devoted to certain episodes, cases, affect certain aspects of history, people's lives. The popular observations were the main source of their occurrence. They were conducted on the basis of the antinomy "we – they", "friends – strangers". The article notes that the image of a stranger is formed as a general knowledge about the material, spiritual and social culture of representatives of various ethnic communities living near Belarusians. The author divides the entire set of works of small genres of folklore related to the theme of ethnic minorities into two groups. Each group of proverbs and sayings is considered separately. Special attention is paid to the reasons why most often the heroes of Belarusian proverbs and sayings were Jews and Gypsies, less often – Russians, Poles, and Ukrainians. It is noted that the confessional sign is often identified with the sign of ethnicity in folklore works. In conclusion, the author emphasizes the relevance and possibilities of using folklore genres in the study of the problem of ethnic minorities in Belarus.

Key words: ethnic minorities, Belarusians, small genres of folklore, proverbs, sayings.

История появления многих из ныне представленных этнических меньшинств в Беларуси уходит своими корнями в эпоху Средних веков и Нового времени. Так, более шестисот лет назад здесь появились первые группы поляков, татар, евреев, русских, цыган и др. Одной из важнейших причин формирования такой пёстрой этнической структуры является толерантность общества Великого княжества Литовского. Это в значительной степени предопределило формирование впоследствии устойчивых традиций этнической терпимости, действующих и сегодня [1, с. 112]. Именно исторический опыт межэтнических отношений, формы и способы взаимодействия меньшинств и этнического большинства вызывают значительный интерес у исследователей полиэтнических обществ. В изучении проблемы меньшинств традиционно выделяется несколько подходов, отдельно среди которых необходимо отметить антропологический (этнологический): восприятие этнических меньшинств независимо от социально-политического статуса как этнических групп особого вида, носителей иной культуры [2, с. 8]. На сегодняшний день в белорусской этнологии используется целый комплекс источников для изучения рассматриваемой проблемы. Среди них различные виды письменных свидетельств, разнообразные записи и иные фиксации данных, изоматериалы и пр. Однако в значительной степени обделено вниманием или вовсе остаётся невостребованным фольклорное наследие, которое среди духовных достижений каждого народа имеет особенную культурную и научную

ценность. Фольклор объединяет различные виды народного искусства, однако используется преимущественно для обозначения искусства слова – устно-поэтического творчества. Вместе с тем фольклор понимается не только как совокупность жанров устного народного творчества, но и как система взглядов на окружающий мир, традиционная духовная культура в целом в многочисленных её проявлениях. Соответственно сами фольклорные жанры могут рассматриваться не только в художественном аспекте, но и как функциональная составляющая народной жизни [3, с. 280]. Именно фольклор в ряде случаев может дать не сразу очевидную, но не менее интересную информацию, чем, например, статистика. Народный опыт и наблюдения благодаря связи между поколениями и традиционности фольклора в состоянии передать самое яркое и особенное в характеристике тех, кто жил рядом с белорусами на протяжении веков.

Среди многочисленных жанров устного народного творчества белорусов значительную роль в осмыслении образа чужого сыграли поучительные и мудрые своей морально-практической философией пословицы и поговорки [4, с. 13]. Благодаря самоотверженной работе собирателей и исследователей белорусского фольклора ещё на рубеже XIX–XX вв. была сформирована научная база для глубокого изучения духовной культуры белорусов. Среди тех, кто собирал белорусские пословицы и поговорки, и чьё наследие впоследствии легло в основу обобщающих изданий, были братья Тышкевичи, Я. Чечет, И. Носович, П. Шпилевский, П. Шейн, М. Федоровский, А. Сержпутовский, Е. Ляцкий и многие другие. Систематизация достижений этого жанра была осуществлена уже во второй половине XX в. Так, одной из важнейших работ учёных Национальной академии наук Беларуси стало много-томное издание «Беларуская народная творчасць», первый том которого вышел в 1970 г. Классификация фольклорных материалов в серии «БНТ» основывается на жанрово-видовом, функциональном, тематическом принципах. В данной статье мы работали с томом «Прыказкі і прымаўкі» (1976), который состоит из двух книг. Это наиболее полный научно систематизированный свод таких малых жанров фольклора, как пословицы и поговорки.

В развитии послевоенной белорусской фольклористики, помимо научных сотрудников АН БССР, значительную роль играли высшие учебные заведения страны, а также энтузиасты, которые много сде-

лали для сохранения фольклорных архивов, для дальнейшего изучения устного народного творчества. В этой связи отдельно стоит упомянуть имя белорусского писателя, филолога Ф. М. Янковского. Долгие годы профессор Янковский изучал белорусскую фразеологию, проблемы стилистики и культуры языка. Он является составителем сборников афоризмов, пословиц и поговорок, сравнений, фразеологизмов: «Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі» (1957), «З беларускіх літаратурных крыніц» (1960), «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы» (1962). В представленной статье использовались материалы, опубликованные Ф. М. Янковским в сборнике 1957 г., а также дополненная и переизданная в 1992 г. работа «Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы».

Малоизвестные пословицы и поговорки из архивов этнографов и фольклористов XIX в., а также фольклорного архива БГПУ им. М. Танка, были обобщены А. Аксамитовым в специальном сборнике «Прыказкі і прымаўкі» (2000).

Пословицы и поговорки являются наиболее удачным и содержательным источником для изучения образа этнических меньшинств, их отношений с белорусским этносом. Во-первых, это связано с тем, что, являясь самыми короткими по форме, они в то же самое время точно и чётко передают информацию. Во-вторых, в отличие, например, от легенд и сказок, им не свойственны элементы фантастики, поскольку они основываются на синтезировании реальных явлений, типизации конкретных фактов из жизни общества. В-третьих, будучи атрибутом живого народного разговора этот жанр является самым распространённым и многочисленным [5, с. 21]. Так, основным источником возникновения пословиц были разнообразные жизненные наблюдения, исторические ситуации, черты характера людей. Причем подобные наблюдения очень часто велись на основе антинормы *мы – они, свои – чужие*. Границей в данной антитезе могли быть родственные связи, социальное равенство, внешние характеристики: «Чужое сваім не заві», «Хто не шануе чужога, той свайго не мае» [6, с. 436–444], «Багаты беднаму не сябра», «Багаты брат беднаму брату не рад» [4, с. 25]. Каждый народ стремится осознать себя, своё место в истории и культуре. Нарисовать себе портрет чужого – соседа, иностранца или иноверца – это значит в некоторой степени осознать самого себя, свою уникальность и особенность. В народной культуре отношение к пред-

ставителям других этносов очень часто определяется через понятие этноцентризма, когда *свои* традиции, *своя* религия, *свои* обычаи и *свой* язык воспринимаются как единственно *настоящие* и *правильные*: «Свой свайму паняволі брат», «Свой хоць над вадою патрасець, але ж у ваду не ўнясець», «Род, племя блізка, а свой род бліжэй» [6, с. 139].

Образ чужого формируется как общие знания относительно религии и быта, обрядов и ритуалов, языка и верований этнических меньшинств. В народном сознании *чужак* – это представитель иноэтнической общности, соотносимый с категорией «другого мира» в отличие от «коренных», «местных». Одна из главных черт чужака – иноязычие – соответствовало немоте или природному непонятному языку [7, с. 213]. Чужакам также очень часто приписывались разнообразные недостатки физического, интеллектуального и морального плана. Считалось, что в отличие от «людей» у евреев нет души, а только «пар», как у животных, а русские владеют невысоким интеллектом: «Не дуры Маскву, яна і так дурная» [8, с. 557–559].

Отличия чужаков лежат в их соотношении с нечистой силой. В белорусском фольклоре чёрт очень часто выступает в образе, например, «чёрного маскаля». Чужаку приписывались и сильные магические способности (преимущественно деструктивного характера). В белорусских заговорах как вредительское фигурирует «вока цыганскае, жыдоўскае, татарскае, маскоўскае». Предполагаемая связь чужаков с нечистой силой делала категорически недопустимым их участие в ритуалах календарного и семейного циклов. Так, например, евреев и цыган никогда не брали в кумовья. Такие представления об отдельных этнических меньшинствах были характерны не только для белорусов, но и в целом для славян. Представители иных этносов могли выступать в виде определённого мифологического народа, великанов, людоедов. Такими, по представлению русских, были «чудь», «паны», «литва». Они отличались своей силой и ростом, обладали богатством, убивали и съедали людей, а потом незаметно исчезали [7, с. 213–215]. В приметах, связанных с чужаками, выявляются и положительные черты. Так, новорождённый будет здоровым, когда его в первый раз покормит цыганка (сербское поверье). В семье, где постоянно умирали дети, приглашали к новорожденному чужака (у южных славян). Трактовка образа чужого в белорусском фольклоре динамично развивается

между двумя полюсами – неприятия и толерантности. Именно в этой полярности и заключается уникальность всего комплекса представлений о *чужих*, который отражает и этноконфессиональную полемику, и общественное противостояние, и культурное взаимовлияние [9, с. 7].

На формирование фольклорного образа чужого влияла модель культурного соседства, которая сложилась в том или ином регионе. Например, для становления комплекса стереотипных представлений о евреях было немаловажным, в какой среде они формировались – среди жителей местечек с доминирующим еврейским населением или в сельской местности, где немногочисленные еврейские семьи жили в окружении соседей-славян [9, с. 39]. Из местечковой среды, где до этого сохранились материальные остатки «еврейского присутствия» (кладбища, синагоги), можно получить значительный пласт информации, которая касается евреев. Хотя местечковое еврейство составляло достаточно обособленную группу населения, соседи-славяне могли наблюдать за их обрядовыми действиями, культурой. В сельской местности тип региональной культуры был иным: многочисленные еврейские семьи жили в окружении местного населения, в таких же, как и они, домах, ближайшее местечко находилось за несколько десятков километров. Местные жители почти ничего не знали о религиозной жизни евреев, их культовых ритуалах. При таком отсутствии материальных свидетельств чужой культуры тут складывалось своё видение представителей этнического меньшинства: евреи во многих случаях становились *своими чужими*, которые растворялись в местной культуре.

Представления о *чужой* вере и *чужом* народе находят отражение в фольклорных произведениях [9, с. 8], причем представители каждого из существующих в Беларуси меньшинств наделялись своим особым комплексом характеристик. Всю совокупность такого рода пословиц и поговорок можно условно разделить на две группы.

- Высказывания, которые передавали наиболее специфические качества характера и поведения.

Благодаря длительным наблюдениям, тесным контактам, белорусы тонко подмечали основные качества тех, с кем они имели дело. Наиболее ярким и распространённым персонажем белорусского фольклора является еврей. Представители этой этнической группы, по представлениям белорусов, являлись особами хитрыми, готовыми

на многое ради личной выгоды – «Жыд на тоя на свеці, каб дабро ні заліжала ў клеці» [10, с. 12]; нередко мстительными – «Як бог да Шлёмки, гэтак і Шлёмка да Бога» [11, с. 126]. К слову сказать, крайняя поговорка, по мнению некоторых специалистов, происходит из сказки: Шлёмка попросил у Бога, чтобы тот помог спастись от рекрутчины, но парня поймали и отдали служить. После этого Шлёмка в субботу взял топор и начал рубить дрова. На замечание, что это грех, ответил: «Як бог да Шлёмки, гэтак і Шлёмка да Бога» [12, с. 66]. Часто белорусы характеризовали евреев как людей, умеющих искусно льстить – «Ходзіць жыдок ходарэм перад панам Хведарам» [11, с. 217]; любителей излишнего самохвальства – «Кожны жыдок хваліць свой крамок (тавар, сваю жонку)» (хвалит своё, хоть часто и плохое) [11, с. 55].

Некоторые представления о явлениях природы также связываются с евреями (дождь при солнце – *жыдоўскі дождж*). Во время обряда вызывания дождя на Полесье в колодец бросали горшок, украденный у соседей-евреев, обливали евреев водой (д. Барбаров Мозырского р-на). Для народной демонологии характерны представления о евреях-знахарях, представления о хапуне (чёрт хватает еврея в судную ночь) [11, с. 174].

Отдельное место в белорусском фольклоре занимают цыгане. Первые исторические свидетельства о появлении этнической группы цыган на землях Беларуси относятся ко второй половине XV – первой половине XVI в. Основное направление миграционных потоков шло с юга и запада – через территории Украины и Польши из Румынии, Венгрии, Германии, Турции, Армении и др. В документах того времени их называли иногда «египтянами», «филистимлянами из малого Египта», а также «цыганами», причём последний этноним уже с XVI в. был преобладающим [13, с. 658]. Селились они на окраинах местечек и городов, где существовали хорошие условия для торговли, ремесла и так называемого цыганского промысла – гадания, знахарства и пр. Власти ВКЛ и Речи Посполитой подозрительно относились к цыганам. Тем не менее, последние находились под охраной шляхты, заинтересованной в талантливых коневодах, кузнецах и дрессировщиках диких животных. Действительно, цыгане стали известны как кузнецы, ювелиры, коневоды, музыканты, певцы, танцоры и дрессировщики животных, а цыганские женщины – ворожеи и знахарки [8, с. 545]. Народный же опыт наделяет цыган следующими качествами:

– плутовство – «Цыган спосабам хату спаліў» [4, с. 289];

– находчивость, хитрость, выносливость, стойкость, умение приспособливаться к различным обстоятельствам – «Цыган як галея, дык смялея» (бедность придаёт смелости) [11, с. 116]; «Цыган і пад бараной укрыецца» (укрывался от дождя) [14, с. 128];

– хвастовство – «Кожны цыган сваю кабылу хваліць» [11, с. 55], «Цыган сваю кабылу хваліць, а чужую пад плот валіць» [3, с. 317];

– способность на обман – «Цыган бо жыцца і лжэ» [15, с. 239], «Цыган цыганьскую й прауду гавора» [10, с. 57].

Своё представление сформировалось и относительно быта цыган. Так, белорусы в шутку называли луну «цыганскім сонцам»: *Ты цыганскаму сонцу павер і спакою істотай даверся, адгадаеш тады па траве, што пад ёй і што ў небе наверху*. Выражение рассказывает о привычной жизни цыган, которые ночевали в шатрах или под открытым небом, переезжали на новое место, особенно летом, при свете луны и для них «ноч – матка: усё гладка» (намёк на кражу лошадей) [16, с. 146–147].

Как и представители других этнических меньшинств, цыгане также наделялись сверхъестественными силами. Например, в д. Кармазы Стародорожского района, согласно преданию, цыганка прокляла церковь, и та провалилась. Появилось озеро, которое позже стало болотом [8, с. 545].

• Изречения, которые отражали социальное положение представителей различных этнических меньшинств.

На протяжении всей своей истории белорусы, как и остальные славянские народы, с уважением и искренностью относились к труду. Неслучайно народная мудрость поучает: «Работа не бясчэсціць чалавека, а крэпіць і цешыць», «Праца не паганіць чалавека, а корміць, поіць і вучыць», «Без працы не есці пірагоў» [17, с. 164–182]. При этом традиционным занятием белорусов было земледелие: «Зямля – талерка: што пакладзеш, тое і возьмеш» [18, с. 47], «Паміраць збірайся, а жыта сей», «Хто добра арэ, жне і косіць, той есці не просіць» [19, с. 16–17]. Именно трудолюбие и уважение к земле являлись одним из важнейших критериев, посредством которого белорусы выстраивали свои отношения с представителями этнических меньшинств. Отсюда специфическая, отличная от земледелия, деятельность цыган (кража лошадей, магия) и евреев (корчмарство, ростовщичество, торговля)

также приобретали для белорусов знаковую форму. Считалось, что приобретенное у евреев или цыган «у руку не пойдзе», и этот товар нужно быстрее продать, чтобы он не пропал зря. Присутствие еврея или цыгана во сне трактовалось как предвестник обмана, потери, неудачных приобретений или продажи.

Особое отношение было к татарам, которые появились на белорусских землях ещё в XIV в. Великие князья литовские приглашали их из Золотой Орды и Крыма для военной службы и использовали в борьбе с Тевтонским орденом. В белорусской микротопонимике сохранился образ татарина как врага [8, с. 503]. Однако стоит отметить, что татарское меньшинство не было социально однородным. Отдельную группу составляли потомки военнопленных, которые жили в основном в городах и местечках в так называемых «татарскіх вуліцах», «татарскіх канцах» и занимались различными ремёслами – кожевенным и портняжным, огородничеством, коневодством и пр. Селились татары и в Минске, освоив болотистые места за Замком. О татарах Минской губернии говорили: «Татары – добрыя гаспадары», отмечая также, что усадьба татар всегда была ограждена и имела ухоженный, хоть и небольшой, огород и сад [10, с. 45].

Основной пласт пословиц и поговорок, которые рассказывали о занятиях и положении представителей этнических групп в белорусском обществе, чаще всего касался евреев. Первая зафиксированная историческими документами миграционная волна евреев на территорию Беларуси наблюдалась во второй половине XIV – начале XV в. Великие князья литовские рассматривали евреев как влиятельное финансовое сообщество, поддержка которого была экономически выгодной. Это нашло отражение и в белорусском фольклоре: «За тым жыд і на свеці живець, што грошы маець» [10, с. 12]. Преимущественная часть еврейского меньшинства занималась мелкой торговлей и ремеслом. В этой деятельности они проявляли себя как особы способные и талантливые: «Крамар як камар: дзе сядзе, там і п’е». Значительной и особенной прослойкой были еврей-шинкари. Принуждение крепостного крестьянина пить спиртное только в панских корчмах, которые в свою очередь арендовали евреи, нередко для последних являлось «золотым» источником обогащения [20, с. 19]: «Карчмарова вока і праз лахманы грыўню бачыць» [17, с. 353]. В белорусском фольклоре сложился устойчивый образ еврея как главной причины появле-

ния водки в Беларуси и подчинения через неё крестьян пану [20, с. 20]: «Шынок добры і жыд добры: водкі дасць і спаць пад лаўку паложжа», «Жыд хоць і махлюя, але гарэлкай частуе» [10, с. 12, 61], «Шынкар п'яніцу любіць, ды дачкі за яго не аддасць» [6, с. 353]. Торговля алкоголем приближала евреев к нечистой силе (водка как изобретение чёрта), делала их слугами «ліхога». Показательно, что согласно фольклорной традиции начальным местонахождением евреев был ад, откуда их за бутылку водки выпустил пьяница, после чего они расселились по всей земле. Однако и после смерти еврей (как и большинство чужаков) не может попасть в рай и опять оказывается в аду: «Пана гром забіў, жыда чорт ухапіў» [8, с. 557–559].

С конца XVIII в. отношение властей к евреям меняется, они лишаются части своих былых привилегий. В соответствии с законом о черте еврейской оседлости 1794 г. евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством, а также предписывалось селиться исключительно в городах и местечках. Наиболее ярко суть этого закона передается в следующей белорусской пословице: «Нядобра, калі жыд пазная грунт, а мужык пазная хунт» (крестьянин должен держаться земли, а еврей торговли) [11, с. 73]. В целом же всякое отношение категории чужака к аграрному циклу воспринималось коренным населением как небезопасный фактор. Так, когда при сборах на поле встречался еврей, работу нужно было отменить и перенести на другой день. В противном случае вместо зерна могли вырасти только одни сорняки [8, с. 557–559].

Чаще всего героями белорусских пословиц и поговорок становились евреи и цыгане, реже – русские, поляки, украинцы. Во-первых, похожие по культуре и образу жизни славяне могли входить в категорию *своих*. Так, например, исторические источники не всегда выделяют украинское население на территории Беларуси. Украинцы чаще всего идентифицировались с белорусами под одним этнонимом «русіны» и одной религиозной принадлежности (православной или униатской). Однако традиционная культура украинских переселенцев имела специфические черты и отличалась от белорусской. Эти особенности наблюдаются в этническом самосознании: белорусы чаще называли соседей «хахламі», а украинцы белорусов – «ліцвінамі» или «літвакамі».

Во-вторых, основным критерием отнесения к категории *своих* был ещё и показатель религии. Фактор конфессиональной принадлежности

вообще играет в системе ценностей народной культуры важную роль. Принадлежность к доминирующей конфессии является для представителей любого этноса главным условием того, что он – неотъемлемая часть своего народа. Именно поэтому в фольклорных представлениях о *своей* вере и о *своем* народе конфессиональный признак очень часто идентифицируется с признаком этничности [9, с. 76]. Так и для белорусов все, кто исповедовали одну с ними религию, могли относиться к категории *своих*. Соответственно евреи, которые исповедовали иудаизм, и «цыгане-атеисты» в эти ряды не попадали. В бывшем Пинском повете вблизи деревни Кухоцкая Воля про три кургана записано предание, что в одном похоронен татарин, во втором – пригнанные откуда-то евреи и в третьем – христианин [8, с. 174]. Русские чаще фигурируют в белорусском фольклоре как христианин в целом или московские воины [8, с. 435]. Кроме того, важно отметить, что миграционные волны не создали устойчивой этнической группы русских на территории Беларуси. Первой устойчивой группой русских в Беларуси были старообрядцы (староверы), которые расселились здесь в середине XVII в.

Пословицы и поговорки обозначенных вариантов могли использоваться в разных обстоятельствах. С одной стороны, с их помощью названные особенности могли переноситься на всех представителей этнического меньшинства, даже когда отдельным его членам они не были характерны. Так, образ хитрого еврея и лентяя-цыгана становился собирательным. С другой стороны, перенос мог происходить и в отношении *своих*, когда они владели обозначенными в пословицах и поговорках специфическими качествами. Не зря народный опыт учит: «Чужога добрага не гань, а свайго дрэннага не хвалі» [19, с. 85].

Таким образом, фольклорные произведения, в частности малые жанры, в их образно-языковом воплощении это факты народного видения мира, факты культурного бытия этноса. На протяжении веков они не только жили среди своих создателей, но и реагировали на изменения в самых разнообразных сферах человеческой жизни – политической, социально-экономической, культурной и пр. В них отражено понимание окружающего мира и социальной действительности, где отдельное место занимали различные этнические меньшинства со своей особенной культурой. Пословицы и поговорки как иные вербальные формы народной культуры являются универсальной систе-

мой выведения ценностей, сформированных на художественно-образном уровне, на уровень понятийно-рациональный, открывают исследователям дополнительный ракурс для научного взгляда на образ отдельных этнических меньшинств и межэтнических отношений в Беларуси.

Список литературы

1. Захаркевич С.А. Основные формы адаптации этнических меньшинств Беларуси в иноэтнической среде в XIV–XVIII вв. // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Мн.: БГУ, 2012. – Вып. 7. – С. 112–116.
2. Этнічныя меншасці ў Еўрапейскім Саюзе: асноўныя прававыя крыніцы. – Мн.: БДУ, 2017. – 295 с.
3. Валодзіна Т.В. Фальклор // Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве. – Мн.: БДУ, 2009. – С. 280–292.
4. Янкоўскі Ф.М. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі. – Мн.: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1957. – 451 с.
5. Касько У.К. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага. – Мн.: Вышэйшая шк., 2005. – 383 с.
6. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кнігах. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 615 с.
7. Славянская міфалогія. – М.: Элліс Лак, 1995. – 414 с.
8. Беларуская міфалогія. – Мн.: Беларусь, 2006. – 599 с.
9. Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 2005. – 287 с.
10. Ляцкий Е.А. Материалы для изучения творчества и быта белорусов. I. Пословицы, поговорки, загадки. – М.: Унив. тип., 1898. – 63 с.
11. Аксамітаў А.С. Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедраўных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. – Мн.: Беларуская навука, 2000. – 320 с.
12. Бласлаўлёнай зямлі неўміручыя скарбы: Народная духоўная культура Лагойшчыны: у 3 кн. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Кн. 3 – 186 с.
13. Кто живёт в Беларуси. – Мн.: Беларус. навука, 2012. – 799 с.
14. Ліцвінка В.Д. Слова міма не ляціць. – Мн.: Універсітэцкае, 1985. – 156 с.
15. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 490 с.
16. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мн.: Народная асвета, 1981. – 160 с.
17. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кнігах. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 556 с.
18. 3 вечнага: зборнік фальклорна-этнаграфічных матэрыялаў Случчыны. – Мн.: РНМЦ культуры, 1990. – 62 с.
19. Мудрасць жыцця. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2007. – 93 с.
20. Лобач У. Да гісторыі фармавання негатыўнага этнастэрэатыпа адносна яўрэяў на Беларусі // Нацыянальныя меншасці Беларусі: матэрыялы 1-й Нац. навук.-практ. канф., 21–22 мая 1996 г. – Брэст-Мінск-Віцебск: Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, 1996. – Кн. 2: Нацыянальныя меншасці і міжэтнічныя зносіны на Беларусі ў святле гістарычных фактаў. – С. 16–21.

References

1. *Zakharkevich S.A. Osnovnyye formy adaptatsii natsional'nykh men'shinstv Belarusi v chuzhoy etnicheskoy srede v XIV–XVIII vv.* [The main forms of adaptation of

ethnic minorities of Belarus in a non-ethnic environment in the XIV–XVIII centuries] // *Russko-slavyanskiye issledovaniya: nauch. sidel.* [Russian and Slavic studies]. – Mn.: BGU, 2012. – Vyp. 7. – S. 112–116.

2. *Etnicheskiye men'shinstva v Yevropeyskom Soyuze: osnovnyye pravovyye istochniki* [Ethnic minorities in the European Union: main legal sources]. – Mn.: BDU, 2017. – 295 s.

3. *Volodin T.V. Fol'klor* [Folklore] // *Etnologiya Belarusi: traditsionnaya kul'tura naseleniya v istoricheskoy perspektive* [Ethnology of Belarus: traditional culture of the population in historical perspective]. – Mn.: BDU, 2009. – S. 280–292.

4. *Yankovskiy FM Belorusskiye narodnyye poslovitsy i pogovorki* [Belarusian folk Proverbs and sayings]. – Mn.: Izd-vo AN BSSR, 1957. – 451 s.

5. *Kasko V. Poles'ye divasil: belorusskiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, pogovorki: iz sokrovishchnitsy A.K. Serzhputovskogo* [Poleskaya nard: Belarusian folk Proverbs, sayings, parables: from the Treasury of the A. K. Sierzputowska]. – Mn.: Vysheyshaya shkola, 2005. – 383 s.

6. *Poslovitsy i pogovorki: v 2 kn.* [Proverbs and sayings: in 2 books]. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1976. – Kn. 2. – 615 s.

7. *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]. – M.: Ellis Lak, 1995. – 414 s.

8. *Belorusskaya mifologiya* [Belarusian mythology]. – Mn.: Belarus', 2006. – 599 s.

9. *Belova O.V. Etnokul'turnyye stereotipy v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Ethno-cultural stereotypes in the Slavic folk tradition]. – M.: Indrik, 2005. – 287 s.

10. *Lyatskiy Ye.A. Materialy dlya izucheniya tvorchestva i byta belorusov. I. Poslovitsy, pogovorki, zagadki* [Materials for studying creativity and everyday life of Belarusians. I. Proverbs, sayings, riddles]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1898. – 63 s.

11. *Vel'vet A.S. Poslovitsy i pogovorki: Tolkovyy slovar' belorusskikh poslovits i pogovorok iz arkhivov, sobornykh sobraniy, redkikh izdaniy XIX i XX vekov* [Proverbs and sayings: Explanatory dictionary of Belarusian Proverbs and sayings from archives, Cathedral collections, rare editions of the XIX and XX centuries]. – Mn.: Belaruskaya navuka, 2000. – 320 s.

12. *Bessmertnyye sokrovishcha blagoslovennoy zemli: Narodnaya dukhovnaya kul'tura Logoyskogo kraya: v 3 kn.* [Бласлаўлёнай зямлі неўміручыя скарбы: Народная духоўная культура Лагойшчыны: у 3 кн.]. – Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2013. – Kn. 3 – 186 s.

13. *Kto zhivet v Belarusi* [Who lives in Belarus]. – Mn.: Belarus. Nauka, 2012. – 799 s.

14. *Litvinka V.D. Slovo ne proletayet nezametno* [The word doesn't fly by]. – Mn.: Uníversitets'kaye, 1985. – 156 s.

15. *Belorusskiye poslovitsy, pogovorki, slovosochetaniya* [Belarusian Proverbs, sayings, phraseological units]. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1992. – 490 s.

16. *Lepeshau I.YA. Etimologicheskyy slovar' frazeologii* [Etymological dictionary of phraseological units]. – Mn.: Narodnaya asveta, 1981. – 160 s.

17. *Poslovitsy i pogovorki: v 2 kn.* [Proverbs and sayings: in 2 books]. – Mn.: Nauka i tekhnika, 1976. – Kn. 1. – 556 s.

18. *Iz Vechnogo: sbornik fol'klorno-etnograficheskikh materialov Slutskaya* [From the eternal: a collection of folklore and ethnographic materials of Sluchchina]. – Mn.: RNMTS kul'tury, 1990. – 62 s.

19. *Mudrost' zhizni* [Wisdom of life]. – Mn.: Mastatskaya lítaratura, 2007. – 93 s.

20. *Lobach YU. K istorii formirovaniya negativnogo etnostereotipa o yevreyakh v Belarusi* [On the history of forming a negative ethno-stereotype regarding Jews in Belarus] // *Natsional'nyye men'shinstva Belarusi: materialy 1-y nats. nauchno-prakticheskoy konf., 21–22 maya 1996 g.* [National minorities of Belarus: materials of the

1st National science. proct. Conf., On may 21–22, 1996]. – Brest-Minsk-Vitebsk: Respublikanskiy tsentr natsional'nykh kul'tur, 1996. – *Kn. 2: Natsional'nyye men'shinstva i mezhnatsional'noye obshcheniye v Belarusi v svete istoricheskikh faktov* [Book 2: national minorities and interethnic communication in Belarus in the light of historical facts]. – S. 16–21.

С.А. Захаркевич

**Деятельность Комиссии по осуществлению
национальной политики ЦИК БССР
в отношении этнических меньшинств в 1920–1930 гг.**

В статье охарактеризована деятельность специального органа правительства Советской Беларуси – Комиссии по осуществлению национальной политики при ЦИК БССР в 1920–1930-е гг. Выяснены фамилии ряда руководителей и секретарей Нацкомиссии, их функции, определенные положением, принятым ЦИК, и реальное состояние дел. Нацкомиссия обладала довольно серьезными управленческими полномочиями, ее представители выезжали на места для сбора информации о реализации национальной политики, решения спорных или острых проблем на фоне этнических противоречий. В сфере внимания Нацкомиссии находились вопросы национального образования, создания и развития национальных сельских советов и национальных колхозов.

Однако формальные широкие полномочия Нацкомиссии в реальности серьезно ограничивались бюрократизмом и сознательным саботированием ее указаний в местных государственных и партийных органах. Тем не менее, за довольно короткий период с 1924 по 1934 гг. Нацкомиссия сумела оказать существенное влияние на национальную политику в БССР.

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнические меньшинства, национальная политика, БССР, национальные сельские советы.

Stepan A. Zakharkevich

**Activity at the Commission for the Implementation of National Policy
under the Central Executive Committee of the BSSR
in relation to ethnic minorities in 1920s – 1930s**

The article describes the activities of a special institute on the government of Soviet Belarus – the Commission for the Implementation of National Policy under the Central Executive Committee of the BSSR in the 1920s – 1930s. The names of a number of leaders and secretaries of the National Commission have been clarified, the functions determined by the regulation adopted by the CEC BSSR and the real state of affairs have been clarified. The National Commission possessed rather serious administrative powers, its representatives went to places to collect information on the implementation of national policy, to resolve controversial or acute problems against the background of ethnic contradictions. The National Commission focused on issues of national education, the creation and development of national village councils and national collective farms.

However, the formal broad powers of the National Commission in reality were seriously limited by bureaucracy and deliberate sabotage of its instructions in local state and party bodies. Nevertheless, in a fairly short period from 1924 to 1934. The National Commission was able to significantly influence the national policy in the BSSR.

Key words: interethnic relations, ethnic minorities, national policy, the BSSR, national village councils.

Белорусские земли исторически никогда не были этнически однородными. После Октябрьской революции и создания белорусской советской государственности на полиэтнических землях Беларуси [табл. 1] победил принцип активного вовлечения представителей всех этнических сообществ (в документах того времени они фигурировали под термином «национальности») в органы государственной власти.

Таблица 1

Национальный состав населения БССР 1924/1925 гг.

Национальность	Города	%	Сельская местность	%	Всего	%
Белорусы	240060	34,8	2719139	69,8	2960199	70,3
Русские и украинцы	162730	23,7	580445	16,5	743175	17,3
Евреи	260044	37,7	187623	5,2	447667	10,1
Поляки	14510	2,1	73405	2,0	87015	2,0
Другие	11837	1,7	21993	0,3	33830	0,3
ВСЕГО	689,181	16,1	3582705	83,9	4271886	100

НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

Практически сразу возникла необходимость в национальных органах ЦК КП(б)Б – национальных бюро. Также должен был появиться специальный орган, отвечающий за реализацию национальной политики большевиков: «При таком положении вещей безусловно выявилась необходимость приспособления аппарата к нуждам населения, т. е. необходимость предоставления возможности сношений на понятном населению языке. Каждому гр-ну необходимо было предоставить возможность обращаться в любое учреждение на своем языке. Белорусский язык признан государственным, а русский, польский и еврейский – равноправными...» [1, л. 17]. В марте 1921 г. в БССР был создан по аналогии с РСФСР Народный комиссариат по делам нацио-

нальностей (Наркомнац), главой которого стал М. Кипер [2, л. 32]. Однако уже 15 января 1922 г. решением ЦК КП(б)Б Наркомнац был упразднен [3, с. 65].

В 1924 г. была создана Комиссия по осуществлению национальной политики ЦИК БССР (далее – Нацкомиссия), и первым ее главой стал Дмитрий Силыч Чернушевич, уроженец местечка Копыль Минской губернии, с 1917 г. член РСДРП(б). Ответственным секретарем при нем работал некто Будин [4, л. 87, 88, 90, 93; 5, л. 14 об.]. В 1927 г. Д.С. Чернушевича на посту главы Нацкомиссии сменил Александр Исакович Хацкевич. В начале 1930-х гг. в документах Нацкомиссии в качестве секретаря стала фигурировать фамилия некоего Гольмштока [6, л. 1]. В 1925 г. под одним из документов оставил свою подпись старший деловод Нацкомиссии Нехай [7, л. 48].

На январском пленуме ЦК КП(б)Б в резолюции по докладу «Очередные задачи КП(б)Б в национальной политике» было принято решение: «...Комиссию по национальной политике при ЦИК БССР признать постоянно действующим органом, регулярно работающим, с постоянным работником – ответственным секретарем комиссии. В задачи этой комиссии включить главным образом проверку проведения в жизнь плана по осуществлению нацполитики во всех аппаратах» [8, с. 65].

Основной задачей Нацкомиссии была белоруссизация БССР и развитие этнических меньшинств (в документах того времени – «национальностей» или «национальных меньшинств»). В нашем исследовании основное внимание будет уделено именно деятельности Нацкомиссии по поддержке и развитию этнических меньшинств БССР.

На заседании Президиума ЦИК БССР от 21.02.1925 г. по итогам работы пленуме ЦК КП(б)Б было принято решение дополнить штат Секретариата ЦИК должностью ответственного секретаря по осуществлению национальной политики ЦИК, что свидетельствовало о расширении полномочий Нацкомиссии, которая до этого момента отдельного секретаря не имела [9, л. 32].

Постановлением ЦИК и СНК БССР №7 от 06.07.1925 г. было принято временное положение Нацкомиссии, которое регулировало функции и полномочия этого государственного органа, а также определяло его структуру [10, л. 37–39]. В соответствии с этим документом,

Нацкомиссия являлась постоянно действующим органом Президиума ЦИК БССР, который выполнял следующие задачи:

1) проверку исполнения постановлений ЦИК БССР и СНК БССР, а также планов реализации государственной политики во всех государственных, профессиональных и общественных учреждениях и организациях БССР;

2) отработку по собственной инициативе реализации мероприятий национальной политики;

3) рассмотрение проектов, планов различных учреждений и организаций о реализации национальной политики;

4) разработку инструкций по выполнению национальной политики для учреждений и организаций.

Положение определило также состав комиссии – девять постоянных членов, персонально назначавшиеся Президиумом ЦИК БССР, и секретарь. Изменение состава Нацкомиссии проводилось исключительно постановлением Президиума ЦИК БССР. Для работы со статистическо-учетными материалами в комиссию вводилась должность статистика. Делопроизводство создаваемого органа должен был вести технический отдел ЦИК БССР. Регулярность заседания комиссии строго не ограничивалось: «собираться по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц» [10, л. 37].

Нацкомиссия была подчинена Президиуму ЦИК БССР напрямую и должна была два раза в год готовить отчеты о проделанной работе. Временное положение подписали председатель ЦИК БССР А. Червяков, председатель СНК БССР Т. Адамович и секретарь ЦИК БССР Д. Чернушевич.

Нацкомиссия обладала следующими полномочиями:

- налаживать прямую и немедленную связь с центральными и районными учреждениями и организациями;

- проводить периодические исследования центральных, окружных и районных учреждений и организаций;

- заслушивать на собрании отчеты представителей центральных, окружных и районных организаций и учреждений.

Постановления Нацкомиссии в соответствии с положением должны были немедленно выполняться всеми учреждениями и организациями. Недовольные решениями комиссии могли обжаловать их в те-

чение двух недель перед Президиумом ЦИК БССР, что не приостанавливало исполнение решения Нацкомиссии.

Также ЦИК БССР, определив полномочия и функции Нацкомиссии, сразу же перенаправил в нее все вопросы, касающиеся национальной политики: «...В случае обращения с жалобами на нужды определенных национальных меньшинств, необходимо, чтобы эти вопросы были переданы в Национальную комиссию для предварительного рассмотрения...» [11, л. 4].

Очевидно, что такие широкие полномочия Нацкомиссии не могли быть местной инициативой. Истоки этого процесса можно увидеть в циркуляре Президиума ВЦИК от 13.11.1925, в котором раскрывались требования к уполномоченным ЦИК республик по делам национальных меньшинств:

« - они должны являться непосредственными исполнителями задач по проведению в жизнь на местах мероприятий в области национальной политики Соввласти, и как таковые осуществляют эти мероприятия в пределах подлежащей территории и защищают на ней права и интересы национальных меньшинств.

- они подчиняются президиумам ЦИК республик, и обязательно участвуют в заседаниях президиума ЦИК по всем вопросам, касающимся интересов национальных меньшинств, причем те уполномоченные, кои не являются членами президиума, пользуются на этих заседаниях правом совещательного голоса». В этом же циркуляре были прописаны 22 пункта обязанностей уполномоченных по делам национальных меньшинств [12, л. 27–30].

Одной из важнейших задач Нацкомиссии был сбор информации о проведении национальной политики на местах. Этот материал был необходим как центральным органам власти БССР, так и СССР. Так, например, Совет национальностей ЦИК СССР 29 октября 1925 г. постановил:

1. Не позже, чем в месячный срок ЦИК республик со дня получения сего документа предоставить письменный отчет о принятых ими мероприятиях по проведению национальной политики в соответствии с директивами 3 Съезда Советов СССР.

2. Получение периодической информации с мест – раз в три месяца.

3. Выезд на места представителей СН СССР для проверки фактической работы и состояния национальностей [13, л. 1–2].

Помимо указанных, в 1920-х гг. важной задачей Нацкомиссии было постоянное отслеживание и анализ национального состава государственных и партийных органов БССР в рамках процессов «коренизации».

Сбор информации Нацкомиссия проводила как самостоятельно, командирова специальных уполномоченных или ее членов, так и через отчеты местных органов власти или конкретных учреждений.

Так, в 1926 г. в Негорельский сельсовет на ст. Негорелое Койдановского района Минского округа был выслан представитель Нацкомиссии ЦИК БССР, который установил факты обложения налогом граждан-евреев, занимавшихся, кроме земледелия, и другими трудовыми промыслами (погрузка дров на железной дороге и т. д.) в то время, когда неевреи, получавшие такие же доходы, налогом не облагались. Все материалы по этому вопросу находились в Минском окружкоме КП(б)Б [14, л. 7]. В марте 1931 г. уполномоченный Нацкомиссии Круглянд проводил исследование экономического и культурного положения татарского населения Узденского района Минского округа [15, л. 4–5].

Примером использования для получения необходимой информации отчетов местных органов может служить письмо Президиума ЦИК БССР от 25 ноября 1925 г. в наркомат охраны здоровья БССР с просьбой подготовить отчет «о состоянии дела охраны здоровья среди отдельных национальностей, которые населяли БССР» [16, л. 20].

Информацию собирали и члены Нацкомиссии на местах. Так, например, в 1926 г. на имя секретаря Нацкомиссии Будина поступила рукописная записка с посланием: «Ты просил факты искажения и непонимания национальной политики. Из известных мне фактов я могу указать на некоторые». В записке приведены 16 фактов со всей БССР: в Червеньском районе инспектор образования игнорировал языковой принцип набора в белорусскую семилетку и набрал детей, не знавших белорусского языка, которых впоследствии пришлось переводить в еврейскую школу; в Лагойском районе в Чеботарской школе инспектор образования перевел польскоязычную школу в белорусскую, чем вызвал возмущение польского населения (вопрос удалось разрешить только специальному представителю Нацкомиссии); в Минске откры-

лась татарская изба-читальня, в которой вместо развития пролетарской культуры и антирелигиозных идей только учили татарский язык; в клубе деревообработчиков заведующий на всю выделенную сумму купил в библиотеку белорусскую литературу, а из 300 членов клуба 54 % – евреи, для которых книг на еврейском языке чуть более 50, что составляло 4,4 % всего библиотечного фонда и т. д. [17, л. 5–7].

Нацкомиссия в значительном объеме своей работы собирала материал по вопросам решения конкретных проблем на местах в сфере национальной политики. Для этого в округах были сформированы окружные национальные комиссии – окрнацкомиссии, в которых работал специальный инспектор, а также членами были работники окружных исполнительных комитетов (ОИК). В районных исполнительных комитетах (РИКах) таких спецуполномоченных уже не было, однако РИК имел право создавать районную нацкомиссию на общественных началах: «У нас в практике работы на местах наблюдается стремление к подготовке вопросов, организуют разные комиссии. В некоторых районах округа (Могилевского – С.З.), в том числе и в Быховском были организованы комиссии в помощь Райисполкомам в работе по проведению нацполитики по примеру округа, называли это национальными комиссиями...» [18, л. 9]. Такая вертикальная структура позволяла более-менее адекватно собирать материал по национальной политике на местах, а также реагировать на возникающие проблемы. Так, например, в 1926 г. в Могилевском округе окрнацкомиссией было решено ликвидировать два польских сельсовета, которые были организованы еще в 1924 г. по той причине, что на их территории не оказалось поляков (речь шла о дискуссии по поводу разграничения поляков и белорусах-католиках) [14, л. 7]. Вертикальная иерархия позволяла также жестко контролировать нижестоящие органы по реализации национальной политики: заседанием могилевской окрнацкомиссии от 15 января 1927 г. по вопросу «результаты осмотра работы Быховской Райнацкомиссии» «постановлено» с выводами комиссии согласиться, а также «...усилить работу по обслуживанию национальных меньшинств...» [14, л. 7]. В том же 1926 г. Бобруйская окрнацкомиссия сообщала в Нацкомиссию ЦИК БССР о розни между евреями и поляками в Шатилковском белорусском сельсовете, а также о проблемах между поляками и белорусами в Паричском районе, где работала польская школа, а белорусское население требовало открыть белорусскую школу [18, л. 9].

Когда местные органы власти были не в состоянии решить национальные проблемы либо не имели желание это делать, вопрос мог дойти до самого высокого уровня, и Нацкомиссия играла в этом процессе непосредственную роль. Так, в 1927 г. конфликт между поляками Межонковского с/совета Бельничского района и белорусами Дулебского с/совета Березинского района Борисовского округа решался на заседании Секретариата ЦК КП(б)Б по докладу Нацкомиссии с участием представителей всех местных заинтересованных органов – Польбюро Борисовского окружкома КП(б)Б, окружного инспектора ЦИТ (центральная инспекция труда), уполномоченного окружного ЦКК КП(б)Б [19, л. 34–36].

Местное население внимательно следило за работой местных органов власти и реагировало на нарушения в области национальной политики разными способами, в т.ч. жалобами в газеты. Так, в передовой статье «Гримасы» газеты «Октябрь» от 20 февраля 1927 г. были отмечены искривления в проведении национальной политики КП(б)Б, каковые имели место в работе Могилевской окрснацкомиссии. Из ответа окрснацкомиссии в редакцию газеты от 19 марта 1927 г. следовало, что районные комиссии по осуществлению национальной политики регулярно отчитывались перед вышестоящей инстанцией, а копии отчетов посылались в Минск в Нацкомиссию ЦИК БССР, а также в другие заинтересованные органы государственного и партийного управления [18, л. 8].

Большое внимание в деятельности Нацкомиссии уделялось созданию национальных сельских советов и анализу их работы. Так, в документе для Президиума ЦИК БССР от 14 декабря 1926 г. Нацкомиссия изучила деятельность девяти национальных сельских советов (трех польских, трех еврейских, двух немецких и одного латышского) из существовавших на тот момент в БССР 33 (18 еврейских (14 местечковых и четырех сельских), 11 польских, пяти латышских, двух немецких и одного русского) и пришла к следующим выводам: «...вообще организация и существование нацсельсоветов себя оправдала ... Поднялась активность населения, улучшились взаимоотношения между национальностями, укрепилось доверие со стороны нацменьшинств к Советской власти и Компартии...» [18, л. 14]. Однако были выявлены и значительные недостатки в работе таких местных органов: неурегулированность вопроса об обслуживании других национальностей (даже игнорирование их интересов); организация нацио-

нальных с/советов на территории, где конкретное этническое меньшинство составляет математическое меньшинство (особенно в отношении еврейских местечковых советов); случаи создания польских советов не по национальному, а по религиозному (проблема белорусов-католиков) признаку; отсутствие в составах администрации нацсоветов представителей других этнических общностей, проживающих на территории данного совета; случаи незнания администрацией нацсоветов языка основного этнического меньшинства данной территориально-административной единицы; отсутствие учета и плановости в работе; незнание администрацией нацсоветов своих функций; недостаточная информированность населения; низкий авторитет администрации нацсоветов; слабый контроль за их деятельностью со стороны райисполкомов и облисполкомов; отсутствие делопроизводства на национальных языках нацсоветов [18, л. 8].

Еще одной сферой деятельности Нацкомиссии была помощь в организации и функционировании национальных колхозов. Так, например, 1931 г. уполномоченными Нацкомиссии или по ее решению были обследованы китайский колхоз «Марковичи» Николаевского с/совета Городокского района Витебского округа и украинско-немецкие колхозы Хотковского с/совета Наровлянского района Мозырского округа, еврейские колхозы во всех округах БССР [6; 20]. В китайском колхозе произошел конфликт между китайцами и белорусами, который привел к фактическому расколу колхоза и последующей его реорганизации.

Одной из важнейших сфер, заслуживавших внимания Нацкомиссии, было образование этнических меньшинств в БССР. Через Нацкомиссию проходило значительное число статистики, связанной с национальным образованием, позволявшей увидеть общий фон этих процессов.

Таблица 2

Национальный признак школ в БССР в 1924/1925 учебном году

Национальная принадлежность школы	4-летка	7-летки	Техникумы
Белорусские	3533	90	23
Еврейские	87	42	2
Польские	99	5	1
Русские	34	29	-
Латышские	12	1	-
Немецкие	1	-	-

НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

В 1924 г. в отчете для ЦИК БССР о работе в Минском округе сообщалось, что «в районах округа школ имеется: 436 белорусских, 11 польских, 17 еврейских. В Минске – белорусских 12, еврейских 10, польских – 2, русских – 8». Постоянно мониторилась и анализировалась ситуация с количеством национальных школ, их оснащенностью, отношением к этим вопросам местного населения: «Расходы на постройку еврейской школы в Толочинском районе предусмотреть по местному бюджету на 1925/26 г. Оршанского округа» [11, л. 35]; «...со стороны польского населения выявлена тенденция обучаться на родном языке, в особенности в сельской местности Округа (минского – С.З.)...» [4, л. 9 об.]; «с целью повышения квалификации еврейских учителей двое из них было командировано Отделом наробраза в Москву на еврейские педагогические курсы (...) Польские школы обеспечены учителями, окончившими педагогические техникумы и хорошо владеющие польским языком...» [4, л. 12 об.]. В 1924–1925 гг. Нацкомиссией для Пленума ЦК КП(б)Б был подготовлен отчет «Практическое проведение национальной политики по линии НКП (народный комиссариат просвещения – С.З.) в 1924–1925 гг.», в котором провозглашался принцип материнского языка для определения типа школы для ученика: «...при посещении школ детьми в местностях с различным национальным составом и где имеются школы различных национальностей была дана директива при определении детей в школы, руководствоваться разговорным языком детей...» [4, л. 21]. В 1931 г. в Нацкомиссию была прислана для ознакомления копия постановления Президиума Минского городского Совета об обеспечении соответственным количеством мест в техникумах, средних и высших учебных заведениях для представителей татарского населения [15, л. 3].

Стоит отметить, что, несмотря на широкие полномочия Нацкомиссии, благоприятный фон белорусизации в 1920-х гг. многие ее запросы и решения не исполнялись как по причине бюрократизма, так и сознательного игнорирования районными, окружными и республиканскими органами власти, особенно партийными. Это было обусловлено как несогласием с национальной политикой белорусизации и коренизации, активной и широкой поддержкой этнических меньшинств, так и нежеланием государственных, а особенно партийных органов, подчиняться комиссии ЦИК БССР, которая в местной «табели о рангах», по видимому, стояла ниже. Так, Нацкомиссия разослала 26 января 1925 г.

циркуляр всем наркоматам и центральным учреждениям БССР подать по прилагаемой форме сведения о нацсоставе не позднее 15 февраля 1925 г., однако 23 марта 1925 г. Д.С. Чернушевич рассылает всем повторный циркуляр о срочном выполнении предыдущего [4, л. 1–4].

Руководству Нацкомиссии приходилось жаловаться на невыполнение запросов и решений. В секретном докладе председателя Нацкомиссии Чернушевича секретарю ЦК КП(б)Б Балицкому «Основные трудности в осуществлении нацполитики в БССР» подчеркивалось, что «...данные из округов доходили не всегда и нерегулярно. Об этом регулярно напоминали Окрисполкомам из Нацкомиссии...» [21, л. 90]. В докладной в ЦК КП(б)Б от 03.06.1926 № 266 Чернушевич заявлял: «...Такая ситуация и отношение к выполнению запросов Национальной комиссии ЦИК БССР не дают последней возможности для проведения работы. Пожалуйста, окажите помощь в получении необходимой информации, а также примите меры, чтобы подобное не повторилось...» [21, л. 97].

С конца 1920-х гг. политика белорусизации свертывается, что сказалось на содержании работы Нацкомиссии. В документах все больше появлялось политического содержания, а национальная повестка постепенно исчезала. В 1934 г. Комиссия по реализации национальной политики при ЦИК БССР была реорганизована в Отдел национальностей, а национальная политика фактически свернута. Первые руководители Нацкомиссии – Д.С. Чернушевич и А.И. Хацкевич были репрессированы и расстреляны в 1938 и 1937 гг. соответственно.

Таким образом, Нацкомиссия как специальный орган, отвечающий за национальную политику, оказался довольно интересным и активным учреждением, которое оказало заметное влияние на поддержание культурного своеобразия этнических меньшинств в Беларуси. Ее деятельность была сумбурной, не носила системный характер и постоянно сталкивалась с нежеланием местных органов власти выполнять указы и инструкции Нацкомиссии. Однако она сумела создать довольно эффективную систему сбора, анализа и репрезентации перед ЦИК БССР и ЦК КП(б)Б материалов о реализации национальной политики в Беларуси. К сожалению, быстрое свертывание белорусизации способствовало потере уникального опыта государственного управления национальными отношениями.

Список литературы

1. Отчет «Нацполитика Советской власти» б.д. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 701. Оп. 1. Д. 5.
2. Протокол заседания ЦК КП(б)Б №2 от 03.03.1921 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 425.
3. Пушкін, А.І. Грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць нацыянальных меншасцей у Беларускай ССР (1919–1991). – Магілёў: МДУХ, 2018. – 423 с.
4. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 4.
5. Краткая характеристика работы национальных советов в БССР от 14.12.1926 г. // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 4.
6. Итоги обследования колхоза «Марковичи» Николаевского с/с Городокского р-на от 23 мая 1931 // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 111.
7. Выписка из протокола №13 заседания Нацкомиссии ЦИК БССР от 24.12.1925 // НАРБ. -Ф. 701. Оп. 1. Д. 5.
8. Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей; рад агульн. рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. – Мінск: БДУ, 2001. – 270 с.
9. Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК БССР № 30 от 21.02.1925 г. // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 7.
10. Часовае палажэнне аб камісіі ЦВК БССР па ажыццяўленню нацыянальнай палітыкі // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 7.
11. Выпіска з пратаколу № 17 паседжання Прэзідыума ЦВК БССР 9.11.1925 // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1.
12. Циркуляр-приложение к протоколу №30 президиума ВЦИК от 13.11.1925 // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1.
13. Циркуляр Совета национальностей ЦИК Союза ССР // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1.
14. Моменты искривления линии партии в Нацвопросе // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2.
15. Паведамленне ад 17.03.1931. № 7-13 Уздзенскага РВК // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 111.
16. Письмо Президиума ЦВК БССР у НКАховы здароўя БССР 25. 11. 1925 г. // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 1.
17. Факты скажэння нацыянальнай палітыкі па БССР // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2.
18. Взаимоотношения населения нацменьшинств с белорусским населением // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2.
19. Выписка из протокола № 4 заседания Секретариата ЦК КП(б)Б от 31.01.1927 г. // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2.
20. Материалы по обследованию еврейских колхозов // НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 110.
21. НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 6.

Reference

1. *Otchet «Nacpolitika Sovetskoj vlasti» b.d.* [Report "national Policy of the Soviet government" b.d.] // *Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB)* [National archive of the Republic of Belarus (NARB)]. F. 701. Op. 1. D. 5.
2. *Protokol zasedaniya CK KP(b)B №2 ot 03.03.1921* [Minutes of the meeting of the Central Committee of the CP(b)B #2 from 03.03.1921] // *NARB*. F. 4p. Op. 1. D. 425.
3. *Pushkin A.I. Gramadskaya i kul'turna-asvetnickaya dzejnasc' nacyyanal'nyh menshascej u Belaruskaj SSR (1919–1991)* [Public and cultural-educational activities of national minorities in the Byelorussian SSR (1919–1991)]. – Magilyoŭ: MDUH, 2018. – 423 s.

4. NARB. F. 701. Op. 1. D. 4.
5. *Kratkaya charakteristika raboty nacional'nyh sovetov v BSSR ot 14.12.1926 g.* [Brief description of the work of national councils in the BSSR from 14.12.1926] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 4.
6. *Itogi obsledovaniya kolhoza «Markovichi» Nikolaevskogo s/s Gorodokskogo r-na ot 23 maya 1931* [Results of the survey of the collective farm "Markovichi" of the Nikolaev village of Gorodok district from may 23, 1931] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 111.
7. *Vypiska iz protokola №13 zasedaniya Nackomissii CIK BSSR ot 24.12.1925* [Extract from the minutes No. 13 of the meeting of the national Commission of the BSSR CEC dated 24.12.1925] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 5.
8. *Belorusizacyya. 1920-ya gady: Dakumenty i materyyaly / U.K. Korshuk, R.P. Platonaŭ, I.F. Ramanoŭski, YA.S. Falej; rad agul'n. red. R.P. Platonava i U.K. Korshuka* [8. Belarusization. 1920s: documents and materials / V.K. Korshuk, R.P. Platonov, I.F. Romanovsky, E. S. Faley; rad aguln. Ed. R. P. Platonov and V. K. Korshuk]. – Minsk: BDU, 2001. – 270 s.
9. *Vypiska iz protokola zasedaniya Prezidiuma CIK BSSR №30 ot 21.02.1925 g.* [Extract from the minutes of the meeting of the Presidium of the CEC of the BSSR No. 30 dated 21.02.1925] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 7.
10. *CHasovae palazhenne ab kamisii CVK BSSR pa azhycyaŭlennyu nacyyanal'naj palityki* [Temporary regulations on the Commission of the CEC of the BSSR in the implementation of national policies] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 7.
11. *Vypiska z pratakolu №17 pasedzhannya Prezidyuma CVK BSSR 9.11.1925* [Extract from minutes No. 17 of the session of the Presidium of the CEC of the BSSR 9.11.1925] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 1.
12. *Cirkulyar-prilozhenie k protokolu №30 prezidiuma VCIK ot 13.11.1925* [Circular-Appendix to Protocol No. 30 of the Presidium of the Central Executive Committee of 13.11.1925] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 1.
13. *Cirkulyar Soveta nacional'nostej CIK Soyuza SSR* [Circular-Appendix to Protocol No. 30 of the Presidium of the Central Executive Committee of 13.11.1925] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 1.
14. *Momenty iskrivleniya linii partii v Nacvoprose* [Moments of curvature of the party line in the national Survey]// NARB. F. 701. Op. 1. D. 2.
15. *Pavedamlenne ad 17.03.1931. № 7-13 Uzdzenskaga RVK* [A message from 17.03.1931. No. 7-13 Uzda Rick] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 111.
16. *Pis'mo Prezidyuma CVK BSSR u NKAhovy zdaroŭya BSSR 25. 11. 1925 g.* [Letter of the Presidium of the CEC of the BSSR to the national health service of the BSSR 25.11.1925] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 1.
17. *Fakty skazhennya nacyyanal'naj palityki pa BSSR* [Facts of distortion of the national policy on the BSSR] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 2.
18. *Vzaimootnosheniya naseleniya nacmen'shinstv s beloruskim naseleniem* [Relations between the population of national minorities and the Belarusian population] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 2.
19. *Vypiska iz protokola №4 zasedaniya Sekretariata CK KP(b)B ot 31.01. 1927 g.* [Extract from minutes No. 4 of the meeting of the CC CP(b) Secretariat) B from 31.01.1927] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 2.
20. *Materialy po obsledovaniyu evrejskih kolhozov* [Materials on the survey of Jewish collective farms] // NARB. F. 701. Op. 1. D. 110.
21. NARB. F. 701. Op. 1. D. 6.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 331.526(470)"185/192":82-94

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX вв.)

М.С. Трегубова

«Мужская профессиональная занятость» во второй половине XIX – начале XX в. на страницах дворянских мемуаров

В статье дается описание карьерного пути мужчин-дворян во второй половине XIX – начале XX в. Представлены мотивы выбора определённой профессиональной занятости. Исследуется роль карьеры в жизни дворянина. Для молодого дворянина выход во взрослую жизнь обуславливался выбором определённой сферы деятельности и обеспечения своей семьи. Несмотря на то что дворяне оставались первенствующим сословием в империи, каждый из них задавался вопросом о своем жизненном предназначении. Экономическая ситуация после отмены крепостного права вынуждала дворянство искать новые пути для получения доходов. На примере представленных биографий можно выявить, какое место профессиональная занятость играла в жизни мужчины того времени. На выбор будущей профессии влияло несколько факторов: семейные традиции, личные предпочтения, образование, финансовая составляющая. Для каждого из представленных мемуаристов профессиональное становление сопровождалось серьезными эмоциональными переживаниями.

Ключевые слова: дворяне, карьера, служба, профессиональная занятость, воспоминания, мужской мир, повседневность.

Marina S. Tregubova

«Male professional employment» in the second half of the XIX – early XX century on the example of the nobility memoirs

The article describes the career path of noblemen in the second half of the XIX – early XX centuries. The motives for choosing a certain professional employment are presented. The author examines the role of career in the life of a nobleman. For a young nobleman reaching adulthood was determined by the choice of a certain field of activity and providing his family. Despite the fact that the nobles remained the dominant estate in the empire, each of them wondered about their life purpose. The economic situation after the serfdom abolition forced the nobility to look for new ways to generate income. On the example of presented biographies the role of professional employment in the life of a man of that time can be identified. Several factors influenced the choice of

the future profession: family traditions, personal preferences, education, financial component. Serious emotional feelings accompanied each of the represented individuals at the stage of their professional development.

Key words: nobles, career, service, professional employment, memories, male world, everyday life.

Вызванные крестьянской реформой процессы экономической перестройки дворянского хозяйства, помимо прочего, способствовали более активному вовлечению дворян в широкий круг всевозможных профессиональных занятий [1, с. 110]. Чрезвычайно сложным для большинства дворянских семей стал пореформенный период. Помещики не смогли приспособиться к новым, рыночным отношениям, теряли земли, закладывали и перезакладывали усадьбы [2, с. 12]. Из-за узости рынка сбыта и неразвитости кредитно-денежных отношений прибыли от коммерческой деятельности были в основном скромными и редко могли заинтересовать представителей высшего сословия, ранее получавших значительные доходы от имений и службы [3, с. 16].

В этот период дворянство активно вовлекалось в погоню за прибылью. На смену рыцарскому этосу в эпоху капитализма и власти денег в России приходит буржуазный этос: людям благородного происхождения было уже не стыдно заниматься предпринимательством, приносящим значительные доходы. Этикет же был призван пропагандировать новую культуру с ее главной добродетелью – трудолюбием [4, с. 180].

С ростом профессионализации в ходе модернизации к концу XIX в. в среде дворянства изменилось восприятие творческих профессий как условного инструментария, с помощью которого можно было зарабатывать себе на хлеб. В результате обезземеливания и оскудения дворяне вынуждены были искать оплачиваемые должности [4, с. 182].

Осознавая невозможность сохранения прежнего образа жизни, наиболее социально мобильная и экономически активная часть высшего сословия обратила внимание на коммерческую сферу. Этому во многом способствовало наличие у представителей нобилитета значительных материальных средств, полученных в виде выкупной ссуды за переданную крестьянам землю [3, с. 17]. Дворяне-предприниматели представляли собой наиболее успешно приспособившуюся к новым условиям часть российского нобилитета в тот период [3, с. 3]. Второй по значимости и по престижу сферой деятельности для мужчин-

дворян была дипломатическая карьера. Из общего числа служащих Министерства иностранных дел 15,6 % были представителями высшей аристократии, 61 служащий из 391 принадлежал к высшим сословиям российского общества [5, с. 151].

В качестве основного документального источника по данной теме выступают воспоминания мужчин-дворян второй половины XIX – начале XX в. Представленные авторы относились к привилегированному сословию, но каждый из них отличался друг от друга в экономическом, имущественном и культурном плане.

На примере отобранных биографий можно проследить, как складывалась профессиональная деятельность представителей дворянского сословия в обозначенный период.

Целью данной статьи является характеристика профессиональной занятости среди дворян второй половины XIX – начале XX в.

Тема повседневности определённых социальных категорий является в настоящее время достаточной актуальной. Экономическое положение дворянского сословия изучено отечественными историками довольно подробно, однако исследователи детально не раскрывают особенности профессиональной занятости. Одна из наиболее ранних работ, в которой представлены изменения, произошедшие с дворянством после отмены крепостного права, исследование А.П. Корелина «Дворянство в пореформенной России 1861–1904» [6]. В ней автор приводит статистические данные, особенности экономического положения, а также анализирует этапы чиновничьей и военной службы. В работе М.А. Салищева «Предпринимательская деятельность потомственных дворян Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв.» дается подробная характеристика предпринимательской деятельности дворянства. Исследователь утверждает, что интерес высшего сословия Петербурга к предпринимательству возрастал на протяжении всего пореформенного периода [3]. Основные аспекты повседневной жизни чиновников МИД отражены в статье А.Е. Жуковой «Особенности повседневной жизни служащих Министерства иностранных дел России второй половины XIX – начала XX в.» [5]. В ней автор раскрывает сложный и многосторонний характер жизни и деятельности чиновников, входящих в личный состав центральных учреждений министерства.

Происходившая в исследуемый период профессиональная специализация независимо от сословной принадлежности свидетельствовала о размывании границ между сословиями. В качестве возможных, вполне приличных для дворянина рассматривались не только интеллектуальные, творческие профессии, а также предпринимательская деятельность (занятие торговлей, промышленностью) [4, с. 182].

Анализ изученных мемуаров свидетельствует, что на выбор будущей профессии представителя привилегированного сословия влияло несколько факторов: 1) семейные традиции; 2) личные предпочтения; 3) образование; 4) финансовая составляющая.

Для большинства молодых людей выбор «своего профессионального пути» был связан с серьезными эмоциональными переживаниями. Одним из ярких тому примеров могут служить воспоминания общественного деятеля, земского статистика, князя Владимира Андреевича Оболенского (1869–1950). Представителя богатой дворянской фамилии после окончания физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1891 г. тревожили вопросы: «Куда деваться? Что делать? Нужно избрать какую-то определенную деятельность, в которой можно, в соответствии со своими способностями, принести наибольшую пользу» [7, с. 101].

Схожие тревоги были и у известного предпринимателя из баронского рода Врангелей Николая Егоровича (1847–1923), который, вернувшись в Россию после учебы за рубежом в 1868 г., долго не мог выбрать определённую сферу деятельности: «Оставив государственную службу, я многое перепробовал, прежде чем нашел что искал» [8, с. 79].

Традиционные устои оставались сильными в наиболее знатных дворянских семьях. То, чем занимались предки, было в них предпочтительно и для следующего поколения. Так, уже упомянутый барон Н.Е. Врангель вспоминал: «Традиции нашей семьи военные, а традиции что не говорите, входят в кровь. Мы насчитываем в наших рядах пять фельдмаршалов, многих боевых генералов и офицеров, и потому военное ремесло и прежде приходило мне на ум» [8, с. 100]. Однако, как ни пытался барон связать свою жизнь с военным делом, его профессиональный путь сложился иначе, в течение своей карьеры он поднялся до позиций председателя и члена советов правлений круп-

нейших акционерных обществ, занимавшихся золотодобычей и нефтедобычей [3, с. 19].

На выбор карьеры известного генерала от кавалерии, генерал-адъютанта и военного педагога Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926) повлиял пример его предков. Известно, что прадед Алексея Алексеевича – И.И. Брусилов являлся вахмистром и полковым аудитором в армии Петра I, дослужился до чина поручика и капитана. Его дед Н.Н. Брусилов окончил сухопутный шляхетский корпус, служил в войсках и вышел в отставку секунд-майором, а отец – А.Н. Брусилов почти всю жизнь посвятил военной службе, отличился в войне 1812 г., заграничных походах, служил на Кавказе и закончил службу генерал-лейтенантом [9, с. 102]. Помимо этого, на будущего военного деятеля оказали влияние детские впечатления: «Самым главным впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны, многие из них в то время еще жили и бывали у моих родных» [10, с. 12].

При выборе сферы деятельности немалую роль играли и личные предпочтения дворянина. Так, дипломат Юрий Яковлевич Соловьев (1871–1934) ещё в детстве определил свой карьерный путь: «Выбор заграничной деятельности мной был сделан уже давно, и я мальчиком усердно изучал иностранные языки – французский, немецкий и английский» [11, с. 182]. В дальнейшем мемуарист в 1893 г. поступил на службу в МИД и был причислен к Азиатскому департаменту. Его дипломатическая карьера сложилась успешно: в 1895–1898 гг. он был 2-м секретарем миссии в Пекине, в 1898–1905 гг. служил при миссии в Афинах, а в 1906–1908 гг. являлся 1-м секретарем миссии в Бухаресте, в 1908–1909 гг. – управляющий бюро печати МИДа, в 1909–1911 гг. 1-й секретарь миссии в Штутгарте [12, с. 4].

А для военачальника и генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского (1868–1939) детские воспоминания стали определяющими для выбора военного дела: «Детские переживания во время войны 1877–1878 гг. в значительной степени повлияли на мою дальнейшую карьеру. Отец хотел меня отдать в реальное училище, чтобы я подготовился к высшему техническому учебному заведению и был впоследствии инженером. Я же, охваченный воинственным пылом, умолял отдать меня в военную гимназию. Мне же было совершенно безразлично, в какой город, в какую гимназию – лишь бы она была во-

енной» [13, с. 117]. В последующем Лукомский дослужился до высших военных званий: поручик 1891 г., штаб-капитан 1897 г., капитан 1899 г., подполковник 1903 г., полковник 1907 г., генерал-майор 1910 г., являлся видным деятелем Белого движения, а также одним из организаторов Добровольческой армии [13, с. 90].

Для будущей карьеры определяющим фактором служило и полученное образование. Успех в жизни молодого человека напрямую зависел от наличия у него достаточных умений и навыков в выбранной (конечно, не им самим, а его родителями) сфере. Исходя из этого, подготовкой будущего «военного» или будущего «штатского» начинали заниматься с возраста 10–11 лет. Эта подготовка могла осуществляться несколькими путями: отправкой мальчика в закрытое учебное заведение, поступлением в школу открытого типа, наконец, домашним образом, под руководством одного высококвалифицированного гувернера или целого штата учителей [14, с. 123].

Так, генерал от кавалерии и военный министр Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) вспоминал: «После возвращения из-за границы меня и брата стали готовить к поступлению в кадетский корпус. В 1861 году мы оба прибыли в Вильно и были приняты в Александровский кадетский корпус. В 1866 году, согласно моему желанию, я был переведен в Николаевское кавалерийское училище. Это военно-учебное заведение дало русской армии немало деятельных генералов, а лично для меня – нескольких выдающихся сотрудников из различных областей деятельности» [15, с. 15]. Сухомлинов сделал блестящую военную карьеру : от чина штабс-капитана до военного министра, в течение 12 лет возглавлял офицерскую кавалерийскую школу, повлиял на развитие и усовершенствование техники кавалерийского дела в русской армии, им был написан ряд учебных пособий и рассказов, также он сотрудничал с крупными военными журналами и газетами того времени: «Разведчик», «Военный сборник» и «Русский инвалид» [16, с. 12–20].

Уже упомянутый генерал-лейтенант А.С. Лукомский вспоминал, как при содействии императора Александра II был определен в Симбирскую военную гимназию: «это время являлось одним из лучших воспоминаний моей юности, что и определило мою карьеру» [13, с. 12].

К ученой карьере дворянское сословие всегда относилось с уважением. Средние и мелкопоместные дворяне, испытывая экономические трудности, шли в науку. Prestиж научно-преподавательской деятельности повышался благодаря достижениям русских ученых, получивших широкое признание за границей, хотя этот род деятельности не приносил особых благ и не давал быстрой карьеры [17, с. 182].

Вот как описывал свой научный путь известный русский политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Миклюков (1859–1943): «Меня отличали и в гимназии, и в университете. Передо мной открывалась безоблачная будущность. Преподавание было живое дело, и оно меня очень заинтересовало. Мне посчастливилось сразу, со студенческой скамьи, получить несколько преподавательских мест. Я получил класс истории в четвертой женской гимназии – и сохранял его в течение одиннадцати лет, отделявших окончание университета от высылки из Москвы. Затем я взял уроки истории в Земледельческом училище на Смоленском бульваре. Наконец, временно мне передали уроки по истории литературы в одной частной женской школе» [18, с. 99]. По замечанию Миклюкова, его работа в период обучения в университете давала новые возможности для устройства жизни, в том числе и преподавательскую деятельность. Павел Николаевич был яркой исторической фигурой, как ученый он оказал влияние на развитие отечественной исторической науки, являлся лидером кадетской партии, членом IV Государственной думы, министром иностранных дел Временного правительства в 1917 г. [19, с. 126].

Потомок знаменитого дворянского рода Сергей Петрович Раевский, вспоминая о своем отце Петре Ивановиче Раевском (1872–1920), писал, что большинство дворян того времени, окончивших классические гимназии, поступали на юридический факультет университета. Сложнее всего было обучаться на медицинском факультете, который и выбрал Раевский-старший: «Окончив курс университета со званием врача, отец сначала работал в Старо-Екатерининской больнице у Петровских ворот, а затем ординатором клиники Московского университета. В 1903 г. отец успешно защитил диссертацию, удостоенную золотой медали» [20, с. 34]. В последующем Петр Иванович продолжил медицинскую деятельность, открыл вблизи своей усадьбы медицинский пункт и занимался подготовкой фельдшеров из местных крестьян, с 1917 г. он работал главным врачом сыпнотифозного

лазарета в Туле, с октября 1919 г. был заведующим Богородицким медицинским пунктом [20, с. 37].

Вторая половина XIX в. ознаменовалась серьезными изменениями в социально-экономической и общественно-политической сфере. Будучи пока ещё передовым сословием по своей образованности, дворянство главным своим занятием поставило государственную службу, рассматривая ее уже как необходимость, не как свой нравственный сословный долг, а как источник средств к обеспеченному существованию [7, с. 45].

В.А. Оболенский подчеркивал: «Всякий мог поступить на государственную службу, тогда не было перепроизводства интеллигенции и был спрос на чиновников с высшим образованием. Эта рода карьера была для нас молодежи неприемлема. Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит народу вред уже тем, что усиливает правительственную власть» [7, с. 121]. Но несмотря на свои взгляды, Оболенский прочно укрепился именно на государственной службе: «Я решил поступить временно на службу в министерство земледелия, в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, что, как мне казалось, давало мне некоторую подготовку в будущей земско-статистической работе. Поступив сначала в качестве причисленного к министерству, я через несколько месяцев получил штатную должность “младшего редактора”. Моя бюрократическая карьера начиналась блестяще» [7, с. 129]. Затем Владимир Андреевич получил должность земского статистика в Смоленской губернии, а в 1896 г. – ту же должность в Псковской губернии, был заведующим статистическим бюро Орловской губернской земской управы, занимался и общественной деятельностью – был избран в Государственную думу I созыва.

Государственная служба также вначале привлекала внимание Н.Е. Врангеля, мемуарист задумывался поступить в Министерство иностранных дел и сделать дипломатическую карьеру: «Я хотел быть полезным моей Родине» [8, с. 107]. Для этого его дядя, бывший приятелем известного канцлера А.М. Горчакова, хлопотал за него, но и эти связи не помогли при поступлении на службу, и, оставив эту идею и многое перепробовав, Врангель нашел то, что искал.

Противоположное мнение о государственной службе сложилось у военного деятеля, писателя-публициста Григория Дмитриевича Щербачева (1823–1900). Он вспоминал: «Служба батарейным командиром казалась мало привлекательной, хотя в то время она давала хорошие средства к жизни. Заручившись некоторыми рекомендациями, я просил прикомандировать меня в министерство внутренних дел, и был зачислен в число состоявших при военном министерстве». Дмитрий Григорьевич вспоминал о своей деятельности: «По решению крестьянского вопроса, служба моя в министерстве внутренних дел делалась бесцельною, карьера быть чиновником, хотя бы и вице-губернатором, меня нисколько не прельщала, и я стал думать, как бы вновь вернуться на службу в артиллерию» [21, с. 26]. Начал военную карьеру Щербачев в гвардейской конной артиллерии, позже директором орловской военной гимназии, затем долго состоял мещовским уездным предводителем дворянства, позже связал свою жизнь с публицистикой [20, с. 27].

Жалованье становилось главным источником средств существования все большей части служилых дворян. И если еще в середине XIX в. служба дворянства считалась прежде всего нравственным словесным долгом, то к концу столетия подавляющее большинство дворянства относилось к службе только как к источнику существования [6, с. 104]. Многие дворяне, не имея доходов от недвижимости и земельных владений, стремясь поправить свое финансовое положение, вынуждены были искать заработок в разных сферах.

Представитель старинного дворянского рода писатель Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927) поделился описанием тягостного положения семьи, последовавшего за закрытием мастерской, принадлежавшей его матери: «После смерти отца я два года бегал по Петербургу, хлопотал, подавал прощения, кланялся, просил. Наконец, я поступил в контору одного подрядчика, покуда без определенного жалования. Работы было ужасающее количество, подрядчик имел около 20 построек, содержал по всей губернии почту, владел кирпичными заводами и плитными ломками. В конторе я был у него один, приходил на службу к 9-ти часам утра и уходил в 1 ночи, веснами, когда происходил наем рабочих – то в 6–7 часов утра. Ни праздников, ни воскресений свободных у меня не было. Обращался со мной этот господин чрезвычайно скверно, но уйти от него и нечего было думать,

платил он мне 35 рублей в месяц» [22, с. 115]. Несмотря на многие сложности карьерного пути, публицист имел успех на литературном поприще, его драма была поставлена на сцене Александринского театра, а последующие произведения печатались в известных изданиях того времени: юмористических журналах «Стрекоза» и «Осколки», в газетах «Русские ведомости», «Новости», журналах «Северный вестник», «Русский вестник», «Наблюдатель», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Отечественные записки».

Схожее положение было и у коллежского советника и капитана Евгения Александровича Никольского (1869–1938). Его дядя, взяв в долг все денежные сбережения их семьи, так их и не вернул, и Никольскому пришлось бросить учебу в Электротехническом училище Почтово-телеграфного ведомства и вернуться на военную службу. Впоследствии он вспоминал: «Я как можно скорее желал вернуться на военную службу чтобы начать помогать матери, хотя бы немного. При разборе офицерских вакансий я взял вакансию в Свеаборгскую крепостную артиллерию с прикомандированием к 12-му Саперному батальону» [23, с. 26]. Автор связал свою жизнь с военной сферой, имел звания поручика, штабс-капитана, капитана, в разное время был прикомандирован к различным военным полкам, занимался военно-статическими работами при генеральном штабе.

Военная служба для большинства представителей дворянского сословия по-прежнему считалась престижной. До 1874 г. военную службу несли как повинность только крестьяне и мещане. Дворяне же были свободны от обязательной военной службы. Но Воинским уставом 1874 г. были устранены все сословные различия в отбывании воинской повинности, и к отбыванию воинской службы как повинности, было привлечено и дворянское сословие наравне со всеми другими [23, с. 46].

Например, дипломат Ю.Я. Соловьев после окончания Александровского лицея в 1893 г. был принят на службу в качестве причисленного к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, но затем был направлен отбывать воинскую повинность. Вот как он об этом вспоминал: «К счастью, в департаменте мне пришлось просидеть весьма недолго. Уже через два месяца я был призван отбывать воинскую повинность, для чего переехал в Варшаву, где и пробыл около года вольноопределяющимся в гвардейском уланском полку. Год во-

енной службы был для меня весьма полезен, так как я научился хорошо ездить верхом. Это мне весьма пригодилось во время моей службы на востоке» [24, с. 30].

Освобождение от несения повинности предусматривалось в VI главе Устава: «Об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности», если в семье был единственный способный к труду сын, при недееспособном отце или при матери-вдове [24, с. 8]. Об этой льготе упоминал В.А. Оболенский: «Еще при жизни матери был я, как единственный сын, освобожден от воинской повинности, которая дала бы мне возможность еще на год отсрочить вступление в практическую жизнь» [7, с. 66].

На примере представленных биографий можно утверждать, что даже военное дело, не говоря уже о другой профессиональной деятельности, было для одних результатом многолетней подготовки, начатой еще с юных лет, а для других – вынужденным выбором при определенных обстоятельствах.

Важным элементом успешной карьеры, встречающимся во многих мужских воспоминаниях, было содействие родителей или же наличие необходимых «полезных» связей. Так, например, известный дипломат Александр Петрович Извольский (1856–1919) подчеркивал: «Благодаря содействию и дружбе А.Б. Лобанова-Ростовского, этого выдающийся государственного человека, я быстро прошел первые ступени дипломатической карьеры» [25, с. 25]. В последующем у него была действительно успешная дипломатическая карьера: в 1879 г. исполнял обязанности генерального консула, с 1882 г. был секретарем российской миссии в Бухаресте, с 1885 г. – 1-й секретарь миссии в Вашингтоне, в 1894–1897 гг. – министр-резидент в Ватикане. В 1895 г. А.П. Извольский получил чин действительного статского советника, в 1897 г. он – чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Сербии, после чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Баварии, в 1899–1902 гг. являлся посланником в Японии, а в 1906 по 1910 гг. был министром иностранных дел [25, с. 5].

Беллетрист и писатель Александр Егорович Алеев (1855–1890) упоминал как проступок, совершенный в юности, отразился на его попытках устроиться на должность народного учителя: «Даже должность народного учителя невозможно было получить без свидетельства о политической благонадежности и лишь благодаря содействию одного

доброго человека, с детьми которого я в то время занимался, я получил место канцелярского служителя 1-го разряда в Екатеринославский отдел государственного банка с жалованием в 25 рублей в месяц» [26, с. 326].

Ю.Я. Соловьев вспоминал, как кто-то из друзей его покойных родителей, не спросив его, переговорил о нем с А.Б. Лобановым-Ростовским, и в результате как-то утром в департамент была принесена записка министра, в которой значилось, что Соловьев Ю.Я. назначался на должность второго секретаря миссии в Пекине при Азиатском департаменте: «Сам я не сразу отдал себе отчет в том, какой огромный шаг был неожиданно сделан в начале моей дипломатической карьеры, но в этом я скоро убедился, обнаружив внезапную перемену в отношениях ко мне товарищей по департаменту. В департаменте и в министерстве долго не могли забыть подобного обхода общего порядка получения заграничного назначения» [11, с. 29].

Однако были ситуации, когда ни происхождение кандидата, ни влиятельные знакомства не могли помочь при устройстве на службу. Такой случай приводит Н.Е. Врангель, который желал получить офицерский чин, но необходимый документ об образовании для устройства в полк был иностранного образца. В данных обстоятельствах мемуарист мог быть произведённым в офицеры только в течение двухлетней службы в низших чинах: «Начальство и друзья бросились хлопотать, среди них были влиятельные, но ничего не добились. Так министром иностранных дел можно быть, не имея никакого диплома, даже среднего учебного заведения, а чтобы попасть в корнеты диплом доктора иностранного университета не достаточен» [8, с. 107].

Уже в середине XIX в. в среде делового столичного дворянства такие творческие профессии, как литератор, художник, учитель, музыкант считались нормальными видами деятельности, за которые не грех было получать деньги. Положительная оценка этой сферы деятельности дворянством могла быть также связана с тем, что для сословия самоценны были не деньги, а слава; профессия оценивалась как благородное, высокое поприще [17, с. 182]. Например, упомянутый А.Е. Алеев, попробовав заниматься разной деятельностью, выбрал в итоге публицистическое ремесло. Его произведения печатались в таких крупных изданиях того времени, как «Стрекоза», «Лучь», «Новое

время», «Сын Отечества», «Живописное обозрение», «Дело» [22, с. 327].

Поэт, прозаик, критик и литературовед Борис Александрович Садовской (1881–1952) вспоминал, как с 1910 г. начал жить на свои собственные литературные средства. Затем петербургское издание пригласило его заведовать литературным отделом. А когда в Петербурге открылась новая большая газета, «Было заключено условие с жалованьем по 200 рублей в месяц, не считая почасовой платы. В 1913 году я был уже признанным писателем с безукоризненным именем, все редакции открывали перед мной свои двери, а заработок был высоким» [27, с. 164]. Борис Александрович входил в круг писателей-символистов Серебряного века, занимался литературной критикой, сотрудничал с журналами «Весы», «Русская мысль», «Северные записки» [28, с. 334].

Однако и для дворянина служебная деятельность не всегда была столь безоблачной. Им приходилось сталкиваться с разного рода сложностями как при поиске будущей работы, так и при исполнении своих служебных обязанностей.

Ю.Я. Соловьев, отбыв воинскую повинность, вернулся обратно на службу в Азиатский департамент, где работал в политическом столе (архиве) и в славянском столе, которым временно заведовал: «Мне до сих пор памятны мои затруднения при работе в архивах, для которой требовались специальные знания. Архивы содержались в таком порядке или, вернее, беспорядке, который был известен лишь посвященным» [11, с. 28].

А.С. Лукомский, вспоминая о своей шестилетней службе в 11-м Саперном императора Николая I батальоне, отмечал следующее: «В качестве адъютанта саперного батальона, я был привлечен в штаб округа для получения указаний по составлению мобилизационной записки для войсковых частей. Столкнувшись тогда в первый раз с вопросами мобилизационного характера, я увидел, что в этом отношении почти ничего не было подготовлено и что вопросы, касавшиеся подготовки к мобилизации армии, находятся в зачаточном периоде» [13, с. 80].

Во второй половине XIX в. профессиональная специализация постепенно устраняла различия между дворянами и представителями других сословий. Дворянам в связи с особым экономическим положе-

нием пришлось выбрать определенную сферу для трудоустройства. Каждый из представленных авторов в той или иной степени задавался вопросом о своем карьерном пути и выборе будущей профессии. Несмотря на привилегированное положение, мужчинам-дворянам приходилось сталкиваться с разного рода сложностями как при устройстве на службу, так и при выполнении служебных обязанностей. Вопросы профессиональной занятости занимали существенное место среди эмоциональных переживаний представителей первенствующего сословия. На основе материалов изученных биографий можно утверждать, что карьера играла важную роль в жизни дворян того времени. Большая часть воспоминаний отражает описание выбора профессии, сложностей устройства и карьерных изменений.

Список литературы

1. Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 21 (192). – Вып. 32. – С. 106–110.
2. Милешина Н.А. Российское дворянство в XVII – начале XX столетий в контексте трансформации внутрисемейных отношений // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 30 (211). История. – Вып. 42. – С. 5–11.
3. Салищев М.А. Предпринимательская деятельность потомственных дворян Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2017. – 25 с.
4. Смахтина М.А. Трудовая этика российского поместного дворянства в XIX веке: представления об интеллектуальном и физическом труде (по литературным произведениям и мемуаристике) // Вопр. теории и практики. – 2013. – № 5(31): в 2 ч. Ч. II. – С. 180–183.
5. Жукова А.Е. Центральные учреждения Российского Министерства иностранных дел в 1868–1897 гг., их структура и личный состав // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 147–153.
6. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
7. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – СПб.: Умса-press, 1988. – 754 с.
8. Врангель Н.Е. Воспоминания: (от крепостного права до большевиков). – М.: Слово, 1924. – 512 с.
9. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Гос. изд-во, 1929. – 249 с.
10. Синютин С.С. А.А. Брусилов – полный генерал Русской армии и последний полководец царской России // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2014. – № 2. – С. 101–108.
11. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. – М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1959. – 413 с.
12. Штейн Б. Вступительная статья // Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. – М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1959. – С. 3–19.

13. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопр. истории. – 2001. – № 1. – С. 89–130.
14. Верременко В.А. Дети в дворянских семьях в России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.
15. Сухомлинов В.А. Воспоминания. – М.: Гос. изд-во, 1926. – 334 с.
16. Думбадзе В.Д. Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. – СПб.: Война и мир, 1914. – 113 с.
17. Семенов Н.П. Наше дворянство. – СПб.: Гос. тип., 1898. – 85 с.
18. Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. – М.: Эксмо, 2015. – 960 с.
19. Волкова Н.К. П.Н. Милюков: историк, политик // Вестн. Рос. ун-та кооперации. – 2015. – № 2 (20). – С. 126–134.
20. Раевский С.П. Пять веков Раевских. – М.: Вагриус, 2005. – 592 с.
21. Щербачев Г.Д. Очерки моей деятельности в царствование Александра II: из воспоминаний Г. Д. Щербачева. – М.: Унив. тип., 1891. – 108 с.
22. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней). – СПб.: Семеновская тип., 1889. Т. I. – 1200 с.
23. Никольский Е.А. Записки о прошлом. – М.: Рус. путь, 2007. – 286 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Устав о воинской повинности. – СПб., 1874. Т. 49. Огд. 1. № 52983.
25. Извольский А.П. Воспоминания. – М.: Петроград, 1924. – 193 с.
26. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI. С алфавитным указателем ко всем VI томам. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1904. Т. 6. – 478 с.
27. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М.: Студия ТРИТЭ, 1994. – Т. 1. – С. 106–183.
28. Гущина Л.И. Духовно-творческий путь Бориса Садовского // Карповские чт.: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. – ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – Вып. 7. – С. 333–339.

References

1. *SHatohin I.T., SHatohina S.B. Rossijskoe dvoryanstvo i gosudarstvennaya sluzhba v XIX – nachale XX vv.* [Russian nobility and public service in the 19th – early 20th centuries] // *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific statements. Series History. Political science. Economy. Informatics]. – 2014. – № 21 (192). Vyp. 32. – P. 106–110.
2. *Mileshina N.A. Rossijskoe dvoryanstvo v XVII – nachala XX stoletij v kontekste transformacii vnutrisemejnyh otnoshenij* [Russian nobility in the 17th – early 20th centuries in the context of the transformation of intrafamily relations] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. – 2010. – № 30 (211). Istoriya. – Vyp. 42. – P. 5–11.
3. *Salishchev M.A. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' potomstvennyh dvoryan Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Entrepreneurial activity of the hereditary nobles of St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries]: avtoref. dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. SPb., 2017. – 25 p.
4. *Smahtina M.A. Trudovaya etika rossijskogo pomestnogo dvoryanstva v XIX veke: predstavleniya ob intellektual'nom i fizicheskom trude (po literaturnym proizvedeniyam i memuaristike)* [Work ethics of the Russian local nobility in the 19th century: ideas about intellectual and physical labor (based on literary works and memoirs)] //

- Voprosy teorii i praktiki* [Questions of theory and practice]. – 2013. – № 5 (31): v 2-h ch. CH. II. – P. 180–183.
5. ZHukova A.E. *Central'nye uchrezhdeniya Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del v 1868–1897 gg., ih struktura i lichnyj sostav* [Headquarters of the Russian Ministry of Foreign Affairs in 1868-1897, their structure and personnel] // *CHastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 tomah* [Private and public in the everyday life of the population of Russia: history and modernity. materials of the international scientific conference: in 2 volumes]. – 2018. – P. 147–153.
 6. Korelin A.P. *Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii 1861–1904* [The nobility in post-reform Russia 1861–1904]. – M.: Nauka. 1979. – 303 p.
 7. Obolenskij V.A. *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. – SPb.: Ymca-press, 1988. – 754 p.
 8. Vrangel' N.E. *Vospominaniya: (ot krepostnogo prava do bol'shevikov)* [Memoirs: (from serfdom to the Bolsheviks)]. – M.: Slovo, 1924. – 512 p.
 9. Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. – M.: State Publishing House, 1929. – 249 p.
 10. Sinyutin S.S. A.A. *Brusilov – polnyj general Russkoj armii i poslednij polkovodec carskoj Rossii* [A.A. Brusilov - full general of the Russian army and the last commander of tsarist Russia] // *Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii* [RUDN Bulletin, History of Russia series]. – 2014. – № 2. – P. 101–108.
 11. Solov'ev YU. YA. *Vospominaniya diplomata 1893–1922* [Memoirs of a Diplomat 1893–1922.]. – M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1959. – 413 p.
 12. SHtejn B. *Vstupitel'naya stat'ya // Solov'ev YU. YA. Vospominaniya diplomata. 1893–1922* [Introductory article // Soloviev Yu. Ya. Memoirs of a diplomat. 1893–1922]. – M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1959. – P. 3–19.
 13. Lukomskij A.S. *Ocherki iz moej zhizni* [Sketches from my life] // *Voprosy istorii* [History questions]. – 2001. – №1. – P. 89–130.
 14. Veremenko V.A. *Deti v dvoryanskikh sem'yah v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) monogr.* [Children in noble families in Russia (second half of the 19th - early 20th century) monograph]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 204 p.
 15. Suhomlinov V.A. *Vospominaniya* [Memories]. – M.: Gos. izd-vo, 1926. – 334 p.
 16. Dumbadze V.D. *General-ad"yutant Vladimir Aleksandrovich Suhomlinov* [Adjutant General Vladimir Alexandrovich Sukhomlinov]. – SPb.: Vojna i mir, 1914. – 113 p.
 17. Semenov N.P. *Nashe dvoryanstvo* [Our nobility]. – SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1898. – 85 p.
 18. Milyukov P.N. *Iz tajnikov moej pamyati* [From the hiding places of my memory]. – M.: Eksmo, 2015. – 960 p.
 19. Volkova N.K. P.N. *Milyukov: istorik, politik* [P.N. Milyukov: historian, politician] // *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation]. – 2015. – №2 (20). – P. 126–134.
 20. Raevskij S.P. *Pyat' vekov Raevskih* [Five centuries of Raevsky]. – M.: Vagrius, 2005. – 592 p.
 21. SHCHerbachev G.D. *Ocherki moej deyatel'nosti v carstvovanie Aleksandra II: iz vospominanij G. D. SHCHerbacheva* [Essays on my activities during the reign of Alexander II: from the memoirs of G. D. Shcherbachev]. – M.: Univ. tip., 1891. – 108 p.
 22. *Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh (Ot nachala ruskoj obrazovannosti do nashih dnejj)* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (From the beginning of Russian education to the present day)]. – SPb.: Semenovskaya tipografiya, 1889. T. I. – 1200 p.

23. *Nicol'skij E.A. Zapiski o proshlom* [Notes about the past]. – M.: Russkij put', 2007. – 286 p.
24. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. T. 49. Ustav o voinskoj povinnosti* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. T. 49. Charter on military service]. – SPb., 1874. T. 49. Ogd. 1. № 52983.
25. *Izvol'skij A.P. Vospominaniya* [Memories]. – M.: Petrograd, 1924. – 193 p.
26. *Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh. Tom VI. S alfavitnym ukazatelem ko vsem VI tomam* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists. Volume VI. With an alphabetical index to all VI volumes]. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1897–1904. T. 6. – 478 p.
27. *Sadovskoj B.A. Zapiski (1881–1916) [Notes (1881–1916)] // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.* [Russian Archives: History of the Fatherland in the Evidence and Documents of the 18th-20th Centuries]. – M.: Studiya TRITE, 1994. T. 1. – P. 106–183.
28. *Gushchina L.I. Duhovno-tvorcheskij pust' Borisa Sadovskogo* [Spiritual and creative let Boris Sadovsky] // *Karpovskie chteniya. sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Karpov readings. collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference]. – 2017. – Vyp. 7. – P. 333–339.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(36):393

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология;

03.41.91: Археология отдельных стран

В.И. Кулаков

Макеты деталей погребального инвентаря в обряде эстиев и пруссов

Среди специфических черт погребального обряда пруссов, отличающих раннесредневековые древности междуречья рек Ногаты и Немана, важную роль занимают макеты деталей инвентаря. Примечательно, что представители старой прусской археологической школы и послевоенные исследователи не обращали внимания на этот весьма специфический аспект материальной культуры обитателей Янтарного края.

В предлагаемой статье впервые в археологии Балтии приводится опыт анализа макетов прусского погребального инвентаря.

Ключевые слова: Янтарный берег, прусская культура, макеты, погребальный инвентарь.

Vladimir I. Kulakov

Models of details of burial implements in the rite of the Aestians and Prussians

Among the specific features of the Prussians funeral rite, distinguishing the early medieval antiquities between the rivers Nogata and Neman, an important role is played by the models of the inventory items. It is noteworthy that archaeologists of the old Prussian archaeological school and post-war researchers did not pay attention to this very specific aspect of the material culture of the Amber Region inhabitants.

In this article, for the first time in the Baltic States archeology, the experience of analysis of the models of Prussian burial inventory is presented.

Key words: Amber Coast, Prussian culture, models, funerary inventory.

Среди специфических черт погребального обряда пруссов, отличающих раннесредневековые древности междуречья рек Ногаты и Немана, важную роль занимают макеты деталей инвентаря. Примечательно то, что представители старой прусской археологической школы и послевоенные исследователи не обращали внимания на этот весь-

ма специфический аспект материальной культуры обитателей Янтарного края. В довоенное время раскопки немецких археологов в исторической Пруссии отличались своей кратковременностью, поэтому исследователи не имели возможности детально изучить находки в погребениях. Лишь в ходе проведения Балтийской экспедиции ИА АН СССР, начавшей свою работу в Калининградской обл. в 1974 г., появилась возможность выделить среди массива находок погребального инвентаря макеты предметов, входивших в состав этого инвентаря.

В археологии Балтии укрепилось мнение о попадании на погребальный костёр всех без исключения деталей инвентаря. Об этом повествует, в частности, Ливландская хроника в сюжете о последствиях осады пруссами Мемельбурга в 1253 г.: «... сожгли их (т. е. – прусских воинов) с имуществом, которым они владели: ... со стрелами, щитами, копьями, конями, шлемами, палицами и мечами, – сожгли согласно воле жрецов» [1, с. 193]. Выяснилось, что далеко не все находки, которые были обнаружены в прусских трупосожжениях, хранили следы погребального костра. До эпохи викингов инвентарь погребённого поступал в могилу, в основном минуя костёр. Например, при раскопках грунтового могильника Hünenberg/Гора Великанов в комплексах фаз C₂/D₁ – D₂/E₁ (т. е. эпохи Великого переселения народов) были обнаружены необожжённые янтарные бусины (отметим факт невысокой температуры, необходимой для сгорания янтаря), причём некоторые бусины не были просверлены до конца, являясь слабообработанными заготовками, фактически макетами деталей погребального инвентаря.

Идея замены в погребальном инвентаре дорогостоящих артефактов их имитацией (т. е. – формирование имитационного стиля в декоративном искусстве) стала известна в балтском обществе в начале нашей эры. Не исключён факт заимствования этого приёма местными мастерами у ювелиров из римских провинций [2, с. 105].

Старейшими показателями стремления обитателей Янтарного края заместить в погребальном инвентаре реальные предметы их макетами являются упрощённые версии арбалетовидных фибул. При широкомасштабных раскопках могильника Lauth/Б. Исаково, предпринятых Самбийско-Натангийским отрядом Балтийской экспедиции ИА РАН, были обнаружены погребения, в которых пары фибул (являются

показателем женской принадлежности комплекса, что подтверждается и другими предметами из состава погребального инвентаря), содержат однотипные, но не равнозначные (точнее – не адекватные) застёжки (рис. 1). Если одна из них полностью отвечает признакам определённого типа фибул (в наших случаях – типы AVII,167 и AVII,171, фазы C_{1a} и C₂ – [3, рис. 3, 5, с. 5, 6]), то встреченные с ними в одном комплекте однотипные фибулы характерны простотой и, очевидно, дешёвой исполнением. Следовательно, можно предположить, что на Самбии в некоторых общинах предков пруссов – эстиев в поздне римское время для соблюдения норм погребальной обрядности и адекватного воспроизведения женского убора с двумя фибулами недостающую застёжку изготавливали специально для погребальной церемонии, не соблюдая полного соответствия уже имеющейся фибуле. Этот феномен можно объяснить недостаточным материальным уровнем погребённого члена местной общины. Таким образом, можно предполагать зарождение у части западных балтов идеи изготовления части инвентаря специально для погребального ритуала в IV в. н.э.

Ранее нами при анализе погребального инвентаря комплексов VI в. н. э., вскрытых раскопками могильника Hünenberg/Гора Великанов, отмечалось присутствие в кремациях несожжённых янтарных бусин и заготовок к ним. Этот феномен связывался с заупокойными подношениями [4, с. 246]. Крайне низкое качество этих янтарных изделий, небрежность в их обработке и незначительное количество бусин в комплексе, недостаточное для создания полноценного ожерелья, указывают на сугубо номинальную, в сущности, макетную роль этих артефактов в погребении. В могилу эти изделия попадали на самом последнем этапе погребальной церемонии, минуя костёр. Таким же путём в могилу поступали и прочие макеты деталей погребального инвентаря, и прежде всего фибулы. Часто они представлены в комплексах попарно и соответствуют убору прусских женщин в завершающей фазе эпохи Великого переселения народов. Парность фибул у населения юго-восточной Балтии восходит в германских традициях I в. н. э. [5, с. 30].

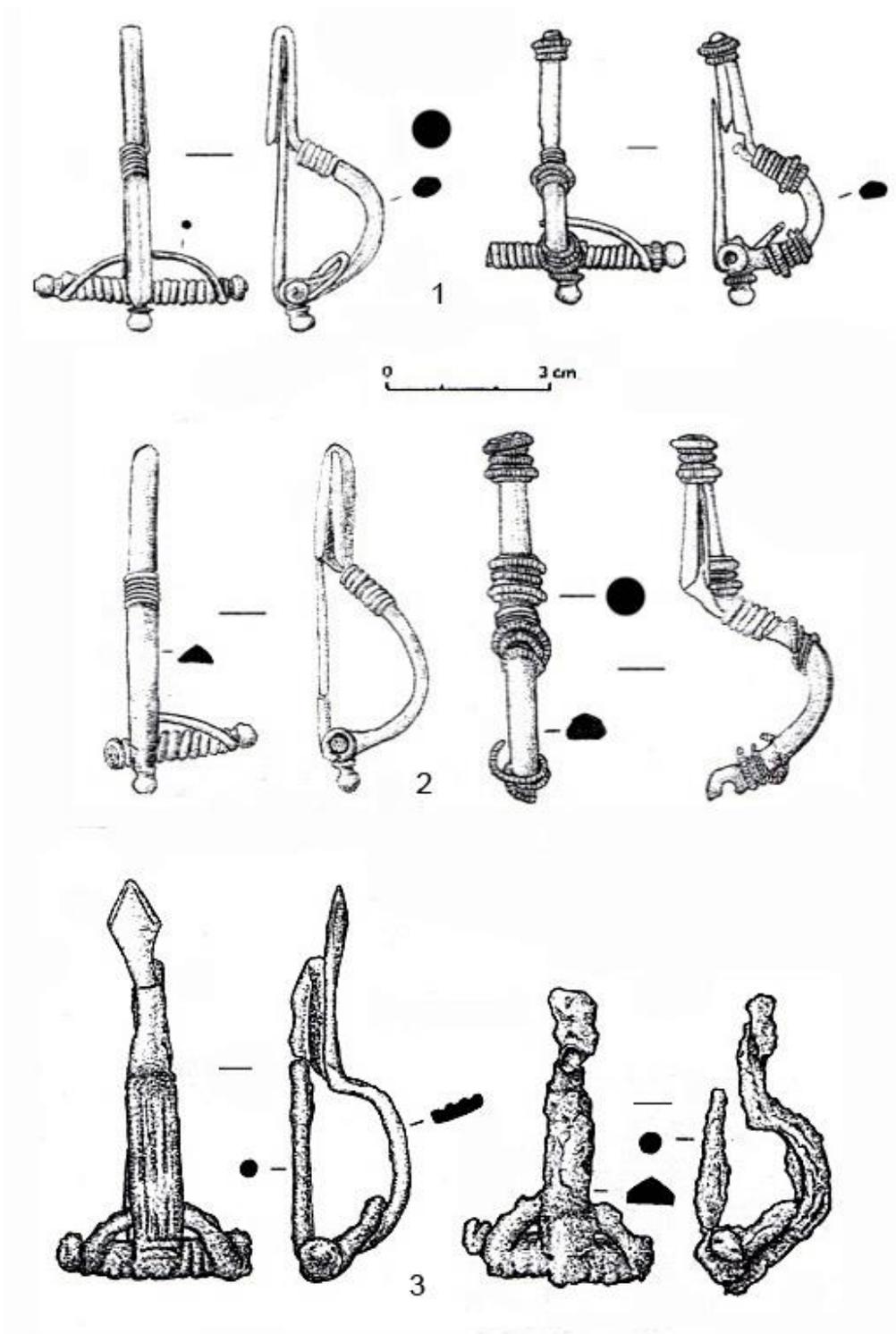

Рис. 1. Изготовленные специально для погребальных нужд фибулы IV в. н.э. из могильника Lauth/Б. Исаково: 1 – погр. L-196, 2 – L-180, 3 – L-201 [1-3 – 3, рис. 1, 3, 5]).

Макеты фибул появляются в прусских погребениях в начале VI в. н. э. Они представлены как максимально упрощёнными формами (в сущности, лишь иглами – рис. 2, погр. Zo-341), так и миниатюрными копиями реальных изделий (рис. 2, погр. Zo-286), изготовленных из

бронзовой проволоки или же тонких пластин. Как правило, в комплексах с макетами фибул имеются имитации и прочих деталей погребального инвентаря. Прежде всего к ним относятся макеты (их поперечник – не более 4 см, что не предполагает их реальное использование) гривен из тордированного или гладкого бронзового дрота. На могильнике Hünenberg/Гора Великанов в нескольких комплексах VI в. обнаружены стандартные ножки фибул типа Duratón с субтильной пружиной, крепящейся на деревянном стержне (рис. 3). Такие конструкции были рассчитаны лишь на одноразовое использование. Точнее, они имитировали внешний вид реального предмета и возлагались в могилу в соответствии с обычаями носителей прусской культуры на ранней её фазе. В состав инвентаря вместе с макетами металлических деталей убора включались и имитации янтарных ожерелий, причём среди бусин оказывались и недосверленные их заготовки (рис. 4). Нередко макеты одноразовых фибул были настолько примитивны (рис. 5), что тип этих изделий трудноопределим. Наличие стреловидного наконечника ремня в погр. Silb-43 могильника Silberberg bei Lenzen/Lęcze (рис. 5) позволяет расширить его датировку от VI в. до начала VII в.

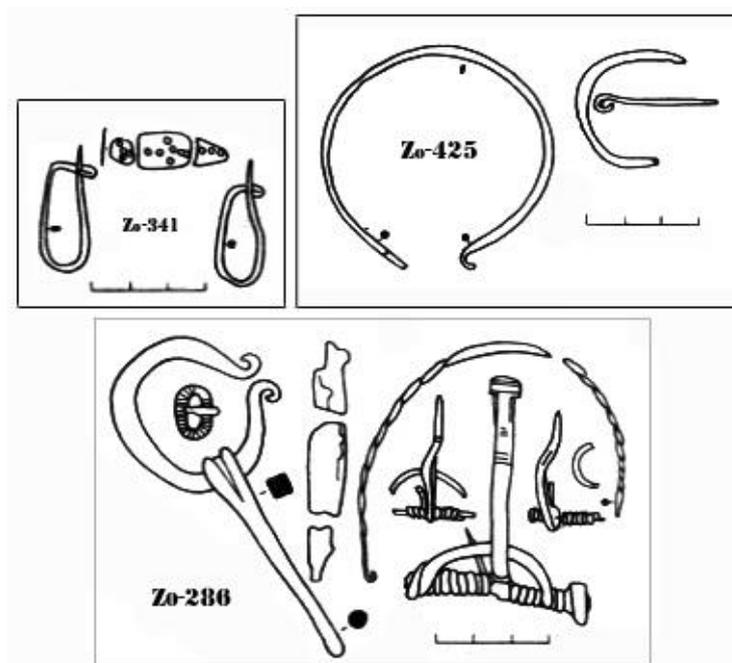
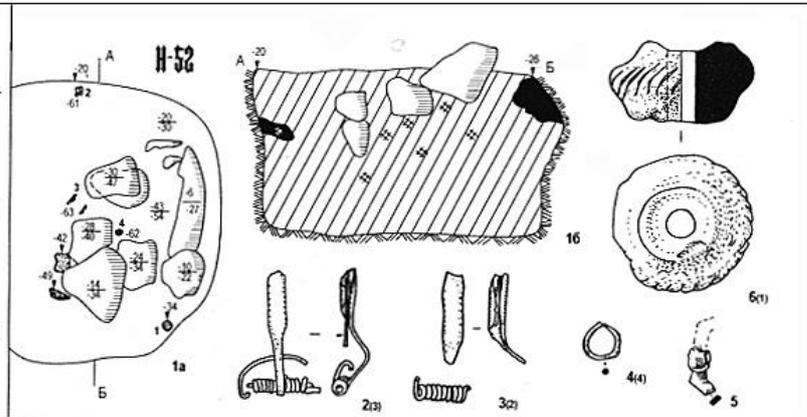
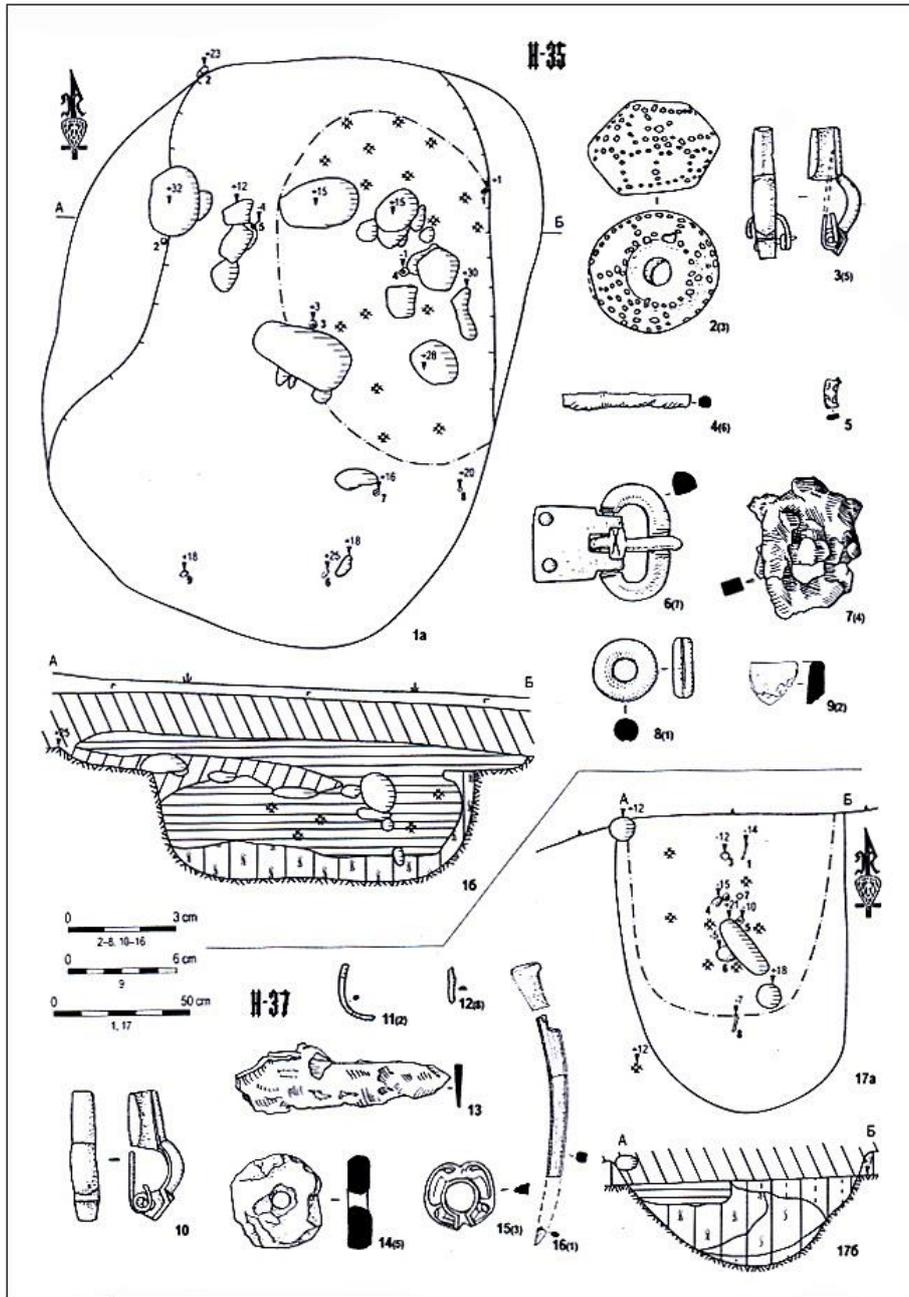

Рис. 2. Комплексы с макетами деталей инвентаря из погребения могильника Zohren/Суворово [10, табл. XIV, 10; XVI, 3; XX, 7].

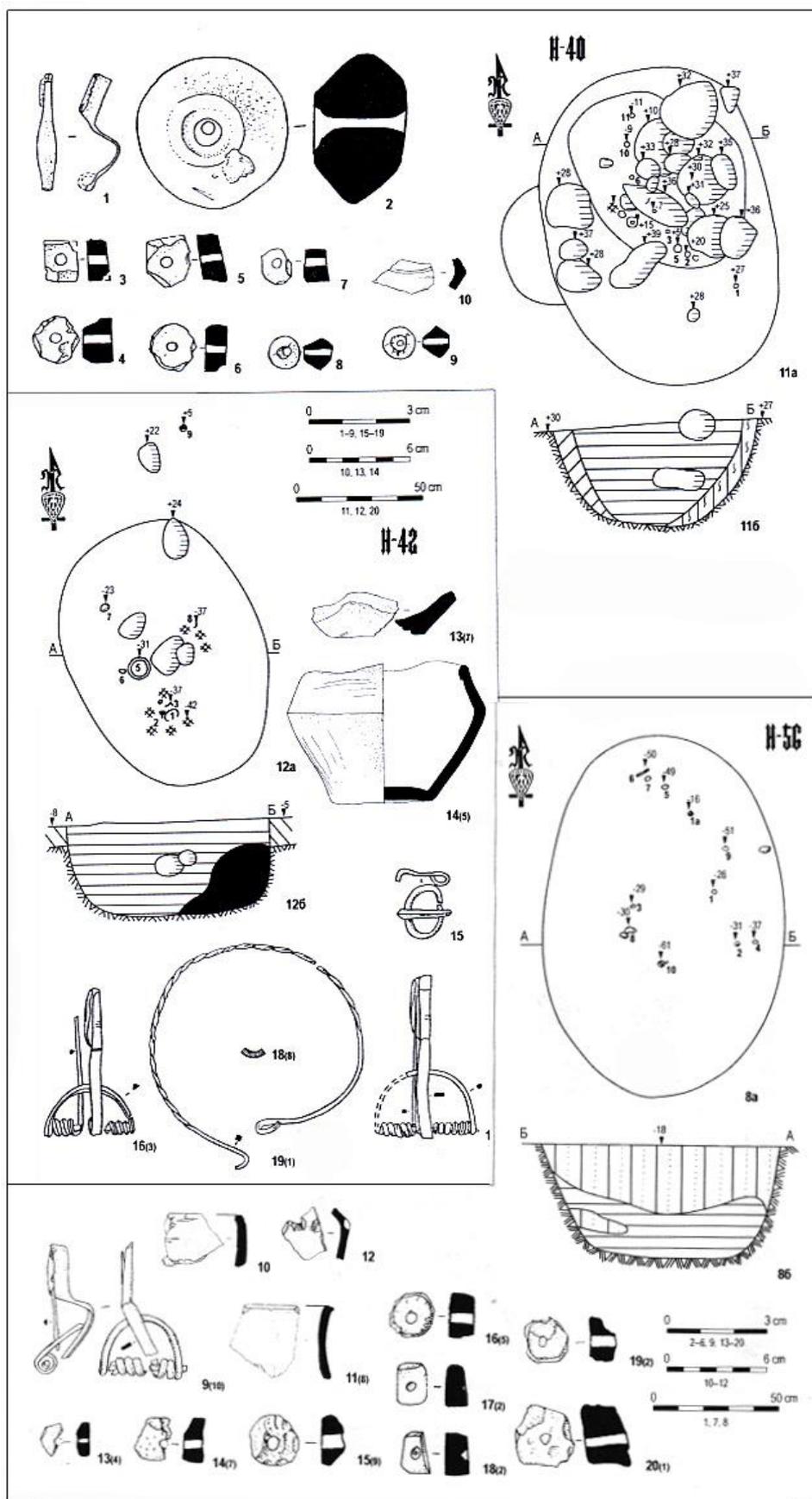

Рис. 3, 4. Комплексы с макетами деталей инвентаря из погребений Н-35, Н-52, Н-40, Н-42 и Н-56 могильника Hünenberg/Гора Великанов [4, рис. 22; 24; 29].

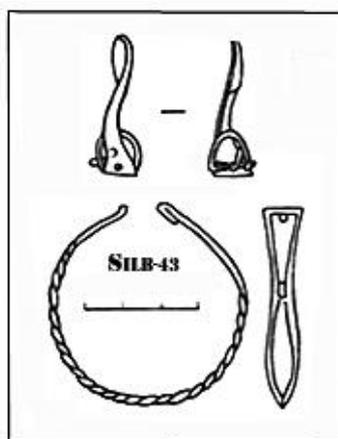

Рис. 5. Комплекс с макетами фибул из погр. Silb-43 могильника Silberberg bei Lebzien/Lęcze [9, табл. V,7].

На завершающем этапе эпохи Великого переселения народов, которому соответствует могильник Neuendorf/Nowinka, пруссы для макетирования используют как деградированные версии типа Duratón (рис. 6, погр. No-2), так и фибулы отдела *Sproßenfibeln* (рис. 6, погр. No-105). Примечательно, что не позднее рубежа VII–VIII вв., времени безраздельного господства в материальной культуре пруссов перекладчатых застёжек отдела *Sproßenfibeln*, обитатели юга Самбии, судя по комплексам могильника Widitten-2/Ижевское-2, в макетах погребальных фибул отражали архаичные к тому времени формы типа Duratón [6, р. 192, Abb. 3,1–3]. Их корпуса вырезались из бронзовой фольги, а стержни пружин (бронзовые или деревянные) были лишены боковых шайб, что прямо указывает на одноразовое использование этих застёжек.

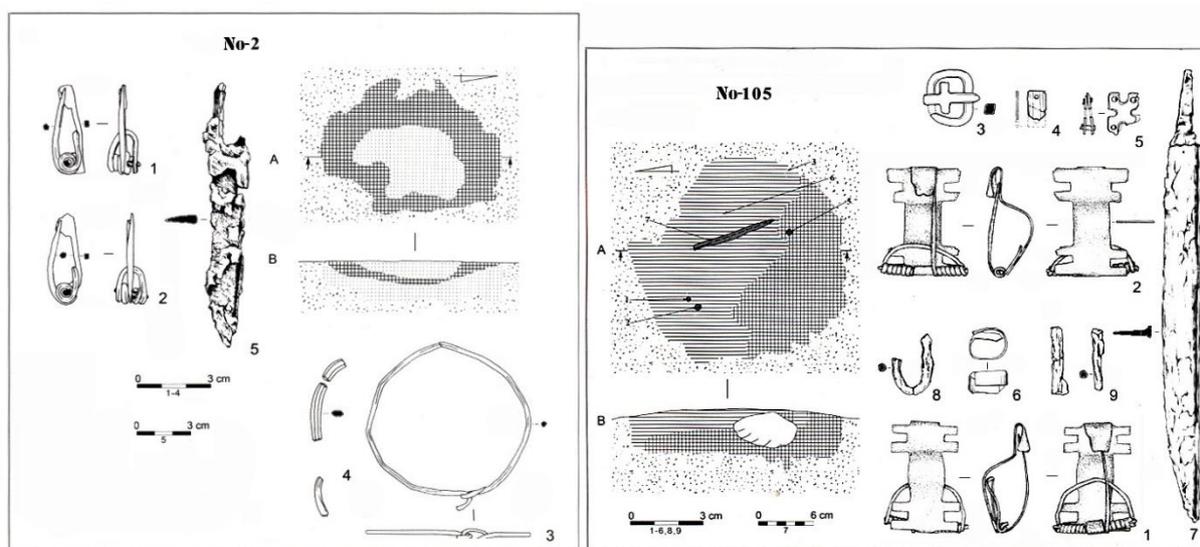

Рис. 6. Комплексы с макетами деталей инвентаря из погребений No-2 и No-105 могильника Neuendorf/Nowinka [10, pl. I, LXVII]

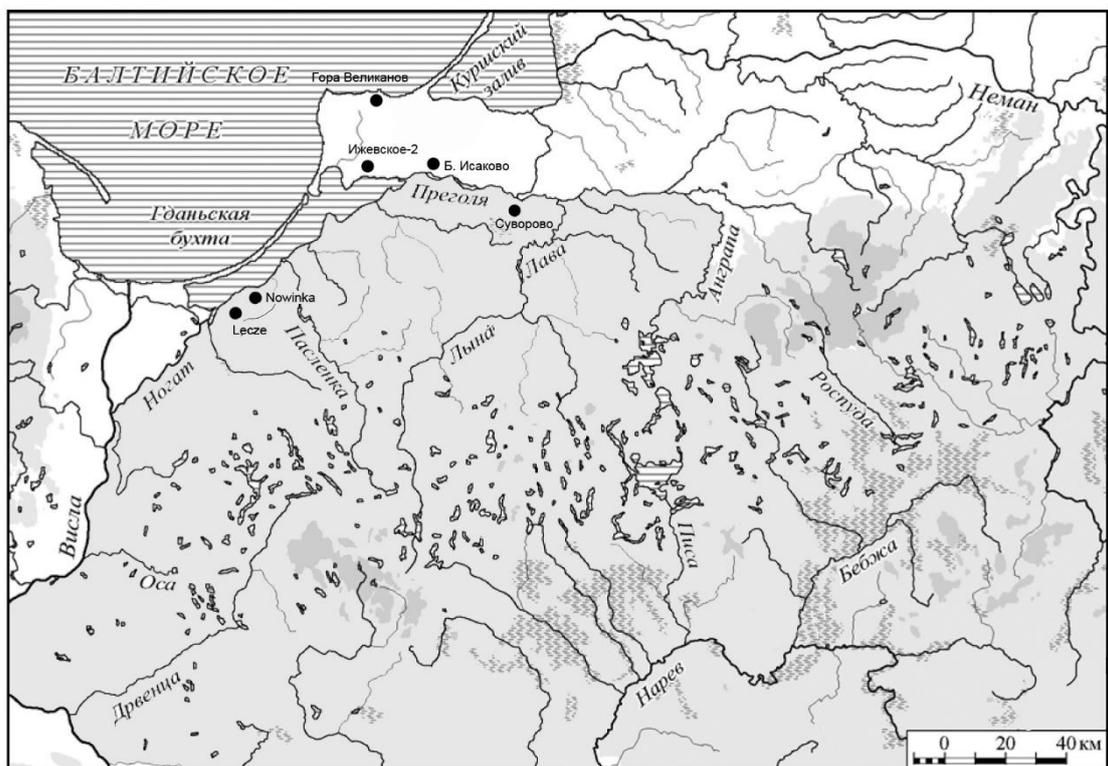

Рис. 7. Расположение прусских могильников VI–VII вв. н.э. с макетами деталей погребального инвентаря в регионе юго-восточной Балтии

Кроме макетов арбалетовидных фибул, в погребальном инвентаре пруссов на берегу Вислинского/Калининградского залива (средневековая земля Натангия) в VI в. используются уменьшенные и дериватизированные копии парных двупластинчатых фибул, восходящих к германским прототипам и входивших в состав инвентаря женских комплексов. Сходный феномен для этого временного отрезка отмечен и у жителей западной части Мазурского Поозерья. Именно в этом регионе фиксируются все три этапа деградации упомянутых пластинчатых застёжек, поступивших к пруссам лишь на завершающем этапе своего развития [7, с. 194, 195]. Макеты одиночных равноплечных фибул, характерных для мужского убора пруссов, также известны в их ареале в VI – начале VII в. Их находки концентрируются на могильниках Самбии и весьма редки в Мазурском Поозерье [8, с. 62, 63, рис. 9]. Одноразовый характер застёжек подчёркивается их изготовлением из тонких бронзовых пластин.

В эпоху викингов макетов элементов мужского и женского уборов в погребениях пруссов не встречено. Тем не менее, идея макетирования прусскими мастерами не была забыта. Некоторые мечи, встреченные в воинских могилах XI в., поражают своими субтильными раз-

мерами и весьма низким качеством металла. Рука в их рукоятях не помещается. То же самое относится и к некоторым стременам XI–XII вв., в которые не помещается нога современного человека. Толщина их дужки не превышает 2 мм.

Приведённый в статье анализ использования пруссами макетов деталей погребального инвентаря позволяет сделать следующие выводы:

1. Замена дорогостоящих литых изделий басмой в погребальном инвентаре эстиев и их соседей осуществляется в начале нашей эры.

2. В VI в. прусские мастера имитируют металлические детали убора членов прусских общин при помощи дешёвых одноразовых изделий из бронзы, иногда с деревянными деталями.

3. Традиция имитации сложных в производстве пластинчатых фибул известна в VI в. преимущественно пруссам Самбии и Натангии. Их прототипы производятся по германским образцам мазурскими мастерами.

4. В эпоху викингов для погребальных нужд возможна имитация самбийскими кузнецами некоторых элементов воинского снаряжения.

5. Идеологическая, скорее, культовая основа для создания макетов реальных изделий у пруссов нуждается в дополнительном изучении с привлечением данных исторической этнографии.

Список литературы

1. Janssen H.-L. Die Toten in Brauchtum und Glauben der Germanischen Vorzeit // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. LXXII. H. I-III. Wien, 1939. – S. 10–205.

2. Кулаков В.И. Басма в искусстве балтов // Res Humanitariae. Vol. XXII. Klaipėda: Klaipėdos universytetas, 2017. – С. 104–124.

3. Кулаков В.И. Арбалетовидные фибулы, обнаруженные при раскопках могильника Lauth/Б. Исаково (восточная окраина г. Калининграда) в 1998–2005 гг. // Учён.зап. Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – Новгород Великий: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2020. – № 2 (27). – С. 1–11.

4. Кулаков В.И. Hünenberg – «Гора Великанов». Могильник III-IV вв. на севере Самбии // Światowit Supplement Series B: Barbaricum. T. 10. Warszawa, 2014: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014. – С. 199–363.

5. Кулаков В.И. Реконструкция убора обитателей Янтарного края в I–V вв. н.э. – Киев: ФОР «Видавель Олель Філюк», 2013. – 167 с.

6. Nowakowski W. Die ältesten Steigbugel in Europa. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland // Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Luczkiewicz P., Sadowski S. (Editors), The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Vol. II. – Lublin: “Wydawnictwo Non Profit”, 2008. – P. 189–211.

7. Кулаков В.И. Прусские и Мазурские дериваты двупластинчатых фибул // Вестн. С.-Петерб. ун-та. История. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. – Т. 63. – Вып. 1. – С. 187–195.

8. Кулаков В.И. Равноплечные фибулы пруссов на балтском пограничье // Журн. фронтальных исслед. – Астрахань: Изд. Сорокин Роман Васильевич, 2019. – № 1. – С. 57–70.

9. Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Г 1-9. – М.: Наука, 1990. – 167 с.

10. Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. – Gdańsk; Warszawa, Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego Press, 2011. – 296 p.

References

1. Janssen H.-L. Die Toten in Brauchtum und Glauben der Germanischen Vorzeit // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. LXXII. H. I-III. Wien, 1939. – S. 10–205.

2. Kulakov V.I. *Basma v iskusstve baltov* [Basma in the art of the Balts] // Res Humanitariae. Vol. XXII. Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2017. – S. 104–124.

3. Kulakov V.I. *Arbaletovidnyye fibuly, obnaruzhennyye pri raskopkakh mogil'nika Lauth/B. Isakovo (vostochnaya okraina g. Kaliningrada) v 1998–2005 gg.* [Crossbow-shaped fibulae discovered during the excavation of the Lauth burial ground. Isakovo (Eastern outskirts of Kaliningrad) in 1998-2005] // *Uchonyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Scientific notes of the Novgorod state University Yaroslav The Wise]. – 2020. – № 2 (27). – S. 1–11.

4. Kulakov V.I. Hünenberg – «Gora Velikanov». Mogil'nik III-IV vv. na severe Sambii // Światowit Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa, 2014: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014. – S. 199–363.

5. Kulakov V.I. *Rekonstruktsiya ubora obitateley Yantarnogo kraja v I-V vv. n.e.* [Reconstruction of the headdress of the inhabitants of the Amber region in the I-V centuries ad.] – Kiyev: FOP «Vidavets' Oleg Filyuk», 2013. – 167 s.

6. Nowakowski W. Die ältesten Steigbugel in Europa. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland // Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Luczkiewicz P., Sadowski S. (Editors), *The Turbulent Epoch. New Materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Vol. II.* – Lublin: “Wydawnictwo Non Profit”, 2008. – P. 189–211.

7. Kulakov V.I. *Pruskiye i Mazurskiye derivaty dvuplastinchatykh fibul* [Prussian and Masurian derivatives of double-plate fibulae] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg University. History]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2018. – Т. 63. – V. 1. – С. 187–195.

8. Kulakov V.I. *Ravnoplechnyye fibuly prussov na baltskom pogranich'ye* [Equilateral fibulae of Prussians on the Baltic border] // *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of frontier research]. – Astrakhan': Izdatel' Sorokin Roman Vasil'yevich, 2019. – № 1. – С. 57–70.

9. Kulakov V.I. *Drevnosti prussov VI–XIII vv. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Antiquities of the Prussians VI-XIII centuries. Set of archaeological sources]. Vyp. G 1-9. – М.: «Наука», 1990. – 167 с.

10. Kontny B., Okulicz-Kozaryn J., Pietrzak M. Nowinka. Site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland. – Gdańsk; Warszawa, Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego Press, 2011. – 296 p.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(47)

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

И.Г. Иванцов, И.В. Дубинин

«Я поставил себе священным долгом ознакомиться с краем и войском августейшего путешественника...»

В статье освещаются некоторые факты жизни и творчества одного из самых известных и прославленных историков Черноморья XIX в. – Ивана Диомидовича Попко (Попки) (1819–1893). Рассматривается история создания его первой научной работы – «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков».

Выясняются причины поручения подготовки данного текста именно И.Д. Попко, занимавшему тогда должность письмоводителя. Характеризуется степень научной подготовленности кандидата к выполнению такой сложной научной работы, а также общеобразовательный и культурный уровень жителей Екатеринодара и казаков Черноморского войска.

Выводы базируются на анализе документов личной переписки И.Д. Попко и его друга В.Ф. Золотаренко, хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края. Письма сами по себе являются ценным артефактом истории Черноморья середины XIX в. Они освещают неизвестные стороны служебной и личной жизни тогда еще молодого сотника И.Д. Попко; характеризуют обстановку, сложившуюся вокруг этого неординарного человека в екатеринодарский период его жизни.

Ключевые слова: источники, И.Д. Попко, книжные труды, личные письма, переписка с другом.

Igor' V. Dubinin, Igor' G. Ivantsov

«I set myself a sacred duty to acquaint the August traveler with the region and the army...»

The article examines some facts of the life and work of one of the most famous and celebrated historians of the Black Sea coast of the XIX century - Ivan Diomidovich Popko (Popka) (1819–1893). The authors turn to the history of creation of the I.D. Popko first scientific work – "Statistic, ethnographic and strategic sketch of the region and the troops of the Black Sea Cossacks".

The reasons for mission of the text preparation to I.D. Popko, who was then a clerk, are discovered. The degree of scientific qualification of the candidate to perform

such a complex scientific work is characterized, as well as general educational and cultural level of the inhabitants of Yekaterinodar and the Black Sea army Cossacks.

The conclusions are based on the analysis of personal correspondence of I.D. Popko and his friend V.F. Zolotarev, stored in the State Archives of the Stavropol Territory. The letters themselves are a valuable source on the history of the Black Sea coast of the middle of the XIX century. They illustrate well some aspects of the official and personal life of the young centurion I.D. Popko; characterize the situation around this extraordinary person in the Yekaterinodar period of his life.

Key words: sources, I.D. Popko, books, personal letters, correspondence, with a friend.

Официальная биография и творческая деятельность прославленного генерала Кубанского казачьего войска И.Д. Попко неоднократно освещались в научной литературе [1–3].

Другим направлением изучения жизни и творчества генерала стали исследования, касающиеся его личной жизни, связанной со многими историческими деятелями Черноморья.

У каждого народа есть свои историки. Есть такие люди и у казаков. Одним из первых черноморцев, заинтересовавшихся историей своего края, его бытом и жизнью, стал потомственный казак, сын священника – Иван Диомидович Попко (Попка).

Будущий генерал родился в 1819 г. в станице Тимашевской. Окончив в 1838 г. Астраханскую духовную семинарию, он поступил в Московскую духовную академию, но по причине «золотушного расположения головной боли и воспалительного состояния глаз» [4, с. 54] в 1839 г. он был вынужден оставить дальнейшую учебу.

По возвращении домой Иван Диомидович пытался поступить на должность надзирателя при пансионате Ставропольской Кавказской гимназии, но в силу ряда причин ему это не удалось и 1 июля 1841 г. он стал рядовым казаком 10 конного полка Черноморского казачьего войска. Отдав строевой службе почти семь лет своей жизни, 22 февраля 1848 г. «по распоряжению начальства назначен в должность письмоводителя Канцелярии Наказного атамана» Черноморского казачьего войска [5, л. 26].

К этому же году относится и его первый, известный на данный момент литературный опыт. В газете «Кавказ» № 27 появляется статья «Войсковой праздник черноморских казаков 11-го мая». Хотя, судя по некоторым намекам в дневнике его друга В.Ф. Золотаренко, можно сделать вывод о том, что Иван Диомидович пытался заниматься писа-

тельским трудом и до 1848 г. Кроме этого, в одном из писем Василию Федоровичу он писал, что готов ехать служить в Абинское управление, на тот момент это была дальняя окраина земель Черноморского казачьего войска, где «восстановил бы... мой павший труд» [6, л. 46 об.].

Нужно заметить, что в то время И.Д. Попко был одним из образованнейших людей Черномории. В свои 30 лет он активно занимался пополнением книжного собрания. В фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова находятся «живые» книги с владельческой надписью «Студента Московской Духовной Академии Ивана Попки» [7] – это первые, дошедшие до нас книги, которые он поставил на свою полку лично. Кроме этого, в «Каталоге собственной библиотеки Ставропольского Губернского предводителя дворянства Генерал-майора И.Д. Попко...» упоминаются несохранившиеся издания периода его обучения в Астраханской духовной семинарии: «Книга на славянском языке: Беседы к старообрядцам без заглавного листа. Наградная ученическая» и «Стихи, речи и слова на погребение переселившегося в вечный покой преосвященного Анастасия Братановского... 1807 г. Жалованная 13 июля 1834 г.» [8, с. 52, 95].

Книги в его библиотеку попадали разными путями, в том же каталоге есть любопытная запись о несохранившейся книге: «Старинные святцы на греческом языке, добытые от турецких башибузуков в войну 1853–1856 г.» [8, с. 48].

В Государственном архиве Ставропольского края хранится несколько десятков писем И.Д. Попко своему другу детства В.Ф. Золотаренко, написанных с 1847 по 1855 г. В нескольких из них будущий историк делится с ним своими планами о работе над книгой и статьями.

Иван Диомидович довольно часто в своих письмах использовал цитаты из произведений А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, К.В. Тредиаковского и др. писателей. Кроме этого, в посланиях встречаются цитаты из трудов древнеримских писателей и философов. Выписывал Иван Диомидович и некоторые периодические издания: «Библиотеку для чтения», «Военный сборник», «Русский вестник», «Русское слово» и др. Причем журналы он начал собирать, еще учась в Московской духовной академии. В Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова сохранилась подшивка журнала «Библиотека для чтения» за 1839 г., а так-

же отдельные тома «Киевской старины» за 1882–1886 гг. и «Исторической библиотеки» за 1879 г.

В одном из своих писем к В.Ф. Золотаренко И.Д. Попко писал, что в свободное от работы время «за чаем курю и читаю инвалид или современник...» [6, л. 11].

Особое место среди увлечений И.Д. Попко занимала история. Он собирал книги как признанных классиков исторической науки, так и современных на тот момент авторов: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.Г. Устрялова, Н.А. Маркевича, Н.А. Полевого. Были в его собрании и труды иностранных исследователей на языке оригинала: Наполеона III, Луи Седийо и др.

С некоторыми из авторов он дружил или приятельствовал, поэтому в его библиотеке были книги с дарственными надписями А.И. Веригина, И.А. Бартоломея, П.П. Короленко, И.В. Бентковского, Н.С. Голицына и др. Он собрал большое количество литературы, посвященной быту, культуре, истории казачества и его взаимоотношениям с горскими племенами.

Иван Диомидович и сам занимался историческими исследованиями. К статье С.В. Фарфоровского «Биографические сведения о И.Д. Попко» [9, с. 93] приложен небольшой библиографический указатель «Книжные труды И.Д. Попко», который включает в себя десять работ.

Когда И.Д. Попко заинтересовался историей Черноморрии, доподлинно неизвестно, но в письме от 26 марта 1850 г. он сообщал своему другу в Ставрополь, что «Департамент Военных поселений требует статистические сведения о нашем крае за четверть столетия в военном, гражданском и хозяйственном отношениях» [6, л. 50 об.]. Скорее всего, именно в ответ на это требование и.о. наказного атамана Черноморского казачьего войска – Григорий Антонович Рашпиль решил поручить своему письмоводителю написать «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков» [6, л. 74 об.].

Нужно заметить, что это было не первое описание региона. Например, в 1830 г. в «Журнале Министерства внутренних дел» были опубликованы «Статистические сведения о Кавказской области и Земле Войска Черноморского» [10, с. 183].

Отдельные данные о состоянии медицины, болезнях и климате можно было подчерпнуть в «Кратком историческом и медикотопографическом очерке Кубанской кордонной линии Черноморского Казачьего войска» [11, с. 1]. Были еще несколько работ, увидевших свет до 1850 г., в которых приводились некоторые статистические сведения о Черномории.

С какими чувствами И.Д. Попко приступил к своему первому серьезному труду, мы можем только предполагать, но своему другу он сообщал, что «этот труд каждый день заключает меня в тюрьму войскового архива» [6, л. 50 об.]. В некоторых исследованиях о жизни и творчестве историка приходилось читать, что работа над «очерком» заняла у него несколько месяцев, но сам он в письме от 28 октября 1850 г. писал, что «это маранье стоило мне 40 ночей» [6, л. 74 об.].

В середине XIX в. на Кубани частыми гостями были болезни (лихорадка, малярия, цинга и др.), не обходили они стороной и И.Д. Попко. Вот и во время работы над рукописью его мучила «лютейшая лихорадка», которая «терзала меня, но я боролся и превозмогал ее» [6, л. 74].

Весьма любопытные строки об этом труде и отношении самого автора к нему можно прочесть в упомянутом выше письме. В нем говорится, как выглядела рукопись, переданная лично Иваном Диомидовичем наследнику, как он относился к екатеринодарской публике, можно даже узнать о его взаимоотношениях со своим непосредственным начальником – Г.А. Рашпилем.

Во второй половине 1850 г. будущий император, на тот момент наследник престола, Александр Николаевич предпринял путешествие на Кавказ, через Крым, с заездом в Екатеринодар: «... в 8 часов вечера Его Императорское Высочество прибыл в Екатеринодар и 16 числа имел дневку, во время которой, после слушания Божественной Литургии в соборе, изволил смотреть собранные войска, после чего принимал всех чинов Черноморского Войска...» [12, с. 303].

Одним из чинов, которого он принимал, был сотник И.Д. Попко. В ходе этой встречи и произошла передача рукописи: «16 сентября в 7 часов вечера, в Екатеринодаре я имел счастье поднести Его Высочеству убогий труд мой “Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков”. На другой день с рассветом Рашпиль получил при официальной бумаге, пожалованный

мне Его Высочеством бриллиантовый перстень в 250 р. серебром» [6, л. 74].

Далее следует описание рукописи: «Вышла, однако, толстая тетрадь. Прилагаю оглавление 14 отделов. Тетрадь переписана довольно исправно, переплетена в атлас синего цвета. К ней приложены карта Черномории, вычерченная в межевой комиссии и 5 картин – произведения бойкого и вдохновенного карандаша Головатого – 1) Чабанская арба в степи, 2) Знамя георгиевцев за 50-летнюю службу войска, 3) Кордонный пост в момент тревоги, и 4) Плавни, объятые осенним ночным огнищем. 5) Рисунки разных мундиров в войске. Каждая картинка помещена при приличном отделе. В посвящении высказаны эти главные мысли: 10 с лишком лет моей в войске безльготной и разносторонней службы ознакомили меня с черноморским казаком во всех его положениях, равно и с краем во всем его пространстве. Я поставил себе священным долгом ознакомиться с краем и войском Августейшего путешественника и Атамана. Просил принять слабый труд, как выражение усердного верноподданного желания казака служить Его Высочеству не токмо дедовским копьем, супостата метко разящим, но и пером трудолюбивым, на снисkanie полезных отечеству сведений подъемлемым. На заглавном листе девиз, или эпитаф: Ense et aratro¹ [6, л. 74–74 об.].

Затем Иван Диомидович делает важное уточнение, которое позволяет судить о характере автора и его отношении к окружающему его обществу: «Сдав свое убогое писание Его Высочеству я предал уничтожению черновые, чтобы не пошел мой манускрипт в толпу невежд и не быть мне предметом толков в обществе, где живу и служу, “в том омуте – как сказал Пушкин, где с Вами Я, купаюсь, милые друзья”².

Я подумал себе так: если найдут мое писанье чем-нибудь дельным, то его издадут, и тогда толкуй себе всякий, что хочешь – оно уже не мое – общее достояние; а нет – так стало быть оно не стоит внимания и прямая ему дорога в Лету. Рашпилю это очень не понравилось – он желал читать, знать, что я там намарал. Кроме одного писаря, никто не знал о моем труде, и можете вообразить, как “ходенем пошло

¹ Мечом и плугом (лат.).

² Строфы из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

трясинно государство”¹ – когда разнеслась весть, что я один в войске получил от Его Высочества награждение» [6, л. 74 об., 72].

О его непростых отношениях с и.о. атамана говорит последнее уточнение: «Рашпилю я сказал уже после того, как сдал тетрадь. Мои объяснения, по-видимому, его успокоили, но знаю, что он не простит мне этого» [6, л. 72 об.].

Рукопись была преподнесена наследнику 16 сентября 1850 г., а в виде книги она вышла в 1858 г. в несколько переработанном виде.

Почему Г.А. Рашпиль именно И.Д. Попко поручил эту работу...? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что представляла собой столица Черномории в то время, и кто в ней жил.

Вот как описывала Екатеринодар неизвестная Е.М.: «тронулись мы пешком по деревянным тротуарам. Тротуары эти или, лучше сказать, две доски, параллельно положенные и утвержденные на столбиках, приподняты на аршин или не много менее над поверхностью грязи, и проходят по обеим сторонам всех улиц; но есть переулки, где такая роскошь не полагается – там пешеходы должны управляться, как сами знают. Иногда, чтобы перейти улицу, из одного дома в другой, прохожие надевают высокие охотничьи сапоги, но липкая грязь втягивает и поглощает их на веки вечные... Рассказывают, что один пьяный казак, свалившись с досок, упал в грязь – и поминай, как звали... Чрез три года по тому месту проходила какая-то босая баба и наколола себе ногу на кончик казацкой пики, торчавшей из-под земли. По этим приметам догадались, что тут казак лежал и откопали его. Это, пожалуй, легенда; но вот в том же роде истинное происшествие. За два года до моего приезда завязла лошадь в грязи; достать ее оттуда и помыслить было нельзя, потому устроили кое как подмости и по ним доставляли ей корм, пока пучина ее не втянула в себя и с головой. Я и прежде слыхала о чудовищной екатеринодарской грязи; но действительность превзошла все ожидания: грязь была во всех видах – густая и жидкая; последняя разливалась по улицам целым океаном. Знаменитая лужа красовалась на главной Красной улице, против гостиных рядов: поверхность ей была покрыта, как бы смолою, отливавшей всеми цветами радуги. Все время моего пребывания в Екатеринодаре я наблюдала за нею, и могу сказать, что она не уронила своей славы:

¹ Строфы из басни И. А. Крылова «Лягушки, просящие Царя».

летом, в засуху, когда даже екатеринодарские улицы покрываются на пол аршина пылью, лужа стояла в неприкосновенности, все та же зловещая, разноцветная и готовая поглотить всякого, кто дерзнет к ней приблизиться. Влияние грязи на город неотразимо и знаменательно; она не только развивает и поддерживает лихорадки, но и мешает обществу; нет свободного сообщения, следовательно, и общежития. Не много развернешься в таком городе, как Екатеринодар, где дамы чтобы попасть в собрание должны тащиться на волах в длинных дрогах. Грязь такой насущный вопрос Екатеринодара, что там ни один разговор не может обойтись без грязи, хоть, слегка, коснутся ее...» [13, с. 79–80].

Общую картину жизни в Екатеринодаре в 1840–50 гг. можно охарактеризовать несколькими строками из небольшой работы В.Ф. Золотаренко: «Вообще содержание в Екатеринодаре не дорого, только недостаток в квартирах; жизнь скучна. С осени до весны грязь. Только раннюю весною и вздохнуть свободно человеку. Но летом, когда поспевают плоды, вы должны со дня на день ожидать лихорадки.

Театра постоянного нет, а странствующие актеры бывают самое короткое время. Об общественных гуляниях не думают. На лицах, вам встречающихся, вы читаете какое-то уныние: казак убит службою, а женщины изнурены климатом. Придет праздник, но вам прогуляться негде. Если вы вошли в дом, тут вы подчиняетесь всем требованиям этикета. Ни в словах, ни в обращении не обнаруживайте свободы.

Нет приятности в Екатеринодарской жизни, сколько в отношении общественных удовольствий, столько наиболее в отношении здоровья» [14, с. 62].

Кроме всего прочего, основную массу населения составляли казаки, большинство из которых считали, что человеку достаточно уметь читать и знать азы арифметики, даже к медицине они относились насторожено, т. е. образованных людей были единицы.

Известным на тот момент исключением из общей массы, кто мог бы справиться с работой по написанию «очерка», кроме самого И.Д. Попко, был Василий Федорович Золотаренко, написавший «Плач Василия при реке Кубани» (1846) и опубликовавший в 16 номере газеты «Кавказ» (1849) очерк об основателе Екатеринодарского войскового училища и черноморском просветителе К. В. Россинском. Но, к сожалению, он «эмигрировал» в Ставрополь.

В истории Черноморрии был еще один интересный персонаж – врач Екатеринодарской войсковой больницы и сотрудник медицинской газеты «Друг здравия» – Матвей Казимирович Багенский. Он достаточно продолжительное время публиковал свои материалы на медицинские темы в упомянутом издании. Но в 1848 г. он умер от холеры. Поэтому на тот момент единственным человеком, способным создать «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков» был Иван Диомидович Попко.

Изданная в 1858 г. книга «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» стала классическим трудом по истории Черноморрии. После ее публикации вышло немало других работ о казачестве. Как замечал Н.И. Костомаров: «По моему крайнему разумению, книга эта заслуживает внимания Академии, но при этом внимании не следует упускать из вида, что она не может исключать желаний другого описания Черноморья, более какая может служить руководством, для всякого, кто желает познакомиться с Черноморьем» [15, с. 141–142].

В заключение хотелось бы сказать, что труд И.Д. Попко до сих пор не потерял своей актуальности, и во многих книгах по истории казачества, вышедших после него, есть ссылки не только на данное сочинение, но и на другие работы замечательного историка.

Список литературы

1. Городецкий Б.М. Иван Диомидович Попко. Биобиблиографический очерк: Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сб. на 1913 год. – Екатеринодар, 1913. – Т. 17. – С. 333–396.
2. Трехбратов Б.А. Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Кубанские краеведы. – Краснодар. 2005. – С. 95–135.
3. Слуцкий А.И. Библиотека генерал-лейтенанта Ивана диомидовича Попко: Исследования и материалы. – М.: Наука, 2009. – Сб. 90. – С. 183–192.
4. Смирнов С. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). – М.: Унив. тип., 1879. – 514 с.
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.
7. О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению Императрицы Екатерины Вторья. – СПб., 1878.
8. Дубинин И.В., Иванцов И.Г. Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко. – Краснодар: Альбатрос, 2017.
9. Фарфаровский С.В., Козубский Е.Н. Биографические сведения о И.Д. Попко // Рус. архив. – М., 1910. – № 1.
10. Статистические сведения о Кавказской области и Земле Войска Черноморского // Журн. М-ва внутр. дел. – СПб., 1830. – Кн. 3.

11. Краткий исторический и медикотопографический очерк Кубанской кордонной линии Черноморского Казачьего войска // Журн. М-ва внутр. дел. – СПб., 1836. – Ч. 20.

12. Внутренние известия. Тифлис // Кавказ. – Тифлис, 1850. – № 76 (27 сент.).

13. Е.М. Письма о Черномории. Фельетон // Кавказ. – Тифлис, 1864. – № 12 (Четверг). – С. 79–80.

14. Золотаренко В.Ф. Город Екатеринодар 40-х годов. Рукопись «Плач Василия при реке Кубани; с предисл. и прим. Б. М. Городецкого // Известия ОЛИКО. – Екатеринодар, 1909. – № 4.

15. Костомаров Н.И. Разбор сочинения г. Попки «Черноморские казаки», составленный профессором Н.И. Костомаровым // Тридцатое присуждение, учрежденных П.Н. Демидовым наград. 16 июня 1861 г. – СПб.: Импер. акад. наук, 1861.

References

1. Gorodeckij B.M. Ivan Diomidovich Popko. *Biobibliograficheskiy ocherk* [Ivan Diomidovich Popko. Bibliographic essay] // *Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza* [Literary and public figures of the North Caucasus] / [Kuban collection for 1913]. – Ekaterinodar, 1913. – Т. 17. – С. 333–396.

2. Trekhbratov B.A. *Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko* [Life path and creative heritage of Ivan Diomidovich Popko] // *Kubanskiye kraevedy* [Kuban local historians]. – Krasnodar, 2005. S. 95–135.

3. Sluckij A.I. *Biblioteka general-lejtenanta Ivana diomidovicha Popko* [Library of Lieutenant General Ivan Diomidovich Popko] // *Kniga: Issledovaniya i materialy* [Book: Research and Materials]. – Moscow: Science, 2009. – Sb. 90. – С. 183–192.

4. Smirnov S. *Istoriya Moskovskoj duhovnoj akademii do eya preobrazovaniya (1814–1870)* [History of the Moscow Theological Academy before its transformation (1814–1870)]. – Moscow: at the University Printing House, 1879. – P. 514.

5. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State archive of the Stavropol territory] (GASK). F. 377. Op. 1. D. 8.

6. GASK. F. 377. Op. 1. D. 7.

7. *O dolzhnostyah cheloveka i grazhdanina, kniga k chteniyu opredelennaya v narodnyh gorodskih uchilishchah Rossijskoj imperii, izdannaya po vysochajshemu poveleniyu Imperatricy Ekateriny Vtoryya* [On the positions of a person and a citizen, a book for reading determined in the people's city schools of the Russian Empire, published by the highest order of Empress Catherine Vtoria]. – St. Petersburg, 1878.

8. Dubinin I.V., Ivancov I.G. *Materialy k bibliograficheskoj rekonstrukcii kataloga lichnoj biblioteki Ivana Diomidovicha Popko* [Materials for bibliographic reconstruction of the catalog of Ivan Diomidovich Popko's personal library]. – Krasnodar: Albatros, 2017.

9. Farfarovskij S.V., Kozubskij E.N. *Biograficheskie svedeniya o I.D. Popko* [Biographical information about I.D. Popko] // *Russkij arhiv* [Russian archive]. – Moscow, 1910. – №1.

10. *Statisticheskie svedeniya o Kavkazskoj oblasti i Zemle Vojska Chernomorskogo* [Statistical information about the Caucasus region and the Land of the Black Sea Troops] // *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. – St. Petersburg, 1830. – B. 3.

11. *Kratkiy istoricheskiy i medikotopograficheskiy ocherk Kubanskoj kordonnoj lini Chernomorskogo Kazach'ego vojska* [Brief historical and medical-topographic sketch of the Kuban cordon line of the Black Sea Cossack army] // *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. – St. Petersburg, 1836. – P. 20.

12. *Vnutrennie izvestiya. Tiflis* [Internal news. Tiflis] // *Kavkaz* [Caucasus]. – Tiflis, 1850. – № 76 (September 27).
13. *E.M. Pis'ma o Chernomorii. Fel'eton* [E.M. Letters about the Black Sea Region. Feuilletton] // *Kavkaz* [Caucasus]. – Tiflis, 1864. – No. 12 (Thursday).
14. *Zolotareno V. F. Gorod Ekaterinodar v 40-h godov. Rukopis' «Plach Vasiliya pri reke Kubani* [The city of Yekaterinodar in the 40s. Manuscript "Lamentation of Basil at the Kuban River] // *Izvestiya OLKO*. – Ekaterinodar, 1909. – No. 4.
15. *Kostomarov N.I. Razbor sochineniya g. Popki «Chernomorskie kazaki», sostavlennyj professorom N.I. Kostomarovym* [Analysis of the composition of Popka "Black Sea Cossacks", compiled by professor N.I. Kostomarov] // *Tridcatoe prisuzhdenie, uchrezhdennyh P. N. Demidovym nagrad. 16 iyunya 1861 g.* [Thirtieth award, established by PN Demidov awards. June 16, 1861]. – St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1861 g.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)"185/192"(049.32)

ГРНТИ 03.61.21. Историческая антропология

И.Ю. Васильев

**Казачья повседневность конца XIX – начала XX в.:
размышления над книгой Е.В. Годовой «Повседневная жизнь
российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.»
(СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020)**

Представлены размышления автора после прочтения монографии Е.В. Годовой «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.», изданной в Санкт-Петербурге в 2020 г. Автор приходит к выводу, что это интересная книга на сложную для изучения тему, которая заложила фундамент для новых направлений исследований: локальной повседневности различных населённых пунктов, территорий с казачьим населением, казачьих воинских частей, казачьей интеллигенции и т. д.

Ключевые слова: Е.В. Годовова, история казачества, история повседневности, повседневная жизнь казаков, казачество.

Igor' Y. Vasil'ev

**Cossack everyday life of the late XIX – early XX centuries:
reflections on the book by E.V. Godovova "Everyday life of the
Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX centuries"
(SPb.: DMITRY BULANIN, 2020)**

The author's thoughts after reading the monograph by E.V. Godovova «Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX centuries», published in St. Petersburg in 2020, are presented. The author comes to the conclusion that it is an interesting book on the topic, difficult to study, which laid the foundation for new areas of research: local everyday life of various settlements, territories with Cossack population, Cossack military units, Cossack intelligentsia, etc.

Key words: E.V. Godovova, history of the Cossacks, history of everyday life, the daily life of the Cossacks, the Cossacks.

Недавно вышедшая монография Е.В. Годовой «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале

XX вв.» [1], в которой исследуется сложная для изучения тема, наводит на ряд размышлений.

Основной особенностью повседневности казаков различных войск конца XIX – начала XX в. была их неоднородность. С одной стороны, она обусловлена самобытностью русского народа как такового. Для него характерны внутреннее разнообразие укладов жизни, значительные различия как между отдельными территориальными и социальными группами, так и внутри групп. С другой стороны, выбранный период – переломная эпоха, специфика которой – соседство и взаимодействие старого и нового.

Уклады жизни казаков разных войск и даже внутри войсковой территории были достаточно разнообразными. Взять те же широко известные различия казаков, живших в верховьях и низовьях Дона. Хотя можно выявить ещё больше элементов локальной специфики, вплоть до уровня отдельных станиц. Да и в одной и той же станице могли иметь место существенные отличия, например между казаками-старожилами и «приписными».

Все эти различия прежде всего относятся к сфере станичной, «гражданской» повседневности, при том, что казаки одного войска были объединены устойчивой войсковой идентичностью, самосознанием; воздействием казачьей воинской службы, ценностной значимостью православия и пр.

Изменения, связанные с новой, индустриальной эпохой также воздействовали на казаков очень по-разному. Одни беднели и начинали пить, другие эффективно использовали новые условия, и уровень их благосостояния быстро рос. В некоторых станицах, например Кубанского казачьего войска, станичники закрывали питейные заведения. Если кто-то начинал тяготиться статусом казака, казачьей службой, то для других казачий статус и служба сохраняли свою значимость.

Таким образом, переломная эпоха добавляла ещё больше разнообразия в казачью повседневность, начинали вызревать противоположные, альтернативные друг другу тенденции трансформации жизни казаков. Внутри казачьих социумов развивались разные идентичности, например: сельский наёмный рабочий из бедных казаков – предприниматели из казаков; казак-автономист – русский профессиональный военный из казаков. Внутренне разнообразной была казачья интелли-

генция. При этом все эти идентичности продолжали сохранять друг с другом связь в рамках традиционного казачьего самосознания, которое в ряде случаев сглаживало противоречия между ними.

Помимо центробежных тенденций существовали и центростремительные. Например, в процессе формирования находились уклад жизни и самосознание казачьих войск позднего формирования.

Что касается положения женщины, то казачьи сообщества оставались патриархальными, зачастую с достаточно высоким статусом женщины. Правда, никакого «амазонства», конечно, не было. Например, воспоминания старожилов кубанских станиц в целом показывают картину традиционной патриархальной семьи со значимым положением старших женщин (свекрови, бабушки и пр.). Описания же очевидцев-современников достаточно противоречивы. Здесь положение в каждой станице, каждую отдельную описанную ситуацию надо особо проверять на материалах других источников.

В целом всестороннее исследование казачьей повседневности конца XIX – начала XX в. – задача для большего научного коллектива, объединяющего исследователей из разных регионов. Источниковая база должна быть разнообразной и в то же время сравнительно однородной для разных регионов. Также необходимо сочетание этнографического и исторического материала, как это, например, было сделано в «Очерках традиционной культуры казачеств России» под редакцией Н.И. Бондаря [2]. При изучении повседневности указанного периода надо уделять особое внимание влиянию городской культуры, моды, железнодорожного транспорта на уклад казачьей жизни. На важность этих аспектов Е.В. Годовова справедливо указывает. Отдельно исследуемым сюжетом может стать вопрос об отражении казачьей повседневности в периодической печати и восприятии материалов прессы самими казаками. Архивные источники должны дополняться материалами устной истории. Последние помогают понять роль и важность того или иного явления повседневности для казачьей картины мира.

Итак, подробное и масштабное изучение казачьей повседневности рубежа XIX–XX вв. разных казачьих войск – сложно реализуемый проект, и монографию Е.В. Годовой можно рассматривать как фундамент для новых изысканий. Так, исследователям следует обратить внимание на местную специфику и разнообразие поведения казаков в

меняющихся условиях. Необходимо как можно более подробно показывать разнообразие казачьей повседневности, сочетание противоположных тенденций, характерных для конца XIX – начала XX в. Полагаем, делать это надо постепенно, шаг за шагом описывая локальную специфику казачьей повседневности указанного периода различных населённых пунктов, территорий с казачьим населением на основании максимально разнообразной источниковой базы. Также надо публиковать материалы, касающиеся повседневности казачьих воинских частей. Отдельно разрабатываемой исследовательской темой может стать изучение казачьей интеллигенции. Возможно, следует издавать продолжающиеся книжные серии с региональной тематикой. К тому же, в эпоху Интернета описанные выше отдельные фрагменты можно складывать в общую мозаику, например, размещая на отдельном сетевом ресурсе или на странице в социальной сети. В таких условиях «обобщающая монография» может постоянно редактироваться, обобщаться, улучшаться.

Список литературы

1. Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. [науч. ред. П.С. Кабытов]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. – 464 с.: ил.
2. Очерки традиционной культуры казачеств России / под общ. ред. Н.И. Бондаря. – Т. I. – М., Краснодар: Кубанский казачий хор, 2002. – 590 с.; Т. II. 2005. – 632 с.

References

1. *Godovova E.V. Povsednevnyaya zhizn` rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th - early 20th centuries]. – SPb: DMITRII BULANIN, 2020. – 464 p., il.
2. *Ocherki tradicionnoj kul`tury` kazachestv Rossii* [Essays on the traditional culture of the Cossacks of Russia]. – Т. I. – М. Krasnodar. 2002. – 590 s.; Т. II. 2005 – 632 s.

УДК 930(47)(049.32)

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX вв.)

В.А. Веретенко

**Новое слово в историографии повседневной жизни
российского казачества. Рецензия на книгу: Годовова Е.В.
Повседневная жизнь российского казачества
во второй половине XIX – начале XX вв. [науч. ред. П.С. Кабытов].
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 464 с., ил.**

Представлена рецензия на монографию Е.В. Годовой «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.», изданную в Санкт-Петербурге в 2020 г. Это комплексное исследование реконструкции повседневной жизни казаков в пореформенный период. Автором решена значительная научная проблема: проанализированы две сферы повседневности казачьего социума в целом – «военная» и «гражданская», изучена трансформация традиционной казачьей жизни под воздействием модернизационных процессов. Полученные результаты позволяют представить различные аспекты повседневной жизни казаков во внутренней взаимосвязи, существенно расширить и углубить представления об эволюции сословной структуры в общероссийском масштабе.

Ключевые слова: Е.В. Годовова, история казачества, история повседневности, повседневная жизнь казаков, казачество.

Valentina A. Veremenko

**A new word in the historiography of everyday life
of the Russian Cossacks. Book review: E.V. Godovova
"Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX –
early XX centuries" (SPb.: DMITRY BULANIN, 2020)**

A review of the monograph by E.V. Godovova «Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries», published in St. Petersburg in 2020. This is a comprehensive study of the reconstruction of the everyday life of the Cossacks in the post-reform period. In the course of the research, the author solved a significant scientific problem: two spheres of everyday life of the Cossack society as a whole - "military" and "civil", were analyzed, the transformation of traditional Cossack life under the influence of modernization processes was studied. The results obtained make it possible to present various aspects of the everyday life of the Cossacks in internal interconnection, to significantly expand and deepen the understanding of the evolution of the estate structure on a national scale.

Key words: E.V. Godovova, the history of the Cossacks, the history of everyday life, the daily life of the Cossacks, the Cossacks.

© Веретенко В.А., 2020

© Veremenko Valentina A., 2020

В 2020 г. в Санкт-Петербурге при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований вышла книга доктора исторических наук Елены Викторовны Годовой «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.».

В условиях возросшего научного интереса к изучению повседневной жизни населения России прошлых веков, социальной истории, истории казачества монография обладает особой актуальностью. Несмотря на имеющийся значительный объем научных исследований в области казачества, в изучении его истории до сих пор оставались «белые пятна». К их числу относится проблема, исследуемая автором монографии. Современное переосмысление роли казачества, возрождение его традиций невозможно без обращения к его историческому прошлому.

Актуальность темы исследования определяется назревшей потребностью расширить имеющиеся в исторической науке представления о стратегии социального поведения людей в условиях крупных исторических перемен, вызванных происходившим во второй половине XIX – начале XX в. процессом модернизации, стимулировавшим различные адаптационные формы жизнедеятельности различных социальных слоев и групп Российской империи.

Научная новизна монографии обусловлена тем, что впервые в отечественной историографии на основе привлечения широкого круга исторических источников предпринята попытка реконструкции повседневной жизни российского казачества во второй половине XIX – начале XX в. Автору успешно удалось справиться с важной и в то же время сложной задачей – изучить две основные сферы повседневности казачьего социума – «военную» и «гражданскую», проанализировать трансформацию традиционной казачьей жизни под воздействием модернизационных процессов.

Значимость выполненного Е.В. Годовой целостного анализа трансформации казачества в условиях российской модернизации обусловлена методологическими подходами к решению исследовательских задач. Использование подходов и методов «новой социальной истории», истории повседневности, микроистории, исторической антропологии и др. позволили автору по-новому взглянуть на повседневную жизнь казачества во второй половине XIX – начале XX в.: провести реконструкцию традиционных и новых повседневных практик

в условиях военно-походного и мирного времени, охарактеризовать ментальные стереотипы, особенности поведения казаков в различных жизненных условиях, восприятие ими тех или иных событий.

Научный труд Е.В. Годовой имеет и практическое значение, которое заключается в том, что сформулированные в нем положения могут быть использованы для определения нового вектора направлений процесса становления современного казачества, переосмысления его роли в новых условиях с учётом современных геополитических интересов России и обеспечения её территориальной целостности; в возможности применения результатов исследования при подготовке обобщающих трудов по социальной, военной, экономической истории России, истории казачьих войск, гендерных изысканий.

Монографическое исследование Е.В. Годовой выполнено на основе широкого круга исторических материалов, включая архивные документы из многочисленных фондов десяти российских архивохранилищ. Следует подчеркнуть, что многие архивные документы были впервые введены автором в научный оборот. Источниковую базу рецензируемого исследования составили нормативно-правовая и делопроизводственная документация, этнографические, статистические и справочные материалы, художественная литература, фотодокументы, периодическая печать, а также источники личного происхождения, использование которых помогло внести в исследование «живой дух времени» и предоставило автору монографии возможность охарактеризовать внутренний мир российских казаков и, в частности, раскрыть эмоциональное состояние людей того времени.

Корпус исторических источников, положенных в основу исследования, является репрезентативным и достаточным для достижения поставленной автором цели и решения сформулированных в работе задач. Как опубликованные, так и неопубликованные источники, критически осмысленные автором и многократно использованные в монографии, позволили Е.В. Годовой оценить изменения, происходившие в повседневной жизни казаков в переломную для российского народа эпоху.

Структура монографии логична и определена целью и задачами исследования.

Как несомненное достоинство монографии следует отметить сформулированное Е.В. Годовой понятие «повседневность» (регу-

лярно происходящие в обыденной жизни казаков явления действительности, восприятие их и отношение к ним, меняющееся под воздействием внешних факторов), применительно к объекту своего исследования – казачеству [1, с. 9–10]. При этом пограничное расположение казачьих территорий с заметной милитаризацией, установлением особых военизированных форм администрации позволило определить зоны казачьего расселения как фронтир, а оформившийся на них социально-экономический уклад – как фронтирную повседневность. Фронтирная модернизация требовала ротации кадров и способствовала распространению казачьих обычаев и традиций на новых территориях, тем самым формируя казачью идентичность и независимо от принадлежности к войску схожесть повседневной жизни, которая у казаков, как военно-служилого сословия, состояла из двух – «военной» и «гражданской» [1, с. 12].

Убедительными выглядят выводы Е.В. Годовой о том, что экстремальные условия военно-полевого быта способствовали формированию военно-походной повседневности, а казаков-воинов с психологией комбатанта независимо от места службы отличала повышенная боеспособность за счет выносливости, адаптации к суровым погодным условиям, быстрого реагирования на опасность, военно-профессиональных умений и навыков, сформированных с детства. В монографии отмечается, что положительное отношение казаков к участию в военных кампаниях за годы Русско-японской и Первой мировой войн меняется на противоположное.

С научной точки зрения существенный интерес представляет анализ изменений, происходящих в станичной жизни. Е.В. Годова приходит к выводу, что в пореформенный период в жизни казачьей станичной общины происходили перемены: решение жизненно важных вопросов постепенно переходило в руки казачьей верхушки и отражало ее интересы. Однако казачья община продолжала существовать, регулировала поземельные отношения, способствовала развитию местной инфраструктуры. Постепенно и с большим трудом модернизационные изменения проникали в экономическую и бытовую повседневность казаков. Быстрее это происходило в станицах, расположенных ближе к городам, почтовым трактам, судоходным рекам и железным дорогам. Воздействие городской культуры находило отражение и во внешнем виде казаков пореформенного периода, новых

формах проведения досуга, что никак не принималось старожилками казачьих станиц [1, с. 387].

Изучение социального пространства казачьей жизни с применением стратификационного подхода позволило Е.В. Годовой выявить специфические черты повседневности определённых групп: казачьей семьи, женщин, детей, иногородних станичных жителей, а также проследить проявление девиантных поведенческих особенностей в казачьей среде. Е.В. Годова приходит к выводу, что модернизационные процессы повлияли и на традиционный уклад жизни казачьей семьи, в которой, начиная с 80-х гг. XIX в. наблюдается кризис традиционных ценностей: снижается авторитет старшего, растёт количество супружеских измен, распространённым явлением становятся семейные разделы. Опираясь на гендерный подход, Е.В. Годова исследует положение женщин и детей в семье и казачьем обществе в целом. Она отмечает, что под влиянием модернизационных изменений казачки становятся более женственными и самостоятельными, постепенно меняется отношение к образованию детей, а именно растёт заинтересованность казачьего населения в этом. Своеобразным катализатором происходящих внутри казачьего социума изменений стали представители невойскового сословия, которым разрешили селиться на казачьих землях. Кроме этого, пришлый элемент становился и нравственным деморализатором казачьего населения, о чем свидетельствует возникновение в казачьей среде к концу XIX в. элементов морального разложения: грубости, неуважения к старшим и прямое нарушение дисциплины [1, с. 364].

В заключение в монографии концептуально изложены результаты исследования. Обогащают монографию приложения, где представлены интересные сведения, документы и фотографии, служащие иллюстрацией основных положений исследования.

Итак, монография «Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв.» является первой специальной комплексной работой, в которой на основе привлечения широкого круга архивных и документальных источников предпринята попытка реконструкции повседневной жизни российского казачества во второй половине XIX – начале XX в., что, несомненно, вносит весомый вклад в изучение истории казачества и одновременно служит отправной точкой для будущих исследований.

Литература

1. Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. [науч. ред. П.С. Кабытов]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 464 с.: ил.

References

1. *Godovova E.V. Povsednevnyaya zhizn` rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries] [scientific. ed. P.S. Kabytov]. – SPb.: DMITRII BULANIN, 2020. 464 p., il.

Сведения об авторах

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: olga8011@yandex.ru

Бочило Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: bochilka@yandex.ru. ORCID 0000-0002-4943-2264

Васильев Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский Казачий хор»; e-mail: ivasee@mail.ru

Веремченко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru. ORCID 0000-0002-5217-5609

Вишняков Иоасаф (игумен), магистрант, Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви Московского патриархата, игумен, Богородице-Рождественский Ферапонтов монастырь; e-mail: feparont-museum@mail.ru

Дубинин Игорь Владимирович, библиотекарь, Динский механико-технологический техникум; председатель, Динское районное отделение «Российского общества историков-архивистов», станица Динская, Краснодарский край, РФ; e-mail: titlo@mail.ru

Захаркевич Степан Артурович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; e-mail: stepanzah@mail.ru

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент 1-й кафедры, Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М. Штеменко, Краснодар, РФ; e-mail: IIG23@yandex.ru. ORCID 0000-0002-3820-3642

Карасева Екатерина Андреевна, студентка гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: ketrynkar00@gmail.com

Кулаков Владимир Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, Институт археологии РАН (Москва); e-mail: drkulakov@mail.ru

Паршукова Ирина Николаевна, магистр культурологии, директор, филиал КБИАХМЗ «Музей фресок Дионисия»; e-mail: ferapont-museum@mail.ru

Радкевич Алина Дмитриевна, студентка гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: aradkevich086@yandex.ru

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; e-mail: i.sidorchuk@spbu.ru. ORCID: 0000-0001-9760-2443

Трегубова Марина Сергеевна, магистр истории, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Шуб Мария Львовна, доктор культурологии, доцент, зав. кафедрой, Челябинский государственный институт культуры; e-mail: shubka_83@mail.ru

About authors

Balabeikina Ol'ga A., Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: olga8011@yandex.ru

Bochilo Irina G., candidate of historical Sciences, associate Professor, Belarusian state University, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: bochilka@yandex.ru; ORCID 0000-0002-4943-2264

Dubinin Igor' V., Librarian, Dinsky Mechanics and Technology College; Chairman, Dinskoe District Branch "Russian Society of Historians-Archivists", village Dinskaya, Krasnodar Territory, RF; e-mail: titlo@mail.ru

Ivantsov Igor' G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the First Department, Krasnodar Higher Military School named after the General of the Army S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russian Federation; e-mail: IIG23@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-3820-3642

Karaseva Ekaterina A., Student, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: ketrynkar00@gmail.com

Kulakov Vladimir I., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Archeology of the Migration Period and the Early Middle Ages, Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences (Moscow); e-mail: drkulakov@mail.ru

Parshukova Irina N., Master of Cultural Studies, Director of the branch of the "Museum of Dionysius frescoes"; e-mail: ferapont-museum@mail.ru

Radkevich Alina D., Student, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: aradkevich086@yandex.ru

Shub Mariya L., Doctor of Culturology, Associate Professor, Head of the Department, Chelyabinsk State Institute of Culture; e-mail: shubka_83@mail.ru

Sidorchuk Il'ya V., PhD in history, associate professor, St. Petersburg State University, Faculty of Liberal Arts and Sciences, Russia; e-mail: i.sidorchuk@spbu.ru. ORCID: 0000-0001-9760-2443

Tregubova Marina S., Master of History, Postgraduate Student, Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Vasil'ev Igor' Y., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture «Kuban Cossack Choir»; e-mail: ivasee@mail.ru.

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, Russian Federation; e-mail: v.a.veremenko@ya.ru; ORCID 0000-0002-5217-5609

Vishnyakov Ioasaf (abbot), Undergraduate of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, Abbot of the Nativity of the Mother of God Ferapont Monastery; e-mail: ferapont-museum@mail.ru

Zakharkevich Stepan A., candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of ethnology, museology and art history of the historical faculty of Belarusian State University. Republic of Belarus; e-mail: stepanzah@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «**История повседневности**» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Для заметок

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 3 (15)

На обложке размещена репродукция картины
Н. К. Пименко «Жертва фанатизма», 1899 г.

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 24.09.2020. Формат 60x84 1/16.3
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1666

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10